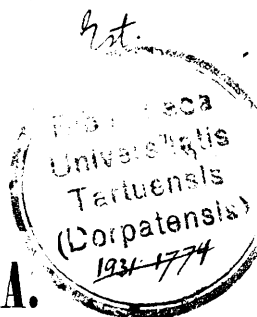

Соловьев.

Животное обозрение

ЖЕНА ПОТИФАРА.

(Посвящается М. П. Маркову).

I.

Синія волны священнаго Нила
Тихо у берега плещуть, журчатъ.
Свѣтомъ волшебнымъ луна озарила
Пышный дворецъ Потифара и садъ.
Стройныя пальмы, склонясь надъ рѣкою,
Сладкой дремотой и нѣгой полны,
Тихо качая во снѣ головою,
Слушаютъ сказки шумливой волны.
Сѣрымъ гранитомъ одѣта дорога,
Рядъ обелисковъ стоитъ по бокамъ;
Грозныя сфинксы лежатъ у порога, —
Вѣчная стража дворца по ночамъ...
Спать Потифаръ, Фараоновъ вельможа;
Въ пышномъ чертогѣ его тишина.
Будто змѣя, соскользнувъ съ его ложа,
Тихо встаетъ Потифара жена...
Спать Потифаръ въ тишинѣ этой ночи,
Только красавицѣ трудно заснуть.
Страстью горятъ ея черныя очи,
Страстью пылаетъ роскошная грудь.

Мужъ подъ лобзаньемъ ея не проснется
 И не обниметъ съ восторгомъ жену!
 Нѣтъ! Въ немъ любовію сердце не бьется, —
 Какъ Фараону, покорень онъ сну!
 И, озираяся, полунагая,
 Легкой стопою, неслышной, какъ сонъ, —
 Крадется тихо жена молодая
 Въ сумракѣ ночи изъ комнаты вонъ.

II.

Много покорныхъ рабовъ у вельможи!
 Сонъ охватилъ ихъ, заснули рабы...
 Спать, распростершись на жесткія ложа,
 Бѣдные пасынки грозной судьбы.
 Но между ними одинъ лишь не дремлетъ
 Юный Іосифъ, — въ затишьи ночномъ
 Съ вѣрой глубокой, что Богъ ему внемлетъ
 Молится жарко онъ Богу предъ сномъ.
 И на чужбинѣ Егѳовой хранимый,
 Не отступая отъ вѣры отцовъ,
 Сталъ онъ, слуга Потифара любимый
 Первымъ изъ лучшихъ вельможи рабовъ.
 Кончилъ молитву онъ, полонъ отрады;
 Сердцемъ покойный, Іосифъ прилегъ;
 Очи сомкнулись... Забытой лампы
 Въ комнатѣ блѣдный горитъ огонекъ.
 Сны налетѣли... Онъ снова на волю;
 Бодрый, счастливый, въ краю онъ родномъ.
 Вновь передъ нимъ безграничное поле,
 Небо раскинулось синимъ шатромъ,
 Дальнія горы сіяютъ снѣгами,
 Гнѣздятся тучи въ ущельяхъ нѣмыхъ,
 Мирное поле пестрѣетъ цвѣтами,

Воздухъ наполненъ дыханіемъ ихъ.
Полдень... ужъ стадо у рѣчки толпится,
Тихо журчитъ голубая волна...
Въ воздухѣ плаваетъ хищная птица...
Пращу беретъ онъ и — гибнетъ она.
Видитъ Іосифъ отца дорогого,
Видитъ онъ братьевъ, родимую мать, —
Счастливъ невольникъ, свободенъ онъ снова,
Съ мидыми сердцу Іосифъ опять!

III.

Блѣдно мерцаетъ лампада ночная,
Скоро навѣки погаснетъ она.
Къ ложу невольника, страстью пылая,
Тихо подходитъ вельможи жена
И, наклоняся къ его изголовью,
Долго она неподвижно стоитъ.
Молча красавица съ жаркой любовью
Тихо губами коснулась ланитъ...
Но, очарованный чудными снами
Онъ не проснулся... И снова она
Къ юнымъ губамъ прикоснулась губами,
Трепетомъ сладкимъ, любовью полна.
«Юноша, спишь ты, не зная заботы!
Если-бъ ты зналъ, какъ измучилась я?»
Очи открылъ онъ и вымолвилъ: «Кто-ты?»
«Я госпожа, я рабыня твоя!»
Долго, ревливо отъ всѣхъ я тайла
То, что измучило душу мою.
Юноша милый, тебя я любила...
Знай, я люблю тебя! Страстно люблю!
Все я забыла! Какое мнѣ дѣло,
Что ожидаетъ въ грядущемъ меня!

Мужнино ложе я кинула смѣло,
 Только любовь мою въ сердцѣ храня.>
 «А Іегова?» — «Подъ сумракомъ ночи
 Онъ не увидитъ, что дѣлаемъ мы!»
 «Нѣтъ, Онъ увидитъ! Нѣтъ, Божіи очи
 Видятъ сокрытое пологомъ тьмы.
 Слушай, — вездѣ Онъ; все видитъ, все знаетъ!
 Гнѣвъ Его страшенъ и судъ Его строгъ!
 Любящихъ грѣшной любовью, караетъ
 Неумолимой десницею Богъ!»
 «Милый, не бойся! Вѣдь всѣ эти боги —
 Выдумка жадныхъ до власти жрецовъ.
 Жертвы приносятъ имъ, строятъ чертоги,
 Но неподвижны статуи боговъ!
 Полно, не бойся руки ихъ суровой;
 Сами мы боги — и камни сильнѣй!» X
 «Нѣтъ, не поймешь ты, что мы предъ Еговой,
 Можешь быть, неже, ничтожнѣй камней...
 Мужъ твой проснется!» — «Такъ что-жь? Безъ боязни
 Смѣло скажу ему: да, я люблю;
 Я не боюсь ни мученій, ни казни, —
 Жизни цѣною любовь я куплю!
 О, обними меня... страстью горю я!
 Юноша милый, прильни ко груди!
 Въ сладостной нѣгѣ, въ сгнѣ поцѣлуя,
 Жалкихъ людей и богствъ ихъ забудь!
 Слышишь, какъ сердце въ груди моей бьется?
 Вся трепещу я, любовью полна...
 Слово лишь, — и въ поцѣлуѣ сольется
 Съ бѣднымъ рабомъ Потифара жена!..
 Рабъ, ты молчишь? Но вѣдь я не рабыня!
 Я госпожа... моя воля — забвень..
 И, будто львица безбрежной пустыни,
 Кинулась въ ложа... не вырвался онъ.
 «Рабъ, ты любовь мою встрѣтилъ надменно!

Ты изъ объятій моихъ убѣждалъ?
Но отомщу я, невольникъ презрѣнный!
Знай: ты погибнешь, — ты самъ пожелаешь...»

IV.

Сыростью пахнетъ въ холодной темницѣ;
Вѣчныя сумерки царствуютъ въ ней.
Будто въ туманѣ виднѣются лица
Тамъ заключенныхъ страдальцевъ-людей.
Слышны порою рыданья глухія,
Или проелятье врагу прогремить.
Узниковъ слышать лишь стѣны сырыя
И — только цѣпь имъ въ отвѣтъ зазвенить.
Въ тяжкихъ оковахъ служитель Егови,
Юный Іосифъ въ темницѣ сырой.
Но и подъ гнетомъ неволи суровой
Полонъ надеждъ и спокоенъ душой.
Вѣритъ онъ въ Бога, какъ прежде, глубоко.
Хоть и грозитъ ему вѣчная тьма!
Скрипнула дверь... распахнулась широко
И — озарилась свѣтомъ тюрьма...

В. Юрьевъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Русское государство возросло, укрѣпилось и раскинулось на громадное пространство, благодаря крѣпко-организованной центральной власти, установившейся въ московскомъ княжествѣ, переданной московскому царству и унаслѣдованной въ російской имперіи. Допуская на первое время въ каждой вновь присоединяемой области значительную автономію центральная власть обыкновенно, съ теченіемъ времени, постепенно сглаживала и отмѣняла политическія особенности новой области и оканчивала полнымъ объединеніемъ новой области со старыми. Такое формальное объединеніе было тѣмъ удачнѣе, тѣмъ глубже проникало въ жизнь, чѣмъ болѣе помогали ему объединяемые матеріалы. Князья-собиратели, подчинивъ независимыя русскія княжества своей власти, успѣли передать московскимъ царямъ однородное, дисциплинированное великорусское государство. Государственное единство было крѣпко единствомъ племени, языка, вѣры, общностью историческихъ преданій, сходствомъ старыхъ государственныхъ формъ съ московскими. Областные особенности улетучились такъ быстро, что взаимная неприязнь москвичей, владимірцевъ, тверичей, украинцевъ и проч. сохранялись только въ области народнаго юмора. Нѣ-

когда самостоятельныя земли обратились въ простыя административныя дѣленія и для обозначенія государственнаго племени явилось одно имя—русскіе люди. Труднѣе становилась задача унитаризма, когда историческая судьба привлекала къ русскому государству новыя области съ инымъ содержаніемъ. Формальное объединеніе уже не находило себѣ прежней основы въ народномъ тождествѣ. Московская великорусская унитарная форма встрѣчалась съ затрудненіями, которыя надолго, если не навсегда, задерживали естественное стремленіе московскаго государства—объединить все русское племя въ государственномъ отношеніи. Тягучесть московской политики, упорная вѣрность старымъ преданіямъ, составляли одно изъ главнѣйшихъ условій успѣха въ прошломъ, но московскому государству не доставало умѣнья примѣняться къ новымъ условіямъ, не было эластичности государственныхъ формъ. Этому недостатку мы обязаны тѣмъ, что было упущено присоединеніе всей южно-русской народности при Хмѣльницкомъ. Одно формальное подчиненіе общей власти не даетъ государству, составленному изъ нѣсколькихъ историческихъ народностей, той внутренней цѣлости, которая одна создаетъ силу государства. Такое единство собираетъ въ одинаковомъ подчиненіи множество національностей, все-таки внутренне ничѣмъ взаимно несвязанныхъ, другъ другу чуждыхъ, живущихъ своею жизнью, помнящихъ свои историческія преданія, порванные новымъ фазисомъ исторіи, а не перешедшія въ него, какъ въ высшую стадію развитія. Исторически-національное не существуетъ для подчиненныхъ народностей въ настоящемъ, какъ ничто положительное. Настоящее является отрицаніемъ и противоположностью прошлаго и вызываетъ областной сепаратизмъ. Въ самомъ благопріятномъ результатѣ формальный унитаризмъ можетъ утвердить въ областномъ племени преданность представителю власти, можетъ воспитать вѣрныхъ подданныхъ, но никогда не образуетъ патріотическихъ гражданъ, всецѣло преданныхъ родинѣ—государству въ его цѣ-

лости, въ забвеніи особенныхъ областныхъ отличій. Общность и объединеніе полицейскихъ и судебныхъ формъ недостаточны для органическаго объединенія государства. Для внутренняго единства и цѣлости требуются общечеловѣческія, юридическія и этическія основанія, начала политическія, а не полицейскія. Каждая изъ народностей, хранившая свято въ изолированной, пассивной жизни свои особенности, переходя въ активную политическую жизнь съ широкимъ горизонтомъ, неминуемо теряетъ значительнѣйшую часть такихъ особенностей, вноситъ свой вкладъ труда и мысли въ рѣшеніе общегосударственныхъ задачъ, усваиваетъ себѣ общіе интересы. Одна государственная идея воплощается въ разнообразіи областныхъ населеній, создаетъ этимъ внутреннее, духовное единство государства и создаетъ общій политическій типъ среди гражданъ, разнородныхъ по своему племени и историческому прошлому.

Господствуетъ-ли только внѣшняя унитарная система, течетъ-ли государственная жизнь въ высшихъ одухотворенныхъ формахъ, въ сложномъ, разнородномъ государствѣ необходимо имѣть точное понятіе о тѣхъ силахъ и элементахъ, которые введены въ составъ государства. Каждое племя, каждая народность существуетъ съ такимъ внутреннимъ, социальнымъ отношеніемъ элементовъ, съ такимъ духовнымъ строемъ, съ такимъ историческимъ характеромъ, которыя являются въ иномъ видѣ, въ иныхъ комбинаціяхъ у другого племени. Единство власти и учреждений не устраняетъ различія отношеній къ этой власти среди различныхъ народностей. Является разнообразіе силъ, которыя необходимо принимать въ соображенія внутренней политики. Изученіе этихъ силъ, практически необходимое, есть изученіе мѣстной исторіи. Прошлое народности, въ связи съ ея современнымъ положеніемъ, укажетъ, какая изъ народныхъ стихій, какое стремленіе народнаго духа имѣютъ за себя право и будущее развитія и, слѣдовательно, могутъ послужить надеждною опорою общегосударственнымъ цѣлямъ.

Государство разноплеменное должно знать тѣ народныя индивидуальности, которыя входятъ въ составъ его. Ознакомленіе съ прежней исторіей нашихъ иноплеменныхъ согражданъ становится необходимымъ для изученія ихъ настоящей индивидуальности.

Переломъ, совершившійся въ общественной и государственной жизни нашего отечества послѣ парижскаго мира, разбудилъ всѣ дремавшіе жизненные элементы, рычаги, неопѣнанные и просмотрѣнные прежними политиками, силы, ненаходившія себѣ исхода въ установленныхъ и регулированныхъ руслахъ. Этотъ толчекъ возбудилъ вниманіе центра на окраины, поднялъ потребность самоопредѣленія у окраинъ. Естественно поднялись сепаратистическія стремленія у окраинъ и естественно изъ центра государственной народности данъ былъ имъ жесткій отпоръ. Но борьба сказавшихся чувствъ не дала знанія и не могла не только разрѣшить, но и уяснить вопроса о силахъ и правѣ окраинъ. Эту цѣль можетъ облегчить только исторія, но исторіей окраинъ у насъ не занимаются. Исторія Финляндіи, Прибалтійскаго поморья, Польши и Литвы, Грузіи и Арменіи для Россіи еще не существуетъ. Въ этомъ отношеніи интереснѣйшія книги исторіи государства Россійскаго еще ждутъ своего автора.

Всего удивительнѣе кажется намъ отсутствіе въ русской литературѣ историческихъ свѣдѣній о прибалтійскомъ краѣ при той жизненности и кажущемся интересѣ, которые остзейскій вопросъ имѣетъ для русской публики, при тѣхъ многочисленныхъ, періодическихъ напоминаніяхъ о себѣ, которыя постоянно дѣлаетъ остзейская интеллигенція, при томъ значеніи, которое захватили себѣ нѣмецкіе элементы этого края въ русскомъ служиломъ сословіи. Между тѣмъ нельзя пожаловаться на недостатокъ источниковъ. Мѣстныя ученія общества и, ранѣе ихъ, отдѣльныя лица съ усердіемъ достойнымъ всякой похвалы и подражанія, собрали хроники, документы, грамоты и статуты, относящіеся къ

мѣстной исторіи, тщательно провѣрили текстъ, сличили съ иноземными и издали. Эти сырые матеріалы были обработаны талантливыми писателями. Г. Рихтеръ написалъ общую исторію края, весьма добросовѣстно, хотя не безъ сословнаго пристрастія и преимущественно съ юридической точки зрѣнія, и довелъ свой разсказъ до нашего времени. Г. Отто фонъ-Рутенбергъ написалъ теплый и гуманный, безпристрастный разсказъ объ историческихъ судьбахъ края до паденія его независимости, излагая событія въ большинствѣ случаевъ словами современниковъ. Въ его книгѣ мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ среди мѣстной интеллигенціи чувствомъ симпатіи къ задавленному, но коренному народонаселенію эстонскаго и литовскаго племени. Принадлежа къ одному изъ древнихъ рыцарскихъ домовъ Куроніи, авторъ, трудясь въ Германіи подъ вліяніемъ знаменитаго Шлоссера, хотѣлъ отрѣшиться отъ узкихъ феодалныхъ воззрѣній своихъ прибалтійскихъ соплеменниковъ и поставилъ себѣ задачею возстановить въ настоящемъ свѣтѣ исторію нѣмецкой колоніи, покоренія туземцевъ, развитія и паденія нѣмецкаго государства на балтійскомъ поморьѣ. Несмотря на простой, изящный разсказъ, напоминающій нерѣдко мастерскую манеру Гервинуса, книга г. Рутенберга прошла безслѣдно для русской литературы. Причину такого безучастія, кажется, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что социальнo-экономическая реформа, готовившаяся въ Россіи, поглощала въ 1859 и 1860 годахъ все вниманіе русской читающей и мыслящей публики, а затѣмъ книга потеряла приманку новизны и когда засвѣтилась эфемерная комета остзейскаго вопроса, о книгѣ трехлѣтней, старушкѣ, у насъ никто не помнилъ, а на поморьѣ не безъ умысла забыли.

Балтійская исторіографія начинается въ XIII вѣкѣ. Крещенный латышъ священникъ Генрихъ, Henr. Lettus, Henryk Kotwak или Kotysz, написалъ исторію водворенія христіанства въ Ливоніи при первыхъ трехъ епископахъ. Съ особенной любовью останавливается онъ на дѣятельности величай-

наго изъ нѣмецкихъ піонеровъ въ этомъ краѣ, рижскаго епископа Альберта и рассказываетъ въ связи съ этимъ призваніе рыцарей, учрежденіе ордена и исторію города Риги. Несмотря на туземное происхожденіе, Генрихъ всецѣло преданъ своему епископу и католицизму. Увезенный съ родины младенцемъ, онъ съ омерзеньемъ смотритъ на народную религію и все, творимое нѣмцами, въ его очахъ—богоугодно, тогда какъ племенная самозащита эстовъ и латышей ничто иное, какъ наущеніе дьявольское. Гораздо ниже Генриха по обстоятельности разсказа стоитъ непосредственно слѣдующій за нимъ авторъ рифмованной, сухой хроники рыцарь Дитлебъ фонъ-Альнпеке. Затѣмъ поморье не имѣетъ своихъ бытописателей до конца XIV вѣка, когда послѣдніе годы ливонскаго ордена нашли себѣ достойнаго обличителя въ пасторѣ Руссовѣ. Какъ Альнпеке, такъ и Руссовъ писали на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій и хроника перваго составляетъ по языку одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой нѣмецкой письменности. Эсты, Латыши и Куроны не имѣютъ голоса въ исторической письменности. Всѣ писатели-нѣмцы видѣли въ нихъ враговъ своимъ интересамъ, своей народности и своей религіи и или не скупятся на поруганіе туземцевъ, или вовсе не интересуются этими рабами. Время отъ времени извѣстія о голодѣ, погубившемъ тысячи; о моровой язвѣ, прошедшей помеломъ по деревнямъ; о внезапномъ кровавомъ возстаніи рабовъ противъ господъ, усмиреномъ съ беспощадной жестокостью, даютъ вспомнить, что около нѣмецкихъ замковъ живутъ многочисленные, чуждые нѣмцамъ, ограбленные, поработанные и ненавидящіе ихъ туземцы, да иногда военныя событія, набѣгъ Литвы на нѣмцевъ или нѣмцевъ на Литву, приподнимаютъ нѣсколько покровъ, брошенный поработченіемъ на судьбу и страданія побѣжденныхъ. Даже изустныхъ разсказовъ, пѣсенъ и преданій не осталось объ историческихъ судьбахъ, объ установленіи неволи въ памяти туземцевъ. Литва и латыши замѣчательны полнымъ отсутствіемъ эпическихъ сказаній въ ихъ

народномъ эпическомъ творествѣ, столь богатомъ лирическими произведеніями. Съ большими усиліями удалось найти небольшую пѣсенку, которую мы ниже приведемъ въ стихотворномъ изложеніи одного изъ извѣстныхъ нашихъ переводчиковъ, относящуюся, по предположенію мѣстныхъ ученыхъ, къ эпохѣ самой ожесточенной борьбы латышей съ орденомъ. Намъ не случилось видѣть эпическихъ сказаній эстовъ о своемъ прошломъ, хотя, говорятъ русскіе авторы, они существуютъ. Нѣмецкіе ученые собрали пѣсни и заговоры мифологическаго содержанія и издали эстонскій пересказъ знаменитой эпопеи Калевала. Рабы не имѣютъ прошлого. Гнетъ надъ туземцами былъ такъ тяжелъ, что мысль ихъ не могла отрѣшиться отъ злобы дня, не искала забвенія и утѣшенія въ прошломъ, не строила надеждъ на будущее, и они забыли свою прежнюю исторію; но мы не вправѣ отказать имъ въ будущемъ: восемь вѣковъ рабства, закрѣпощенія юридическаго, закрѣпощенія имущественнаго и моральнаго, не стерли туземцевъ, не онѣмечили ихъ; теперь-же это не-возможно. Народность, пережившая многовѣковый тяжкій періодъ порабощенія и отрицанія почти всѣхъ человѣческихъ правъ и не исчезнувшая, не слившаяся съ племенемъ побѣдителей, не выродившаяся въ креольство, такая народность уже своей живучестью и упругостью даетъ ручательство въ своемъ будущемъ. Ей вѣроятно, какъ древней, отжившей свою стадію культуры, человѣческой расѣ, не придется играть передовой роли, но никто не можетъ отказать ей въ мѣстѣ второстепенномъ, въ средѣ цивилизованныхъ народовъ, въ правѣ пользоваться сознательно плодами цивилизаціи и уже тѣмъ самымъ укрѣплять ее. Новая гражданственность, новое государство видятъ усиленіе не въ истребленіи всѣхъ народностей, чуждыхъ господствующей, не въ поглощеніи ихъ, но въ установленіи солидарности духовныхъ и практическихъ интересовъ, достигаемыхъ соединенными силами быстрѣе и надежнѣе, нежели силами одной господствующей лишь народно-

сти. Высшее единство выражается гармоніей, а не унисономъ.

Задачею поставили мы ознакомить нашу читающую публику съ тѣмъ, какимъ образомъ эстолитовское поморье наше сдѣлалось нѣмецкою колоніей, сначала католическою, потомъ лютеранскою; изъ какихъ элементовъ сложился государственный и общественный типъ этихъ областей и какъ пало это монашеско-рыцарское государство, сдѣлавшись, почти безъ борьбы, добычей Швеціи и Польши. Если дозволить обстоятельства, въ слѣдующей серіи рассказовъ мы прослѣдимъ судьбы этой окраины подъ властью Швеціи и Польши и затѣмъ подъ русскимъ владычествомъ. Въ настоящее время, излагая событія мы будемъ придерживаться главнымъ образомъ хроникъ Генриха Латыша и Альнпеке и исторіи Отто Ф. Рутенберга *).

I.

Древнія извѣстія о поморьѣ.

Страна, занимаемая нынѣ тремя прибалтійскими губерніями, представляется равниной, отлого опускающейся къ морю отъ живописныхъ холмовъ долины рѣки Аа на юговостоѣ. Морскіе берега плоски и обнажены отъ растительности.

---

*) *Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale für Liv-Ehst-und Kurland. I. Origines Livoniae. II. Ditleb von Alnpecke—livländische Reimchronik.—Geschichte der Osteseeprovinzen Liv-Esth-und Kurland seit der ältestenzeit bis zum Untergange ihrer Selbstständigkeit von Otto von Rutenberg. Leipzig. 1859. 2 Bde. — Матеріалы для географіи, и статистики Россіи: Курляндская губернія. 1862 г.—Лифляндская губернія. 1864 г.—Castrén. Vorlesungen über die finnische Mithologie.—roszewicz. Obraz Litwy. Wilno 1844—45. 3 t.—Szainocha. Odrodzenie się Polski.—Jadwigai Jagello. 3 vols. и др.*

Море, вообще бурное и особенно опасное осенью, намываетъ на берегахъ огромные холмы зыбучаго песка; вѣтеръ подхватываетъ ихъ и носить, разметывая жилища и засыпая лѣса. Человѣкъ постоянно борется съ этимъ врагомъ, отстаивая свои поля и гавани, но только въ послѣднее время его борьба начинаетъ подавать надежду на успѣхъ. Внутренность страны нѣкогда была сплошь покрыта лѣсами дубовыми и сосновыми. До сихъ поръ въ оголенныхъ мѣстностяхъ попадаются громадныя вѣковые дубы, свидѣтельствующіе о прошломъ лѣсномъ богатствѣ края. Лѣсъ, поддерживая влажность, питалъ множество рѣкъ, ручьевъ, озеръ: въ одной Лифляндской губерніи считается 325 рѣкъ и 1000 озеръ. Вода, не находя исхода, застаивалась въ болотахъ и непроходимыхъ тонахъ, занимающихъ и въ наше лѣсоистребительное время $\frac{1}{3}$ Лифляндіи и еще болѣе покрывающихъ Эстляндію. По берегамъ рѣкъ и озеръ находятся отличныя поемныя луга, а среднее теченіе Западной Двины издавна славилось своимъ плодородіемъ и всегда было первымъ сельбищемъ различныхъ завоевателей. Лѣсныя долины и поемныя луга доставляли туземцамъ возможность имѣть много скота и потому скотоводство было искони наиболѣе распространеннымъ занятіемъ туземцевъ. Защиту, и имъ и стадамъ, давали тѣже непроходимыя лѣса. Въ сторонѣ отъ большихъ водныхъ путей, вдали отъ торговаго движенія, край всегда отличался бездорожьемъ. Топи и болота стѣняли сообщенія. Дороги были длинны, извилисты и небезопасны. Офицеры нашего генеральнаго штаба нашли ихъ и теперь въ очень плохомъ состояніи, прежде-же безпрестанная вражда мелкихъ племенъ, конечно, заставляла туземцевъ видѣть одно изъ условій своей безопасности въ такой трудно-доступности своихъ селеній. Только зима, сковывая ручьи и озера и окаменяя топи и болота, уравнивала пути и отрывала доступъ внутрь страны. Оттого зима была наиболѣе опаснымъ временемъ года. Зимой вторгались окрестныя враги и зимой туземцы ходили на военный промыселъ.

Лѣса и море дѣлають климатъ влажнымъ и умѣреннымъ, хотя съ весьма переменчивой погодой. Острова: Даго, болотистый, и Эзель, богатый лѣсами на сѣверо-западѣ и отличными пастбищами на юго-востока, при климатѣ Англіи, обладаютъ вѣнской растительностью.

Угрюмѣе и бѣднѣе прочихъ—песчаная, болотистая и лѣсистая Эстонія,—последній оплотъ финновъ-эстовъ, укрывшихся въ этомъ мрачномъ угольѣ отъ побѣднаго движенія литовцевъ.

Негостепріимное море, не-заносившее сюда торговыхъ людей, располагавшее развѣ только къ морскому разбою, бѣдное промыслами, на южномъ берегу выбрасываетъ вмѣстѣ съ пескомъ янтарь, и сбытъ этого товара впервые донесъ до слуха цивилизованныхъ народовъ полуденной Европы сбивчивыя извѣстія о малоизвѣстныхъ племенахъ, сидѣвшихъ на поморьѣ. Страбонъ, Птоломей, Тацитъ смутно говорятъ о Гуттонахъ (б. м. Готтахъ), Эстуахъ, Эстрахъ, Остіяхъ, Гестіяхъ, въ которыхъ хотятъ видѣть Эстовъ и соплеменныхъ имъ Лявовъ, Куровъ, Эзельцевъ, Галиндовъ, Борусковъ. Въ третьемъ вѣкѣ Венды (народъ, повидимому, славянской), вытѣснилъ Куровъ съ береговъ Виндавы и распространяется по южному берегу Балтики. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Эсты вновь вытѣснили Вендовъ изъ Куроніи. Извѣстіемъ о посольствѣ Эстовъ къ Θεодорику остготскому, который принялъ ихъ янтарь и щедро отдалъ золотой монетой, кончаются извѣстія южныхъ историковъ о нашемъ краѣ. Другого рода извѣстія сообщаютъ намъ скандинавскія саги. Наѣзды на заселенный югъ поморья были первою школой викинговъ. Куроны и Эсты даютъ пиратамъ мужественный отпоръ. Они борются даже съ мифическимъ героемъ сѣвера Старкаддеромъ, жизнь котораго дала содержаніе одной изъ лучшихъ драмъ Эленшлегера, и скальдъ хвалить силу и мѣткость дротиковъ, бросаемыхъ Эстами. Въ этой школѣ викинговъ приучились и Эсты къ морскому разбою, платя набѣгами за набѣги. Въ позднѣйшее время ганзейская торговля сильно терпѣла отъ эстонскихъ пиратовъ.

Трудно сказать что-нибудь достовѣрное о нравахъ, обычаяхъ и религіи древнихъ Эстовъ до столкновенія и смѣшенія ихъ съ славянскими и литовскими племенами.

По языку ливы принадлежали къ обширной семьѣ финскихъ, народовъ, занимавшихъ въ то отдаленное время весь сѣверъ Скандинавіи, всю сѣверную и среднюю Россію до низовьевъ Волгой сплошной массой и только, начиная съ XII вѣка, постояннымъ приливомъ русской колонизаціи вытѣсненныхъ или слившихся съ южнорусскими переселенцами, создавъ при этомъ типъ великоруса. Этотъ, быть можетъ, важнѣйшій моментъ исторіи русскаго народа, оставилъ, къ сожалѣнію, самыя незначительныя слѣды въ письменныхъ памятникахъ. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью сказать, что эта колонизація была далеко немирною, но сопровождалась кровавой борьбой. Наши богатыри безъ числа и пощады сѣкутъ «чудь бѣлоглазую и сорочину долгополую» — въ XIV вѣкѣ нѣмецкія крестоносцы называли сѣверовосточныхъ язычниковъ — сѣверными сарацинами, — Илья Муромецъ (варіантъ XVII в.) сражается съ идолищемъ Скоропитомъ, т. е. Тарапитомъ, о которомъ ниже. Въ образѣ Тарапита олицетворяется финское племя. Въ сказкахъ Ивашка — бѣлая рубашка стережетъ проѣздъ въ тридесятое царство: бѣлый цвѣтъ былъ любимымъ цвѣтомъ Литвы. Наконецъ несомнѣнные элементы финскіе въ характерѣ великоруса и ничтожныя слѣды финскихъ заимствованій въ языкѣ свидѣтельствуютъ, что сліяніе славянскаго народа съ финскимъ ограничивалось одними финскими женщинами. Славянскія дружины (въ захолустяхъ до сихъ поръ семья зовется дружиной) подвигались, избивая мужчинъ и захватывая ихъ женъ и дочерей. Въ великорусскихъ пѣсняхъ добрый молодецъ обыкновенно является съ черными кудрями, дѣвица съ русою косой: славяне — народъ темноволосый, финны — бѣлокурый. — Разрозненные члены этой нѣкогда великой семьи народовъ существуютъ и по нынѣ. Весь скандинавскій и русскій сѣверъ до сихъ поръ населенъ скотоводами лопарями. Ниже ихъ, на западѣ

Финляндіи живутъ квенны, на востокѣ финны. Среди русскаго населенія къ сѣверу отъ Волги удѣлѣли корелы, вотяки, пермяки, зыряне; на крайнемъ востокѣ — вогулы и остяки, къ югу отъ нихъ черемисы, сильное еще племя мордва и на дальнемъ западѣ — венгры. Всѣ эти племена до сихъ поръ не утратили сходства въ языкѣ, но нынѣшнихъ различій, вѣроятно, не существовало прежде. Эсты и финны, западная вѣтвь этого племени, говорятъ до сихъ поръ почти однимъ языкомъ, чрезвычайно пѣвучимъ, благозвучностью напоминающимъ самыя музыкальныя дравидійскія нарѣчія Индіи. Эсты дѣлились на двѣ вѣтви: сѣверную и южную. Сѣверные эсты, жившіе къ сѣверу отъ западной Двины сохранили свою національность въ чистотѣ; южные эсты, занявшіе восточную Пруссію, Куронію и Литву приняли въ языкѣ многіе слова и обороты нѣмецкіе и славянскіе, а островные эсты — много скандинавскихъ словъ. Южные эсты заимствовали и обычаи своихъ сосѣдей. Куроны были извѣстны, какъ кудесники и пираты. Сношенія съ другими народами возвысили и степень ихъ благосостоянія. Въ болѣе первобытномъ видѣ являются сѣверные эсты.

Еще Тацитъ говоритъ о финнахъ, что у нихъ таеъ мало потребностей, что, повидимому, они достигли высшаго блага — отсутствія желаній. Вѣроятно, до покоренія, эсты на севѣрѣ также достигли относительнаго довольства, но послѣ тяжкаго иноплеменнаго гнета, они являются намъ почти какъ тацитовы финны. Вотъ какъ описываютъ недавній и настоящій бытъ эстовъ Крузе и Веймарусъ. Эсты живутъ въ небольшихъ, низкихъ бревенчатыхъ избахъ. Въ единственной жилой комнатѣ стоитъ печь безъ трубы и дымъ стелется по стѣнамъ, выходя или въ отворенную дверь, или въ маленькое окно, величиною болѣе квадратнаго фута. Потолка нѣтъ, а полъ, дѣлается или каменный, или изъ утопанной глины. Сверху по стѣнѣ идетъ полка, на которой сушится хлѣбъ. Тѣкій дымъ и дурной воздухъ порождаютъ частыя глазныя болѣзни и слѣпоту. Окна рѣдко со стеклами, чаще

заклеиваются лоскутьями бумаги. Двери низки, съ высокимъ порогомъ, безъ замковъ. Кровля дѣлается изъ тростника и соломы. Внутреннее убранство самое незатѣйливое. Вся домашняя утварь состоитъ, изъ большого стола, пары скамеекъ, сундука и короткой четырехфутовой кровати. Кромѣ котла, нѣсколькихъ деревянныхъ ложекъ и ножей, да корыта для приготовленія жидкаго пива, нѣтъ никакихъ, кухонныхъ принадлежностей. Въ такихъ, избахъ, живутъ — хозяева вмѣстѣ съ рабочими, засыпая на ночь въ повалку на полу, скамьяхъ, печи. Въ связи съ избой, подъ одной кровлей строится хлѣвъ, клеѣта. Атмосфера въ такихъ логовищахъ ужасна и свѣжій человѣкъ, едва можетъ вынести ее. Въ недавнее время землевладѣльцы стали строить для эстовъ болѣе удобныя жилища, однако, эсты предпочитаютъ свои курныя конуры. «Они, прибавляетъ Крузе, не сознаютъ ихъ неудобствъ и, кажется, не чувствуютъ никакого желанія улучшить свой бытъ». Такое тацитовское заключеніе въ наше время, конечно, требовало-бы болѣе основательнаго подтвержденія, а не одного психологическаго соображенія.

Вѣковое безправіе наложило на характеръ эста отпечатокъ вялости, сосредоточенности и своенравія, но долгая кровавая борьба, послѣ которой пришлецамъ удалось поработить ихъ, указываютъ, что въ эстонскомъ характерѣ не было недостатка въ мужественныхъ, активныхъ наклонностяхъ. До сихъ поръ, съ наивною стойкостью финновъ, эсть ненавидитъ нѣмцевъ и латышей. Эсты вообще малорослы, съ длиннымъ туловищемъ, тонкими костями и небольшими оконечностями. Голова у нихъ круглая, лице съ выдающимися скулами, лобъ узкій, полузакрытый длинными волосами, падающими въ беспорядкѣ; изъ подъ нависшихъ бровей сверкаютъ глубоко вѣзанные глаза. Между женщинами попадаются красивыя. Сами себя эсты называютъ маа-раавасъ, «туземцами», а свою землю мейе-маа. Сосѣди латыши зовутъ ихъ, чернокафтанниками, медлесварке, что дало поводъ

отожествлять ихъ съ геродотовскими меланхленами. Эсты до сихъ поръ живутъ скученно, селами.

О первоначальной религіи эстовъ можно составить приблизительное представленіе по тѣмъ многочисленнымъ суевѣріямъ, которыя, съ слабой примѣсью христіанства и до сихъ поръ господствуютъ въ религіозномъ міросозерцаніи эстовъ, и по тѣмъ древнимъ поэтическимъ произведеніямъ, которыя уцѣлѣли до нашихъ дней. Эта первобытная религія сходна съ религіями алтайскихъ народовъ, вообще, и, начавшись съ общаго имъ всѣмъ фетитишизма, пережила шаманство и политеизмъ. Эсты признавали безличное божество неба, Юммаль, которое потомъ вообще означало понятіе о божествѣ, спеціальнаго-же, человѣко-образнаго бога неба стали называть Укко и Тара. Обычное его прозвище ванна исса, ванна таатъ—старый отецъ. Онъ пупъ неба и поддерживаетъ голубой небесной сводъ. Въ сіяющей туникѣ, въ голубыхъ ноговицахъ и пестрыхъ башмакахъ, вооруженный разноцвѣтнымъ лукомъ и сверкающимъ мечемъ или молотомъ, Укко олицетворяетъ небо съ его молніями и радугами и повелѣваетъ атмосферическими явленіями. Когда громъ гремитъ, эсты говорятъ, что старикъ ворчитъ. Генрихъ Латышъ сообщаетъ нѣсколько подробностей объ этомъ божествѣ, которое онъ называетъ Тарапилла. У эстовъ онъ назывался Тарапикеръ: милый громъ. Идолъ Тарапилла стоялъ на островѣ Эзелѣ и его укрѣпленный храмъ пользовался далеко распространеннымъ уваженіемъ туземцевъ. У одноплеменныхъ пермяковъ, по сказанію сагъ, скандинавы нашли такіе-же храмы съ идолами, жрецами, священными быками и воронами. Эти идолы у эстовъ дѣлались изъ дерева; иногда дерево обдѣлывалось въ фигуру только до пояса. До сихъ поръ Тарапикеръ чествуется эстами. «Милый громъ, говоритъ одинъ заговоръ,—мы жертвуемъ тебѣ быка двурогаго, четырехопытнаго; просимъ тебя о нашей пашнѣ и посѣвѣ, чтобы наша солома была красна, какъ мѣдъ, а хлѣбъ желтъ, какъ золото. Сгони всѣ черныя, густыя тучи въ другія мѣста:

на болота великія, на лѣса высокіе, на пустыри широкіе. Намъ, пахарямъ и сѣятелямъ, подай время плодотворное и сладкій дождь. Святой громъ (rānariker)! храни наши поля, чтобъ они дали добрую солому снизу, добрые колосья сверху, доброе зерно внутри!» Независимо отъ Тары, міръ былъ преисполненъ множествомъ второстепенныхъ божествъ. Солнце, луна, звѣзды имѣли каждая своего мужскаго бога. Удачи и неудачи рыбной ловли и охоты населили божествами воды и лѣса. Особепнымъ почтеніемъ пользовался еще въ недавнее время ручеекъ Венганда, въ приходѣ Оденпе (Odenpä) дерптскаго уѣзда. Вокругъ него росла заповѣдная священная роща, въ которой нельзя было ни свалить дерева, ни сломать сучка, не подвергаясь опасности умереть въ теченіе года. Ручей ежегодно очищался съ великой тщательностью, такъ какъ всякая брошенная въ него нечисть влекла за собой долгое ненастье. Ручью приносили въ жертву животныхъ и дѣтей. Избранники видали и бога рѣки въ видѣ юноши въ желтосиней обуви. Такимъ-же почетомъ пользовалось озеро Эйме, которое поднялось на небо, оскорбленное людскою неправдой. Въ безчисленныхъ озерахъ и рѣкахъ жили такіе-же боги.

Лѣсные боги были также многочисленны и пользовались меньшимъ почетомъ. Въ дремучихъ трущобахъ, обильныхъ добычей, царилъ «зоркій» Тапіо, старецъ съ длинной темной бородой, въ высокой шапѣ изъ можжевеловыхъ иглъ и въ просторной шубѣ изъ мха. Счастливому охотнику, набившему много звѣря и возвращающемуся домой съ радужными мечтами о выгодной мѣнѣ цѣнныхъ шкуръ на товары, нерѣдко показывалась красавица Міелки, жена стараго Тапіо, разукрашенная браслетами, кольцами, повязкой и вѣнцомъ, съ жемчугомъ въ бровяхъ, въ синихъ ноговицахъ съ красными оборами. Нерѣдко, однако, при неудачной охотѣ, Міелки показывалась усталому охотнику въ страшномъ видѣ злобной старухи и преслѣдовала его до истощенія силъ.

Смерть не прекращала жизни, но лишь измѣняла форму бытія. Мертвый продолжалъ жить въ гробу, куда складывали

всѣ его любимыя вещи. Мертвецы бродятъ по землѣ и ихъ можно подслушать въ шумѣ вѣтра, трескѣ огня и шелестѣ листьевъ; видѣть же ихъ дано только шаманамъ, колдунамъ. Они могутъ вредить и потому живые приносятъ имъ жертвы. Надъ всѣми мертвыми господствуетъ богъ смерти: Туони (Мана, Калыка). Онъ не убиваетъ живыхъ, но только стережетъ мертвыхъ въ своемъ темномъ, мертвомъ царствѣ Туонелѣ или Маналѣ. Тамъ вѣчный холодъ, тамъ лѣса мрачны, текутъ черныя рѣки, а на поляхъ растутъ ядовитыя змѣиные зубы. Всѣмъ божествамъ, кромѣ подземныхъ, эсты дѣлали идоловъ и думали, что божество вселяется въ изображеніе и оживляетъ его. Эти идолы были по всюду въ рощахъ и лѣсахъ, на горахъ, при рѣкахъ, ручьяхъ и озерахъ. Кромѣ идоловъ поклонялись отдѣльнымъ деревьямъ, «божьимъ деревьямъ», и до смерти заганивали вокругъ такихъ деревьевъ плѣнныхъ проповѣдниковъ религіи любви, приходившихъ къ нимъ съ аргументами меча и арбалета. Около такихъ деревьевъ совершались и религіозныя обряды и откровеніе будущаго.

Кромѣ божествъ, у эстовъ и всѣхъ алтайскихъ народовъ признавалось существованіе безчисленныхъ духовъ, маагоненъ. Каждая живая душа имѣла своего духа-хранителя. Каждый домъ имѣлъ своего домового, Тонтъ, который невидимо заботился о благостояніи жилища. Теперь Тонтъ, какъ нашъ домовой—злое пугало.

Въ такихъ общихъ чертахъ является намъ первобытная религія эстовъ. Нѣтъ извѣстій объ особомъ, замкнутомъ жреческомъ сословіи, хотя историческія свидѣтельства упоминаютъ о жрецахъ, шаманахъ. Существованіе самостоятельныхъ мелкихъ божествъ, наряду съ общепризнаннымъ Юмалою, Укко, Тара-Пикеромъ, указываетъ на слабую племенную связь между отдѣльными народцами, а, между тѣмъ, появленіе всѣми чтимыхъ капищъ на Эзелѣ и Рюгенѣ указываетъ, что прежняя разобщенность стала переходить въ сознаніе общеплеменной солидарности. Литовское и вѣмец-

кое нашествіе съ юго-запада, русская колонизація на юго-востокѣ, сломавшія отдѣльныя силы финскихъ народцевъ, не дали возможности мигрологіи выработаться въ одну систему и только на дальнемъ сѣверѣ и востокѣ, да въ недоступной Суоми оставили въ покоѣ финское племя съ его своеобразной поэзіей.

Въ концѣ пятого вѣка эсты являются единственными хозяевами восточнаго и южнаго балтійскаго поморья. Въ шестомъ вѣкѣ положеніе это измѣняется. Великое движеніе народовъ, совершавшееся въ то время въ южной Россіи и сопредѣльныхъ странахъ, двинуло къ сѣверу славянскія племена. Слѣдуя по теченію Вислы, двинулось къ морю лехитское племя, вытѣснило или ассимирировало себѣ южныхъ эстовъ и заняло землю тремя отдѣльными племенами поляковъ, мазуровъ и поморянъ. Эсты подались на востокъ, но восточная сторона тоже не осталась неприкосновенною. По великому водному, «восточному пути» скандинавовъ двинулась другая славянская отрасль, дошла до Ильмена и цѣлою линіей городовъ, быстро усиливающихся на этомъ торговомъ пути, отрѣзала прибалтійскихъ эстовъ отъ восточныхъ сродичей. Между этими славянскими потоками съ юга валило на эстовъ новое племя, родственные славянамъ литовцы. Предполагаютъ, что они шли съ востока, отъ истоковъ Двины, по обѣимъ берегамъ рѣки, въ ея устью. Та часть племени, которая вытѣснила древнихъ туземныхъ ливовъ на сѣверъ отъ Эмбаха и на узкую песчаную полосу берега моря между Двиной и Пернавой, а сама поселилась на правомъ берегу Двины, извѣстна подъ именемъ леттовъ, летголы, латышей. По лѣвому берегу другая отрасль литовцевъ, семигалы (зимгола), заняла землю по рѣкѣ Мусѣ (нынѣ Аа) и прогнала туземныхъ куровъ на песчаный полуостровъ рижскаго залива. Отъ западныхъ границъ семигальскихъ поселеній до рѣки Мемеля утвердились самогиты (жмудь), а отъ Мемеля черезъ Прегель, вдоль по берегу засѣли самыя и отрѣзали отъ моря галиндовъ, судавовъ и другихъ древ-

нихъ туземцевъ. Столеновеніе литовскихъ племенъ съ эстонскими имѣло иной характеръ, нежели встрѣча этихъ послѣднихъ со славянами. Въ то время какъ славяне, вытѣснивъ туземцевъ, остались въ чистомъ, непримѣсномъ видѣ, литовцы приняли сильную эстонскую примѣсь въ свой языкъ и религію и образовали новую племенную разновидность, которая, распадаясь на нѣсколько отдѣлковъ, носила общее наименованіе пруссовъ. Такое явленіе слѣдуетъ приписать, быть можетъ, тому, что тѣснимые эсты уже не имѣли прежняго простора при отступленіи, должны были оказать болѣе сильное сопротивленіе литвѣ, вслѣдствіе чего и пришельцамъ пришлось занять землю условно, войти, волею и неволею, въ сдѣлку съ туземнымъ элементомъ.

Этотъ процессъ передвиженія племенъ, изгнанія однихъ, поселенія другихъ, сліянія литвы съ эстами и образованія новыхъ народовъ, подготовившій уже окончательную сцену для историческихъ событій, записанныхъ достовѣрными лѣтописцами, длился до девятаго вѣка. Съ девятаго вѣка начинаютъ встрѣчаться историческія извѣстія, относящіяся къ балтійскому поморью. Первымъ изъ таковыхъ будетъ описаніе путешествія Вульфстана мореходца, посланнаго отерывать новыя земли королемъ Альфредомъ Великимъ. Вульфстанъ посѣтилъ юго-восточный уголъ поморья и описываетъ его такъ.

«Большая рѣка Висла омываетъ землю видовъ и вендовъ. Страна видовъ принадлежитъ эстамъ. Висла протекаетъ землю вендовъ и впадаетъ въ эстонское море (Фришгафъ), эстонское же море шириною, по крайней мѣрѣ, пятнадцать англійскихъ миль. Съ востока въ эстонское море впадаетъ Ильфингъ (Эльбингъ), вытекающій изъ озера, на берегахъ котораго стоитъ Трусо. Земля эстовъ очень велика и въ ней много городовъ, въ каждомъ же городѣ особый король. Много тамъ рыбы и меда. Король и богачи пьютъ кобылье молоко, а бѣдные и рабы пьютъ медъ. Между ними частыя войны. Эсты не употребляютъ пива, но меда тамъ довольно».

Изъ приведеннаго отрывка можно представить себѣ соотношеніе литовской и эстонской національности. По большинству народонаселенія страна, по прежнему, носить на-

званіе эстонской, но побѣдители, какъ позже норманы въ Англіи, составляютъ аристократію, живутъ въ замкахъ (городахъ). Эти крупныя литовскіе землевладѣльцы, обладатели замковъ, и въ позднѣйшее орденское время носятъ названіе царьковъ, королей, *Reicks*, и уже, начиная съ девятаго вѣка, выступаютъ съ такими аристократическими привилегіями какими не пользовались никогда высшія сословія Литвы и Ливоніи.

«Существуетъ у эстовъ обычай,—продолжаетъ Вульфстанъ,—что когда кто-нибудь умираетъ, то остается среди родныхъ и друзей несожженнымъ одинъ или два мѣсяца, а короли и другія знатныя лица тѣмъ долѣе, чѣмъ они богаче, иногда полгода; и во все время, какъ лежитъ трупъ, пьютъ и веселятся до того дня, когда сожгутъ трупъ. Въ тотъ день, когда положить его на костеръ, дѣляютъ они имущество покойника, оставшееся отъ пиршествъ, на пять, на шесть или болѣе частей, смотря по наличности. Затѣмъ они раскладываютъ доли на протяженіи миль отъ дома, гдѣ лежитъ умершій, такъ, что наибольшая доля кладется дальше, а меньшія ближе отъ дома. Въ это время мужи, обладающіе быстрѣйшими конями, собираются за пять или за шесть миль отъ вещей. Тогда начинается скачка. Кто прежде всѣхъ подскочетъ къ долѣ, тотъ ее и беретъ, и никто не можетъ отнять ее у него. Оттого быстрые кони тамъ непомерно дороги *). Когда наслѣдство расточено такимъ образомъ, пиршествами и скачкою, выносятъ мертвеца и сжигаютъ его съ оружіемъ и одеждою. И существуетъ у эстовъ обычай, что кости мертвеца, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, непременно сжигаются; кто-же найдетъ несожженную кость, тотъ долженъ очиститься жертвою. Есть также у эстовъ искусство производить холодъ, и мертвые лежатъ у нихъ долго, не разлагаясь, потому что они наводятъ на трупы холодъ. Также могутъ заморозить сосуды съ водой или пивомъ, будь это зимой или лѣтомъ».

Таковъ правдивый рассказъ англосакса объ обычаяхъ, наиболѣе поразившихъ его вниманіе въ этой странѣ. Повидимому Вульфстанъ говоритъ, какъ очевидецъ, по крайней мѣрѣ, похоронныя обычай со всѣми подробностями сохранялись у пруссовъ въ описанномъ видѣ и въ 12-мъ столѣтіи.—

---

*) Обычай похоронной скачки до сихъ поръ сохранился у финновъ въ Финляндіи.

Приведеннымъ отрывкомъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія IX столѣтія. Какъ совершалось сліяніе покоренныхъ эстовъ съ литовцами, какъ сложился народъ и языкъ древнихъ пруссовъ остается неизвѣстнымъ, но уже въ слѣдующемъ столѣтіи всѣ мѣстныя діалектическія и этнографическія особенности исчезаютъ, на этомъ углу поморья является одинъ народъ и языкъ — прусскій и апостоломъ его является св. Адальбертъ (Войцѣхъ). Такой-же процессъ сліянія совершался и у куровъ и семигалловъ въ Курляндіи, гдѣ уже въ XIII столѣтіи латышскій языкъ вытѣснилъ изъ употребленія эстонское нарѣчіе. Иначе было въ Ливоніи. Ливы, опираясь на родственныхъ эзельцевъ и эстовъ, дольше боролись съ напоромъ литовцевъ и послѣдніе ихъ остатки только на нашихъ глазахъ мало по малу исчезаютъ, сливаясь съ латышами, какъ въ Курляндіи, такъ и въ Лифляндіи.—Къ концу десятаго вѣка завязываются постоянныя сношенія Пруссіи съ христіанскимъ міромъ запада и мало по малу остальные эсто-ливонскія и эстонскія племена втягиваются въ сѣть общей европейской исторіи. Дѣло началось съ того, что архіепископъ Адальбертъ, другъ и воспитатель императора Оттона III, возымѣлъ намѣреніе просвѣтити христіанствомъ сосѣднихъ варваровъ пруссаковъ. Отправившись изъ Данцига къ устьямъ Прегеля съ двумя спутниками, онъ сошелъ тамъ на землю и началъ проповѣдь евангелія и обличеніе нѣмыхъ и глухихъ идоловъ. Оскорбленіе стародавней святыми привело язычниковъ въ ярость. Грозя ему палицами, они обступили проповѣдника и кричали ему: «довольствуйся тѣмъ, что безнаказанно пришелъ сюда. Нами и всѣмъ этимъ царствомъ, на рубежѣ котораго мы живемъ, править одинъ законъ и одинъ обычай. Ты, подчиненный иному чужеземному закону, уходи сегодня-же ночью, если не хочешь быть завтра убитымъ». Эти слова, уцѣлѣвшія въ сказаніи самовидцевъ подвиговъ Адальберта, свидѣтельствуютъ о привязанности сего въ народной религіи, вполне подтверждаемой позднѣйшими кровавыми войнами

за вѣру, и указываютъ на то тѣсное общеніе, которое существовало между различными отраслями литовскаго племени, и которое выражалось не въ формѣ государственной, а въ соединеніи подъ однимъ религіознымъ закономъ и обычаемъ. Адальбертъ оставилъ негостепріимный берегъ и поплылъ далѣе. Вновь вышелъ онъ на берегъ въ южной части страны самовъ и эта попытка имѣла трагическій конецъ. Онъ зашелъ въ священную рощу, куда недолжна была вступать нога непосвященнаго и тѣмъ болѣе чужеземца. Сбѣжавшіеся жрецы и народъ захватили миссіонера и принесли его въ жертву очищенія богамъ, 23 апрѣля 997 г. Спутники Адальберта возвратились въ Польшу и рассказали о случившемся. Изуродованное тѣло Адальберта было выкуплено на вѣсь серебра и положено въ Гнѣзненскомъ соборѣ, гдѣ пребываетъ и нынѣ. Одиннадцать лѣтъ спустя Бруно съ восемнадцатью спутниками повторилъ попытку Адальберта съ такимъ-же успѣхомъ. Его тѣло было также выручено на вѣсь серебра. Но судьба мучениковъ разбудила религіозную ревность Польши. Болеславъ храбрый, завоевавъ славянское поморье и обративъ жителей въ христіанство, двинулся во главѣ большаго войска на пруссовъ, въ 1015 году. Захваченные врасплохъ, сами не рѣшились сопротивляться, были покорены, обложены данью и обязались принять христіанство. Народная святыня, Ромова, была сожжена, священные дубы изрублены вмѣстѣ съ богами и священный огонь, неугасимо горѣвшій, погашенъ. Въ этой гибели древней святыни цѣлаго племени заключался главный результатъ похода, имѣвшій огромное значеніе для всей послѣдующей исторіи Литвы. Боги и Криве-Кривейто, верховный служитель ихъ, оказались безсильными противъ новаго врага, ихъ обаяніе было разрушено, но вмѣстѣ съ этимъ была порвана и крѣпкая нравственная связь между различными отраслями племени. Позднѣйшія событія уже не свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ господствѣ одного закона и одного обычая въ цѣломъ племени. Криве-Кривейто,

до этого несчастнаго похода, начиная съ VI вѣка, былъ средоточіемъ національной жизни, какъ верховный жрецъ, слѣдовательно и какъ законодатель и судья; на всемъ пространствѣ отъ Ильфинга до Эмбаха его посланцы, предъ-явивъ свои жезлы, встрѣчали повсемѣстное повиновеніе велѣніямъ Криве. Это положеніе было сокрушено. Возникаютъ вновь Ромовы, упоминаются вновь Криве, но власть переходитъ уже къ мѣстнымъ старѣйшинамъ и князьямъ. Самое религіозное сознаніе должно было сильно исказиться, потерявъ свой племенной центръ, должно было раздробиться между отдѣльными народностями, вырождаться, измельчать и мало по малу низойдти до простаго суевѣрія.

Благочестивый подвигъ Болеслава въ слѣдующемъ столѣтіи повторяется со стороны Даніи. Скандинавскіе и эстонскіе пираты постоянно обмѣнивались посѣщеніями. Между тѣмъ, наступило время крестовыхъ походовъ, и морскіе наѣзды скандинавовъ на куровъ, ливовъ и эстовъ, получили названіе крестовыхъ походовъ на язычниковъ. Во второй половинѣ XII вѣка куры и эсты укрѣпились на островѣ Эландѣ и прекратили безопасность на всемъ Балтійскомъ морѣ. Съ большими потерями удалось датскому Вольдемару 1-му уничтожить это разбойническое гнѣздо. Однако пиратовъ не истребили. Въ 1188 году они проникли въ озеро Меларъ и разорили торговый городъ Сигдуну. За нѣсколько лѣтъ до этого, русскій полоцкій князь воевалъ съ Литвой и Летголой на низовьяхъ Двины и обложилъ ихъ данью. Зависимость этихъ народовъ отъ полоцкаго князя еще продолжалась, когда среди нихъ появился въ 1186 году первый апостолъ Ливоніи, монахъ Мейнгартъ. Съ этого момента начинается настоящая, достовѣрная исторія прибалтійскаго края.

II.

Первые миссіонеры и крещеніе латышей.—Епископы: Мейнгартъ, Бертольдъ, Альбертъ.—Основаніе Риги и ордена Меченосцевъ.

Съ усиленіемъ королевской власти въ древней отчизнѣ викинговъ, скандинавскіе разбои на Балтійскомъ морѣ мало по малу прекратились; пираты большими массами двинулись на сѣверъ, югъ и западъ; эстонскіе разбойники, образовавшіеся въ школѣ скандинавовъ, также встрѣтили сильный отпоръ на противоположныхъ берегахъ моря и балтійскія воды стали болѣе удобнымъ торговымъ путемъ, нежели прежде. Державцамъ скандинавскимъ было выгодно развить торговля сношенія, мирными занятіями укротить беспокойный, воинственный характеръ подданныхъ и возвысить общее благосостояніе своихъ владѣній. Такимъ замиреніемъ прежде всего воспользовались богатые нѣмецкіе города на юго-западномъ прибрежьи Балтійскаго моря. Сношенія съ Новгородомъ и великимъ восточнымъ путемъ существовали издавна. На островѣ Готландѣ появилась богатая колонія для сношеній съ береговыми народами моря. Восточная торговля была преимущественно въ рукахъ бременскихъ купцовъ. Они первые проникли въ устье Двины и распространили въ Германіи первыя извѣстія объ этой далекой странѣ, о плодородной рѣкѣ, о тучныхъ лугахъ и о нетронутыхъ лѣсахъ. Въ то время латино-германская Европа переживала эпоху великаго соціальнаго броженія. Крестовые походы манили вдаль всѣхъ недовольныхъ и разочарованныхъ плотно сложившимся феодальнымъ бытомъ; лучшіе люди духовенства мечтали о подвигахъ среди невѣрныхъ; лишніе люди въ тѣсныхъ городскихъ цехахъ искали новыхъ мѣстъ для промысла, земледѣлецъ тяготился помѣщичьими требованіями, возросшими съ тѣхъ поръ, какъ землевладѣльцы ближе познакомились съ богатствомъ юга Европы и Азіи; наконецъ,

бѣднѣло и размножившееся рыцарство. Неудивительно, что по первымъ разсказамъ купцовъ, двинулись въ устьѣ Двины ремесленники и были встрѣчены радушно грубыми, но добродушными варварами, съ охотой перенимавшими у нихъ знанія, необходимыя въ мирѣ и войнѣ.

Эти слухи дошли и въ древній Сегебергскій монастырь, числившійся въ любекской епархіи. Въ то время въ числѣ монаховъ обители былъ одинъ священникъ августинскаго ордена, по имени Мейнгартъ. Подобно многимъ изъ лучшихъ современниковъ своихъ, онъ старалъ жаждой подвига, дѣятельности среди новой, свѣжей обстановки, но подошла старость, побѣлѣли волосы, а подвига не представлялось. Вдругъ до него доходятъ извѣстія о странѣ языческой, ждущей проповѣди, вновь открытой его соотчичами. Предстояла задача внести слово Божіе въ языческій народъ, высшая задача того времени, и не было дѣятелей. Мейнгартъ рѣшился взять на себя апостольское дѣло. Ознакомившись съ языкомъ латышей, Мейнгартъ отплылъ въ сопровожденіи многочисленнаго купеческаго каравана и, поднявшись вверхъ по Двинѣ, высадился въ Искеулѣ (эстонская деревня), гдѣ уже прежде нѣмецкіе купцы выстроили острожекъ для обороны своихъ товаровъ.

Мейнгартъ началъ свою апостольскую дѣятельность среди народа литовскаго и эстолитовскаго племени. Прежде, нежели будемъ продолжать разсказъ о его проповѣди, будетъ непозлишнимъ ознакомиться съ характеромъ, обычаемъ, устройствомъ и религіозными понятіями этихъ племенъ.

Несмотря на этнографическія различія между подраздѣленіями литовскаго племени, всѣ эти народцы рѣзко отличались отъ чистыхъ эстовъ. На сколько эстъ мраченъ, упоренъ и мстителенъ, на столько литовецъ-латышъ (жмудинъ, семигаль, зель) впечатлителенъ, рѣчистъ, податливъ и боекъ, хотя вѣка угнетенія теперь и развили въ немъ лживость и недовѣрчивость. Костюмъ соотвѣтствуетъ характеру. Въ противоположность эсту, одѣтому въ темную траурную одежду,

литовецъ носить бѣлый или свѣтло-сѣрый кафтанъ, съ блестящими пуговицами, или на крючкахъ, съ прошивками изъ тесьмы, кожаный поясъ съ мѣдными бляхами, шапку же любить украшать цвѣтами. Бѣлокурыя литвинки одѣваются въ тѣже цвѣта, головное покрывало застегиваютъ большой металлической бляхой, любятъ янтарныя бусы и голову украшаютъ повязками, блестящими металлическими обручами и множествомъ лентъ. Этотъ пестрый нарядъ, столь непохожій на строгіе и бѣдные костюмы тогдашнихъ сѣвернонѣмецкихъ поселянъ, очень удивлялъ нѣмецкихъ пришлецовъ, равно какъ и искусство литвинокъ ѣздить верхомъ. Пѣсни не умолкали въ рабочее время въ латышскихъ селеніяхъ и подъ пѣсню спорилась работа, тогда какъ эсть работаетъ молча и спитъ, когда работы нѣтъ. До нашего времени крѣпко держится въ народѣ вѣковѣчная народная пѣсня, охватывающая весь бытъ латыша и литвина, въ нетронутомъ видѣ сохранившая подъ защитой малоизвѣстнаго языка языческія остатки и религіозныя воспоминанія сѣдой древности, совершенно свободная и игнорирующая тѣхъ чужеземцевъ, подъ власть которыхъ подпало это стойкое племя.

Въ общественномъ отношеніи эти племена представляются раздѣльными на неопредѣленное количество болѣе или менѣе крупныхъ территорій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаются общественныя собранія, маи, на которыхъ рѣшаются дѣла. Во всѣхъ изъ нихъ замѣчается присутствіе сильнаго аристократическаго элемента: крупные замлевладѣльцы, пользующіея сильнымъ вліяніемъ на общественныя дѣла; черта, постоянно характеризующая литовское племя. Такихъ вельможъ латышскіе и нѣмецкіе лѣтописцы называютъ *principes seniores*, *reiks*, сами же латыши звали ихъ кунгами, *Kundgs*; на ихъ обширныхъ земляхъ сидѣли подвластные имъ крѣпостные и рабы, доставшіеся на войнѣ. Но рядомъ съ этими помѣщиками на жмуди, т. е. къ Самогитіи, существовалъ до XVII вѣка сильный классъ свободныхъ земледѣльцевъ. Положеніе подрлстныхъ, по видимому, было из-

стари очень тяжело: въ литовской мифологіи для вѣрностей и рабовъ существовалъ особый богъ, къ которому они обращались, прося помолить бога аристократіи о смягченіи господъ. Лѣтопись Генриха Латыша застаётъ латышей живущими въ большихъ селеніяхъ, похожихъ на города, но много свободныхъ людей жили въ отдѣльныхъ хуторахъ среди лѣсовъ, въ огромныхъ бревенчатыхъ нумахъ, съ очагомъ, посрединѣ, съ домашнимъ скотомъ подъ одной кровлей. Дома у латышей строились какъ у русскихъ славянъ изъ бревенъ проконопаченныхъ мхомъ. Посреди избы складывался очагъ, вокругъ котораго троекратно обводили новобрачную при вступленіи ея въ домъ жениха, Господствующей формой брака была купля невѣсты. Разставаясь съ домомъ родителей невѣста съ подругами оплакивала привольную дѣвичью жизнь въ трогательныхъ пѣсняхъ, исполненныхъ неподдѣльной поэзіи. Обычай допускалъ многоженство. Купля невѣсты и полигамія достаточно рисуетъ зависимое положеніе женщины въ семьѣ. Она была слугой, вполне подчиненной власти мужа, который имѣлъ надъ ней право жизни и смерти. Впрочемъ, если одна изъ женъ принадлежала къ высшему сословію, она пользовалась нѣкоторымъ почетомъ, ей прислуживали другія жены. Со смертью домовладыки власть переходила къ старшему сыну, который наследовалъ и права своего отца на женъ. Уродливыя дѣти безпощадно истреблялись. Изъ нѣсколькихъ дочерей, обыкновенно, только одну оставляли дома, а остальныхъ или продавали, или приносили богамъ. По древнему обычаю, жены не переживали своихъ мужей. Умершихъ сжигали на дубовомъ кострѣ съ оружіемъ, одеждами, сосудомъ меда, собаками, конемъ, слугами и служанками. Пепелъ собирался въ урны, на которыя потомъ насыпался высокій курганъ съ камнемъ на вершинѣ. Прускіе лѣтописцы сообщаютъ еще нѣсколько любопытныхъ обычаевъ, неизвѣстныхъ среди чисто литовскихъ племенъ и, по всему вѣроятію, заимствованныхъ у эстовъ. По ихъ сказаніямъ, подтверждаемымъ знатоками эстонскаго

племени, ближайшіи родственники, недожидаясь естественной смерти, удушали тяжко-больного подушками. Дѣти думали, что такимъ образомъ они исполняютъ долгъ сыновней любви. Дряхлые старики, готовясь къ смерти, учреждали пиршество, созывали родичей и друзей, возсѣдали въ бѣлой одеждѣ, весело пировали въ послѣдній разъ и затѣмъ сами налагали на себя руки. Похороны сопровождались обрядами, похожими на описанные Вульфстаномъ. Въ погребальной процессіи родные и наемныя плакальщицы провожали покойника до костра жалобными пѣснями. Остатки такихъ заплачекъ, рауда, сходныхъ съ русскими, сохранились до сего времени среди сельскаго населенія, твердо хранящаго стародавнія пѣсни. Вообще литвины и латыши до сихъ поръ страстно любятъ пѣніе. Ихъ пѣсни, исключительно лирическія съ сильнымъ языческимъ оттѣнкомъ, по большей части, состоятъ изъ короткихъ четверостишіи, дайное, и поются или однимъ голосомъ или хоромъ подъ звуки шести струннаго инструмента, когкле или воынки. На войнѣ латыши и литвины употребляли длинную деревянную трубу, тауре. Тауре употреблялась и при богослуженіи: еще и теперь женихъ латышъ, выйдя въ поле, трубить на зарѣ въ тауре въ честь духовъ, покровителей дома и поля.

Плодородіе земли, обиліе пастбищъ, благодарный трудъ земледѣльца и цвѣтущее скотоводство, лѣса, богатые строевымъ лѣсомъ, бортами и всякой мелкой и крупной дичью, дали возможность латышу устроить свою жизнь, даже и подъ нѣмецкимъ гнетомъ, болѣе благоприятнымъ образомъ, нежели бѣдныя эсты, вытѣсненные въ песчанныя и болотистыя страны, къ финскому заливу. Земледѣліе, уходъ за скотомъ, охота и морской разбой составляли занятіе латышей и куроновъ. Праздность и нищенство преслѣдовались. Одни безпомощные старики могли ходить изъ дому въ домъ и встрѣчали повсюду радушный пріемъ. Литва всегда славилась гостепріимствомъ. Въ большихъ селеніяхъ учреждались для чужеземцевъ страннопріимные дома на тотъ слу-

чай, если неурядица препятствовала частному гостепріимству. Такіе дома и дороги состояли подѣ покровительствомъ особаго божества. Гостепріимство, впрочемъ, нерѣдко переходило въ безпросыпное бражничество. Богатые пили особый опьяняющій напитокъ, приготовляемый изъ кумыса и крови, остальные довольствовались пивомъ и крѣпкимъ медомъ.

Дробленіе, которое началось въ литовско-прусскомъ народѣ послѣ польскаго погрома 1015 году, и, вообще, мирный характеръ племени весьма невыгодно отражались на ихъ способѣ веденія войны. Враги почти всегда заставляли ихъ врасплохъ. Но, улучивъ возможность собраться съ силами, латыши были стойки и храбры. Конница на мѣстныхъ малорослыхъ и выносливыхъ коняхъ обыкновенно употреблялась только для набѣговъ, настоящую-же военную силу составляли толпы пѣшихъ, вооруженныхъ дубинами и палицами. Первые пришельцы изъ Германіи нашли только это оружіе. Палицы бывали метательныя и рукопашныя. Наступающаго врага встрѣчали градъ пущенныхъ палицъ и затѣмъ вступали въ схватку. вмѣстѣ съ палицами бились каменными молотами. Потомъ, черезъ нѣмцевъ стали пользоваться и желѣзнымъ оружіемъ: молотами и бердышами. Стрѣльба изъ лука была имъ неизвѣстна долгое время. Оборонительнаго металлическаго оружія тоже не знали, но, снаряжаясь на битву, покрывались шкурами зубровъ, и медвѣдей, обдѣлывая голову звѣрей въ шапки. Военноплѣнные обращались въ рабство или приносились въ жертву богамъ: такой участи всегда впослѣдствіи подвергались плѣнные рыцари и капланы. Передъ смертію гадали на плѣнныхъ о будущемъ, подвергая ихъ разнымъ истязаніямъ и по теченію крови, положенію язвы составляя свои заключенія. Кончали тѣмъ, что рыцарей въ полномъ вооруженіи, верхомъ на конѣ, сожигали въ священномъ мѣстѣ. Разореніе Ромновъ (или Ромовъ), какъ мы уже говорили, разрушило единство религіозной жизни литовско-прускаго племени. Племенная религія обособилась у отдѣльныхъ народовъ и, въ

настоящее время, едва-ли возможно возстановить систему литовской мифологіи, которая, впрочемъ, едва-ли и существовала въ народномъ ясномъ сознаніи.

Среди отрывочныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ врагами язычества, можно остановиться на весьма немногихъ фактахъ. Мы замѣчаемъ въ религіи литовцевъ явленія, переносящія насъ въ первобытнѣйшія и древнѣйшія эпохи религіознаго мышленія, и, вмѣстѣ съ этимъ, встрѣчаемся съ безконечнымъ разнообразіемъ образовъ, свидѣтельствующимъ о позднѣйшей эпохѣ политеизма и вѣры въ духовъ. Литовцы обоготворяли свѣтила и стихіи. Сотварось былъ у нихъ богомъ солнца свѣта и источникомъ огня. Ему соотвѣтствовала богиня луны Лайма (Лея, Мекуля). Какъ богъ огня, Сотворось чтился подъ именемъ Габіе, и въ этомъ случаѣ ему соотвѣтствовала Проурима, богиня пылающаго огня вообще и священнаго огня въ частности. Богъ земли назывался Земинникось или Курко. Антримпъ и Гордоелдінсъ управляли водой и воздухомъ. На алтаряхъ Перкуна, Курка и Прауримы горѣлъ неугасимый огонь. Въ каждомъ домѣ очагъ былъ домашней святыней и смотрѣніе за огнемъ поручалось обыкновенно дочери, которую, выдавая замужъ, трижды обводили вокругъ очага. Въ храмахъ за огнемъ наблюдали жрецъ и вайделотки, дававшіе необходимый обѣтъ безбрачія. Если огонь случайно угасалъ, его добывали изъ кремня, бывшаго въ рукахъ у Перкуна, а виновные, жрецъ или вайделотка, сожигались очистительной жертвой. До сихъ поръ огонь играетъ важную роль въ суевѣрныхъ обрядахъ сельскаго люда. Огонь былъ не только однимъ изъ атрибутовъ божества, но имѣлъ значеніе и самостоятельнаго субъекта поклоненія. Были особые мѣста, гдѣ горѣлъ неугасаемый огонь, которому поклонялись какъ божественному принципу жизни, зничі. Старѣйшимъ изъ боговъ признавался Окопирмась; нѣкоторыя племена считали таковымъ Виршайтаса или Аукстейасъ-Виссагштеса. Наибольшее, однако, распространеніе имѣлъ культъ Перкуна, какъ царя

боговъ, неба, земли, плодородія и грома. Вмѣстѣ съ Антримпомъ (Потримпомъ) и Поклюсомъ (Покельсь или Пиколь), онъ составлялъ особую троицу, пользовавшуюся всеобщимъ уваженіемъ въ различныхъ народностяхъ племени. Къ древнѣйшимъ элементамъ литовской мифологіи слѣдуетъ отнести, наряду съ поклоненіемъ огню и Сотваросу, вѣрованіе въ рокъ, котораго, какъ извѣстно, мы совершенно не видимъ въ славянской мифологіи. Прамжимась или Прокоримась (у латышей: Литкенсь) былъ обожествленнымъ предопредѣленіемъ, которое опредѣляло судьбы людей, міра и боговъ. Отчасти соотвѣтствовала ему Лайма, богиня Луны. Всѣ эти главныя божества чтились неравномѣрно разными народами. Упомянутая нами троица особенно почиталась литовско-прусскими народами, жившими вблизи моря. Поклоненіе солнцу долѣе всего держалось въ глубинѣ Литвы: еще въ 1345 году Ольгердъ приносилъ жертву солнцу. Литовско-прусскія племена имѣли на знаменахъ изображенія Перкуна, Потримпа и Поклюса, случайно дошедшія до насъ въ одной изъ средневѣковыхъ миниатюръ. Кромѣ этихъ главныхъ божествъ всѣ явленія природы, всѣ подробности обихода, каждое событіе въ жизни общества и лица, имѣли свое особенное мужское и женское божество. Кромѣ нихъ у литвы и латышей были и такія божества, которыя имѣли какое-то таинственное значеніе, оставшееся намъ неизвѣстнымъ, культъ которыхъ тайно, только для однихъ посвященныхъ, отправлялся особыми жрецами. За богами слѣдовали многочисленные полубоги, специально чтимые отдѣльными знатными родами. Въ связи съ поклоненіемъ огню удержался и древній культъ деревьевъ и змѣй: при идолѣ Потримпа содержалась священная змѣя.

Обиліе мифологическихъ представленій, глубокое религиозное мечтательное настроеніе духа, всегда отличавшее литовцевъ, разнообразіе и многочисленность обрядовъ обусловили образованіе жреческаго сословія въ болѣе организованномъ и стройномъ видѣ, нежели у сосѣдей эстовъ или

у языческихъ славянъ. Организациа жречества была сложная. Во главѣ его стоялъ Крече-Кревейто, за нимъ слѣдоваль Крече, функціи которыхъ малоизвѣстны; войделотъ и войделотки—жрецы и жрицы разныхъ особыхъ божествъ, носившіе, смотря по культу, разные названія; наконецъ были лица, уполномоченныя совершать извѣстные отдѣльные обряды, и наконецъ буртиникасы или бурте, литовскіе барды, пѣвшіе хвалу богамъ и героямъ, особенно-же Солнцу-Сотваросу. Крече Кревейто, въ эпоху своего могущества жилъ въ Ромновѣ, въ Пруссіи, недоступный и невидимый почти никому. Ромнова была потомъ перенесена въ Литву, къ устью Дубиссы при впаденіи ея въ Нѣманъ, затѣмъ въ Кернову, на рѣку Невяжу, а впослѣдствіи въ Вильну. Онъ и Крече должны были оставаться безбрачными. Вѣдѣнію ихъ подлежали не только религіозныя дѣла, но и судъ въ высшей инстанціи.

Богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ, въ тѣни вѣковыхъ дубовъ. Ромновская святыня была на широкомъ зеленомъ лугу, среди котораго стоялъ огромный дубъ. Въ нишахъ, вырѣзанныхъ въ дубѣ, стояли изображенія Перкуна, Потримпа и Поклюса. Перкунъ изображался въ видѣ сильнаго мужа съ огненнокраснымъ лицомъ, кудрявой бородой, съ лучами или огненными языками на головѣ. Потримпъ былъ въ видѣ безбородаго юноши съ вѣнкомъ изъ листьевъ и колосьевъ, а Поклюсъ въ видѣ старика съ мертвенно-бѣлымъ лицомъ, сѣдыми волосами и повязкой на головѣ. Предъ Перкуномъ горѣлъ неугасаемый огонь, при Потримпѣ стоялъ сосудъ со змѣемъ, прикрытый колосьями, а у Поклюса горѣла сальная свѣча и подлѣ стоялъ черепъ. На этой же долигѣ совершались жертвы и сжигались трупы. Въ жертву приносились животныя, произведенія земли, люди, а Потримпу — дѣти. Жертвенной кровью окропляли всѣхъ присутствующихъ. Иногда, въ древнѣйшее время, въ годину общественныхъ бѣдствій крече-кревейто приносилъ самого себя умиловительной жертвой за грѣхи народа. Въ опи-

сыгаемое нами время, лѣтописцы не упоминаютъ о кресте-крейто въ дѣлахъ латышей и ихъ соплеменниковъ.

Среди народа съ такими характерными чертами высадился Мейнгартъ и началъ свою дѣятельность. Прежде всего онъ обратился къ полоцкому князю Владиміру за позволеніемъ крестить ливовъ, подданныхъ князя, и получилъ его вмѣстѣ съ богатыми подарками. Въ скоромъ времени между жителями Искюля уже было нѣсколько новокрещенныхъ христіанъ. Въ слѣдующую зиму случилось происшествіе, привлечшее къ крещенію многихъ сильнѣе проповѣди. Литовцы сдѣлали набѣгъ и набрали много плѣнныхъ и добычи. Ливы растерялись, но Мейнгартъ вооружилъ своихъ сторонниковъ, сталъ въ засадѣ и внезапнымъ нападеніемъ выручилъ и полонъ и добычу. Послѣ этого крестились многіе и въ сосѣдней деревнѣ, Гольмѣ, на островѣ Двины. Въ Искюлѣ была ужь церковь. Мейнгартъ указалъ на беззащитность селенія и обѣщалъ выстроить каменный замокъ на свой счетъ, если ливы крестятся. Тѣ обѣщали. Въ слѣдующемъ 1187 году выписанные изъ Готланда каменщики соорудили замокъ въ Искюлѣ и церковь съ замкомъ въ Гольмѣ. Еще не окончена была вторая церковь, какъ бременскій архіепископъ рукоположилъ Мейнгарта епископомъ Ливоніи и присоединилъ новое ^{Ливоніи} Ливоніе къ своей епархіи.

Еще въ то время, когда Мейнгартъ могъ радоваться двугодовѣщью успѣху своей проповѣди, сотрудникъ его монахъ Тевдалекъ, посланный на сѣверъ, подвергся сильной опасности. Селившись въ Трейденѣ, онъ купилъ и обработалъ то привѣтныя и успѣлъ нѣкоторыхъ крестить. Туземцы согласіемъ креститься, но требовали, чтобъ имъ выстроили ^{соглаша} Вѣстову. Въ 1189 году дождь затопилъ поля ливовъ, нетруновъ, для Теодорика. Этимъ воспользовался жрецъ и возсталъ на народъ противъ проповѣдника. Посовѣтовавшись съ богами, рѣшили принести его въ жертву. У священнаго дуба положили копьѣ и стали вокругъ дерева обводить коня, но конь наступилъ на копьѣ правой ногой, стало быть

боги были противъ смерти монаха. Тогда жрецъ объявилъ, что христіанской богъ сидитъ на лошади и управляетъ ею: обмыли лошадь, но она снова коснулась копыя ногою жизни, Теодорикъ былъ спасенъ. Это происшествіе привлекло къ нему многихъ, а исцѣленіе одного больного примирило съ нимъ даже женщинъ, особенно враждебныхъ новой религіи.

Между тѣмъ стало измѣняться въ худшему. Ливы крестились охотно въ отплату за замки въ Икскуль и Гольмъ, но не придавали этому обряду никакого значенія, оставались въ сущности тѣми же язычниками и полагали что крещеніе можно смыть по первому требованію простымъ купаньемъ въ Двинѣ. Неудовольствіе разразилось, когда Мейнгартъ завелъ рѣчь о подчиненіи бременскому архіепископу и о десятинахъ. Ливы нашли, что достаточно одной дани полоцкому князю и заявили свой отказъ Мейнгарту въ такой формѣ, что онъ рѣшился возвратиться въ Бременъ за подмогой. Ливы испугались, обѣщали покорность и упросили епископа не уѣзжать вмѣстѣ съ купцами. Мейнгартъ послушался и раскаялся. Въ Гольмъ его встрѣтили съ насмѣшками, какъ обманутаго. Онъ удалился въ Икскульскій замокъ и задумалъ тайно пробраться въ Эстонию и оттуда уѣхать на Готландъ, но друзья предостерегли его, что ливы собираются на дорогѣ убить и ограбить его. Тогда Мейнгартъ остался на годъ, а Дитриха или Теодорика послалъ въ Римъ за папскою грамотою. Съ трудомъ пробравшись между взволнованными ливами, чувшими недоброе, Дитрихъ доѣхалъ до Римской церкви, рѣшилъ, что не слѣдуетъ допускать возвращеніе крестоносцевъ, прѣвѣ язычество и объявилъ прощеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто возложитъ на себя крестъ для защиты христіанства въ чужбинѣ. Это приглашеніе, однако, не привлекло никого. Въ то же время епископъ въ союзѣ съ ливцами, готландцами и шведскимъ герцогомъ воевалъ съ прибрежными курляндцами. Бурею занесло христіанъ въ эстонскую провинцію Виронію. Они вышли на берегъ и три дня грабили туземцевъ, наконецъ послѣдніе предложили креститься и заплатить окупъ.

Взявъ дань, шведскій герцогъ предоставилъ нѣмцамъ докончивать остальное. Много лѣтъ еще трудился Мейнгартъ, но безъ замѣтныхъ успѣховъ. Чувствуя приближеніе кончины, онъ созвалъ ливонскихъ старѣйшинъ, долго поучалъ ново-крещенцевъ, тронулъ ихъ и наконецъ спросилъ, хотять-ли они имѣть на мѣсто его другаго епископа? Всѣ съ одушевленіемъ отвѣчали, что желаютъ имѣть епископа и отца. Мейнгартъ умеръ въ 1196 году. Желаніе ливовъ было исполнено къ скорости.

Когда вѣсть о смерти Мейнгарта дошла въ Бременъ, архіепископъ немедленно назначилъ епископомъ щистерзіенскаго монаха Бертгольда. Это былъ человѣкъ иного закала. привыкшій къ удобствамъ цивилизованной жизни, неспособный къ жизни, требующей находчивости и рѣшительности. Съ великой неохотой принялъ онъ назначеніе. Прибывъ въ Икскюль, Бертгольдъ убѣдился, что, безъ вооруженной охраны, жизнь его подвергается неминуемой опасности и потому, не теряя времени, отправился въ Римъ, гдѣ получилъ вторичное приглашеніе созвать крестоносцевъ. Въ 1198 году онъ появляется у Гольма съ толпой панцырныхъ воиновъ и посылаетъ въ Икскюль спросить старшинъ, намѣрены-ли они возвратиться въ христіанство и не отпадать отъ него болѣе? Ливы отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Смущенный епископъ отступилъ къ горѣ Ригѣ при устьѣ Двины и сталъ совѣщаться, что дѣлать? Ливы тѣмъ временемъ собрались невдалекѣ и завязали переговоры съ нѣмцами. Они говорили епископу, что онъ можетъ воротиться въ Икскюль, но что привлечь къ крещенію слѣдуетъ не розгами, а убѣжденіемъ. Бертгольдъ, размѣнявшійся въ знакъ мира копьями, соглашался, но требовалъ заложниковъ. Пока шли переговоры, спутники епископа отправились добывать кормъ для лошадей и вели себя такъ, что были перебиты. Это неожиданное обстоятельство прервало переговоры. Бертгольдъ отослалъ копьѣ, вооружился и напалъ на туземцевъ. Превосходство оружія дало нѣмцамъ перевѣсъ. Ливы бѣжали.

Въ жару преслѣдованія конь занесъ Бертгольда въ средину бѣгущихъ и одинъ изъ нихъ закололъ его копьемъ, а другіе разорвали тѣло на части. Озлобленные за смерть своего вождя, нѣмцы опустошили окрестности и ливы обѣщали исполнить требованія христіанъ. Въ слѣдующіе два дня крестилось до 150 человекъ. Ливы впустили священниковъ, обязались доставлять имъ хлѣбъ и заключили миръ. Но покорность продолжалась недолго: какъ только нѣмецкій конвой поплылъ въ обратный путь, новокрещенцы бросились въ воду, повторяя слова: «мы смываемъ въ чистыхъ водахъ нашей рѣки ваше крещеніе, отрекаемся отъ чужой вѣры и племъ ее вслѣдъ за уходящими саксами». Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ они напали на оставшихся миссіонеровъ и разграбили ихъ имущество. Духовенство бѣжало изъ Икскюля въ Гольмъ. Тамъ ливы объявили имъ, что если кто-нибудь изъ нѣмцевъ останется въ странѣ болѣе назначеннаго времени, тотъ будетъ убитъ. Купцы и духовные въ страхъ отплыли въ Германію. Ливы думали, что отдѣлялись отъ нѣмцевъ, но напрасно.

Архіепископъ Гартвигъ назначилъ преемникомъ Бертгольду своего каноника Альберта. Альбертъ фонъ-Аппельдернъ, или Буксгевденъ принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ многочисленныхъ рыцарскихъ фамилій Германіи. Это былъ человекъ честолюбивый, смѣлый, изворотливый и неразборчивый въ средствахъ. Ему одинаково чуждо было миссіонерское настроеніе Мейнгарта, восемь лѣтъ безъ особенныхъ успѣховъ путемъ проповѣди, примѣра и убѣжденія насаждавшаго христіанство среди ливовъ, и безразсудство Бертгольда; но вмѣстѣ съ этимъ въ его дѣятельности менѣе всего замѣчается христіанскаго духа. Онъ смотрѣлъ на свою задачу не съ религіозной, а съ политической *) административной точки зрѣнія. На первомъ планѣ у него были не интересы

---

*) Quia nimirum perbella plurima—convertenda erat gentilitas... Chronicon Livonum Vetus, X.

новообращенныхъ, какъ у русскихъ миссіонеровъ, но интересы церкви. Оттого онъ совершенно игнорируетъ зависимость туземцевъ отъ полоцкаго княжества. Вся его дѣятельность направлена на усиленіе всякими средствами власти епископской, всѣ двадцать восемь лѣтъ его правленія поглощены административными распоряженіями, установленіемъ нѣмецко-легальныхъ порядковъ, учрежденіемъ феодальныхъ отношеній и заботами объ онѣмченіи края и его оборонѣ отъ сосѣдей. Воспитанный при его дворѣ Генрихъ Латынь, первый лѣтописецъ Ливоніи, съ любовію слѣдя изъ года въ годъ за неустанной дѣятельностью своего владыки, только два раза прерываетъ повѣствованіе о дипломатическихъ и военныхъ подвигахъ своего героя извѣстіями, что Альбертъ поучалъ духовенство богословію, заставлялъ ихъ читать псалтирь и что въ другой разъ Альбертъ, для привлеченія туземцевъ, устроилъ на Рождествѣ мистерію о Гедеонѣ и Сампсонѣ. Церковная администрація поглощала все его время. Онъ понялъ недостаточность нѣмецкихъ миссіонеровъ, съ помощью которыхъ дѣйствовали Мейнгартъ; при первой возможности онъ отправлялъ юныхъ заложниковъ въ монастыри Германіи, откуда они возвращались къ его двору съ полнымъ забвеніемъ прошлаго, порвавъ всѣ связи съ родиной и ея обычаями, готовые на смерть ради интересовъ церкви и новой религіи. Любопытнѣйшимъ образчикомъ такого кореннаго перерожденія является упомянутый Генрихъ-лѣтописецъ. Этимъ туземцамъ была предоставлена собственно миссіонерская дѣятельность со всѣми ея невздами и опасностями, съ перспективой мученичества или прихода въ какой-нибудь полуязыческой глуши, разоряемой при первомъ набѣгѣ порубежныхъ язычниковъ. Болѣе безопасныя и всѣ почетныя и выгодныя мѣста аббатовъ, канониковъ и, впоследствии, епископовъ назначались нѣмецкимъ пришлецамъ благородныхъ родовъ, возжелавшихъ подъ конецъ загладить безобразную жизнь въ свѣтѣ служеніемъ въ полуязыческой

Ливоніи. Альберту принадлежит заслуга прочнаго основанія церкви и германизма на балтійскомъ поморьѣ.

Сдѣлавшись епископомъ Альбертъ не тотчасъ отправился въ своей паствѣ. Прежде всего, запасшись папскими отпущеніями, онъ отправился на Готландъ, сборное мѣсто нѣмецкихъ моряковъ, посѣщавшихъ восточный берегъ. Тамъ Альбертъ собралъ свѣдѣнія о положеніи края. Здѣсь же онъ нашелъ массу людей, ожидавшихъ найма на корабли; многіе между ними охотно согласились загладить индульгенціею свою грѣховную жизнь; многихъ манила безгрѣшная нажива подъ крестовымъ знаменемъ въ странѣ язычниковъ и Альбертъ успѣлъ завербовать здѣсь въ крестоносцы нѣсколько сотенъ головорѣзовъ. Изъ Готланда Альбертъ проѣхалъ въ Данію и король далъ ему значительную субсидію деньгами и снарядами. Оттуда Альбертъ посѣтилъ замки и города сѣверной Германіи и Магдебургъ, призывая охочихъ людей въ Ливонію, маня однихъ добычей, другихъ прощеніемъ грѣховъ. Его призывъ увѣнчался успѣхомъ. Съ открытіемъ весенней навигаціи, въ 1200 году, Альбертъ прибылъ въ Ливонію съ вооруженными людьми на 23 корабляхъ. Ливы встрѣтили его враждебно, заставили удалиться изъ Иксюля въ Гольмъ и обложили его въ этомъ замкѣ. Часть кораблей, посланныхъ епископомъ за вещами въ усть-двинскій монастырь, была захвачена и истреблена съ экипажемъ, но одинъ корабль спасся и, пользуясь осадой ливовъ, пожегъ ихъ посѣвы. Это обстоятельство заставило ливовъ начать переговоры. Нѣмцы пригласили ихъ на пиръ и стали по прежнему требовать заложниковъ въ обезпеченіе миссіонеровъ. Ливы по прежнему отказывались, но вдругъ замѣтили, что всѣ выходы съ пира заняты вооруженными латниками, и сообразили, что дальнѣйшее упорство можетъ окончиться плѣномъ въ Германіи. Получивъ 13 заложниковъ, Альбертъ тотчасъ отправилъ ихъ въ бременскіе монастыри. Миръ былъ заключенъ и два вліятельнѣйшіе ливонца, Азо и Каупо (Коббе) крестились. Каупо остался съ

тѣхъ поръ неизмѣнно вѣрнымъ новой религіи, которую приняли и всѣ его многочисленные родичи и домочадцы. Спустя три года Дитрихъ, о которомъ мы уже упоминали, вмѣстѣ съ Коббе совершилъ путешествіе по Германіи и въ Римъ. Новообращенный ливъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на величавыя произведенія христіанской цивилизаціи, на многолюдные города со всей ихъ пестрой средневѣковой жизнью, на великолѣпіе культа. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ шире и привольнѣе раскидывалась передъ нимъ картина христіанской Европы. Наконецъ въ Римѣ центръ и свѣтило тогдашней Европы, римскій папа, привѣтливо принялъ и обласкалъ изумленного полудикаря. Съ богатымъ подаркомъ воротился Каупо, послѣ многихъ приключеній, домой, но величавое, благоговѣйное впечатлѣніе, которое онъ вынесъ изъ своего путешествія, осталось у него на всю жизнь и неразрывно связало все его бытіе съ судьбами ливонской церкви, никогда, быть можетъ, ни прежде, ни послѣ, неимѣвшей такого искренно и безкорыстно преданнаго сына.

Обезпечивъ себя со стороны ливовъ, въ томъ-же 1200 году Альбертъ привелъ въ исполненіе мысль имѣть опорную точку поближе къ Германіи. Отъ устьевъ Двины на сѣверовостокъ черезъ чудское озеро уже была проторена торговая дорога въ богатый Псковъ. На небольшой возвышенности, при впаденіи въ Двину рѣчки Рига, Альбертъ заложилъ городъ Ригу и, не дожидаясь жителей, сталъ обводить его стѣнами и башнями, построилъ себѣ домъ, соборъ и послалъ въ Германію звать поселенцевъ изъ купцовъ и ремесленниковъ, обѣщая имъ большія льготы. Одновременно съ этимъ Альбертъ послалъ Дитриха въ Римъ просить папское благословеніе на устройство города. Папа остался очень доволенъ и великодушно далъ Ригѣ привиллегію быть единственнымъ владѣющимъ мѣстомъ рижскаго залива, а на куронскую гавань при впаденіи Муса положилъ проклятіе. Эту привиллегію живели въ исполненіе. Когда захватили корабль, вошедшій въ устье Мусы въ противность привиллегіи, и казнили корм-

чаго и капитана, тогда другіе корабли уже не рѣшались нарушать папскую волю, перестали посѣщать устье Муса, которое постепенно засорилось и гавань опустѣла, торговля же семгаловъ перешла къ рижанамъ. Въ слѣдующемъ году въ Ригѣ было уже довольно много жителей и они съ выгодною воспользовались превосходнымъ торговымъ положеніемъ города.

Въ виду такихъ предпріятій туземцы не могли оставаться спокойными. Однако сопротивленіе ливовъ не привело ни къ чему. Нѣмцы не только удержались на нижней Двинѣ и въ Трейденѣ, но построили городъ, и первымъ послѣдствіемъ этого было уничтоженіе торговли семгаловъ. Оттого Альбертъ долженъ былъ каждую минуту опасаться нападенія со всѣхъ сторонъ. Страхъ опасности однако уменьшался взаимной враждой сосѣднихъ племенъ. Куроны грабили ливовъ, ливы постоянно враждовали съ семгалами и латышами, венды, загнанные къ Трейдену, одинаково терпѣли отъ эстовъ и латышей, наконецъ глубокая національная вражда всегда раздѣляла всѣ эти смѣшанные эсто-литовскія племена отъ чистыхъ эстовъ, а коренные литовцы каждую зиму врывались изъ своихъ лѣсовъ въ бассейнъ Двины и грабили всѣ племена безъ различія. Эту племенную рознь не оставилъ безъ вниманія проникательный епископъ и ловко воспользовался ею для своихъ цѣлей. Но безъ вооруженной силы церковь ливонская, какъ чуждая всѣмъ одинаково, держаться не могла. Она нуждалась въ постоянномъ притоцѣ военныхъ силъ изъ Германіи. Каждую осень Альбертъ отправлялся въ Германію и всѣми мѣрами старался набрать съ собою пилигримовъ—крестоносцевъ, но крестоносцы, отбывъ свой годъ, обыкновенно, возвращались восвояси, не оставляя послѣ себя ничего прочнаго, кромѣ ненависти туземцевъ. Епископъ думалъ помочь дѣлу раздачею церковныхъ земель въ лены и въ первые годы учредилъ два такихъ лена, но и это средство оказалось неудобнымъ по своей дороговизнѣ. Тогда Дитрихъ подалъ Альберту умный

совѣтъ учредить рыцарскій орденъ по образцу палестинскихъ. Въ 1202 году Папа Иннокентій учредилъ буллою братство христіанскаго рыцарства, по уставу тамплиеровъ. Рыцари должны были носить бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ и мечомъ, пребывать въ безбрачїи, повиноваться папѣ и епископу и всю жизнь посвятить на борьбу съ невѣрными. Большинство рыцарей на первое время состояло изъ того-же сброда, изъ котораго состояло и большинство пилигримовъ. Лицъ рыцарскаго званія было между ними очень мало. По ихъ дѣйствіямъ, даже въ сглаженномъ разсказѣ Генриха, можно заключить, что это были молодцы, которымъ нечего было терять на родинѣ, которые стояли выше туземцевъ только благодаря своимъ кольчугамъ и мечамъ, и не стѣснявшіеся монашескими правилами своего устава. Магистромъ ордена епископъ назначилъ нѣкоего Финно или Фингольда. Учрежденіе ордена хотя и не устраняло необходимости въ ежегодной помощи изъ Германіи, но все-таки давало епископу мѣстную силу, съ которой онъ могъ отбиваться отъ враговъ до прихода помощи. Конечно, никому изъ учредителей ордена не могло придти въ голову, что военно-монашеское братство можетъ современемъ подкопать и самую епископскую власть, сдѣлаться ей врагомъ болѣе опаснымъ, нежели та паства, въ защиту отъ которой оно создано.

Все правленіе епископа Альберта наполнено непрерывными войнами. Лѣтопись его жизни напоминаетъ скорѣе исторію Пизарровъ, нежели разказы о дѣятельности духовнаго пастыря. Вскорѣ по основаніи Риги и ордена, новымъ поселенцамъ впервые пришлось столкнуться съ племенемъ, борьба съ которымъ затѣмъ непрерывалась во все время существованія ордена. Зимой 1205 года, въ обычное военное время, литовцы задумали сдѣлать черезъ Ливонію набѣгъ на эстовъ. Знатный литвинъ Сельгатъ, проходя мимо Риги, посѣтилъ городъ и былъ тамъ принятъ и угощенъ съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ епископъ былъ въ Германіи

и нѣмцы осторожно избѣгали раздражить варвара. Угодливость рижанъ была однако понята литвиномъ. Возвратясь къ своимъ, онъ сказалъ имъ, что видѣлъ, какъ струсили рижане, что теперь не слѣдуетъ ихъ трогать, но что на возвратномъ пути можно будетъ городъ разорить, мужчинъ перебить и пещла не оставить. По уходѣ литовцевъ въ Ригу явился семгальскій князекъ Вестгардъ, сообщилъ нѣмцамъ о планѣ литовцевъ и предложилъ имъ помстеречь и напасть на Свельгата на возвратномъ пути, обѣщая придти на помощь съ своими семгаллами. Нѣмцы только тогда согласились на его предложеніе, когда онъ обезпечилъ свое обѣщаніе заложниками. Тогда епископскіе люди, рыцари и всѣ свободные люди пошли съ семгалами въ походъ. Развѣдчики сообщили, что литва держитъ путь нѣ Икскюль. Дѣйствительно литовцы безпечно возвращались чрезъ дружественную Ливонію верхомъ и на саяхъ, нагруженныхъ добычей, гоня множество отбитаго скота и до тысячи плѣнныхъ: литовцы уже понимали выгоды рабскаго труда и потому брали въ плѣнъ и мужчинъ и женщинъ. Дорога проходила между глубокими лѣсными сугробами. Литовцы шли по двое въ рядъ, растянувшись на далекое пространство и ведя свой полонъ посрединѣ. Когда передніе замѣтили слѣдъ засады, они остановились и забили тревогу. Было однако поздно. Не смотря на робость струсившихъ семгаловъ, нѣмцы, пользуясь удобствомъ мѣста, рѣшились начать битву. Военный нарядъ нѣмецкихъ всадниковъ давалъ имъ полный перевѣсъ надъ первобытнымъ вооруженіемъ двбарей, на головахъ всадниковъ были невысокіе кованые шлемы, почти цилиндрическіе, закрывавшіе лицо до рта, который прикрывался кальчужной сѣтью. На шлемахъ высоко вѣяли перья или прикрѣплялись легкія герольдическія фигуры. Тѣло, руки и ноги были покрыты кольцами и бляхами, густо нашитыми на кожу или сукно, а сверху надѣвалась болѣе или менѣе разукрашенная безрукавная туника. Въ рукахъ всадниковъ сверкали длинные и широкіе мечи и тя-

желыя копыя съ длиннымъ остріемъ и стальной переключи-
ной. На огромныхъ мекленбургскихъ коняхъ, подъ попонами
надѣто было спереди и на спинѣ такое же желѣзное воору-
женіе. Натискъ рыцарей на литовцевъ, прикрытыхъ кожами
и вооруженныхъ легкими дротиками и дубинами, былъ не-
одолимъ. Послѣ слабого сопротивленія литовцы бросились въ
разсыпную и рыцарямъ оставалось бить ихъ какъ беззащит-
ныхъ барановъ. Болѣе 1200 литовцевъ было перебито въ
томъ числѣ и хвастливый Свельгатъ, голову котораго семгалы
взяли себѣ. Послѣ битвы приступили къ дѣлежу добычи. Эс-
товъ перебили наравнѣ съ литовцами, такъ какъ семгалы,
подобно другимъ эсто-латышамъ, не брали мужчинъ въ
плѣнъ, а нѣмцы считали ихъ врагами христіанъ. Оружіе,
одежду, лошадей и скотъ подѣлили между собой и, такимъ
образомъ, всѣ возвратились во свояси здоровы, невредимы
и съ добычею, хваля и славя Бога. «Плѣнные христіане
разсказывали потомъ, что гибель литовцевъ произвела
потрясающее впечатлѣніе въ Литвѣ: въ одной деревнѣ
пятьдесятъ вдовъ повѣсились, узнавъ о смерти мужей, въ
надеждѣ соединиться съ ними въ загробной жизни.—«Зимой
этого года разсказываетъ Генрихъ — въ Римѣ устроили за-
нимательную мистерію (*ludus prophetarum*), что латины назы-
ваютъ комедіей, для того, чтобъ наглядно ознакомить языч-
никовъ съ началами христіанской вѣры. Содержаніе пред-
ставленія комедіи для язычниковъ и новообращенныхъ точ-
нѣйшимъ образомъ передавали толмачи. Когда воины Ге-
деона сразились съ филистимлянами, язычники испугались,
чтобъ не убили и ихъ, и разбѣжались, но были приглашены
возвратиться. Церковь наслаждалась нѣкоторое время ми-
ромъ, однако это представленіе было предвѣстіемъ и пред-
знаменованіемъ грядущихъ бѣдствій, такъ какъ она изоб-
ражало войны Давида, Гедеоны, Ирода — одновременно съ
ученіемъ ветхаго и новаго завѣта. Ибо лишь послѣ многихъ
войнъ должно было совершиться обращеніе язычниковъ и

наставленіе ихъ въ ученіи ветхаго и новаго завѣта о томъ, какъ познать миротворца и вѣчную жизнь.»

На очереди изъ ряда предстоявшихъ войнъ стояло утверждение нѣмцевъ и христіанства въ Ливоніи, гдѣ масса народа по прежнему противилась новому ученію при первомъ удобномъ случаѣ обращалась къ своимъ идоламъ, вредила по возможности нѣмецкимъ колонистамъ и избивала священниковъ. Первые семь лѣтъ всѣ усилія Альберта обращены на покореніе Ливоніи. Враждебныя дѣйствія ливовъ каждый разъ возмещаются съ беспощадной строгостью: избиваются сотни плѣнныхъ, выжигаются цѣлыя волости, жители, доведенные до крайности, или вымираютъ въ лѣсныхъ убѣжищахъ съ голоду и болѣзней, или сдаются на всѣ условія побѣдителей, такъ какъ помощь полоцкаго князя оказывается совершенно недостаточною. На мѣстѣ разоренныхъ ливонскихъ поселеній нѣмцы строятъ монастыри, церкви и крѣпкіе замки съ достаточнымъ гарнизономъ. Въ теченіи 20 лѣтъ въ Ливоніи появляется 13 укрѣпленныхъ замковъ. Жители возвращаются на покинутыя земли и облагаются разными повинностями, десятиной и военной службой и чѣмъ крѣпче утверждаютъ нѣмцы на ливонской землѣ, тѣмъ больше усиливается гнетъ на туземцевъ, не смотря на крещеніе. Задавленной ненавистью звучить напутственная формула, съ которой ливы провожали своихъ покойниковъ: «иди, бѣдняга, въ лучший міръ, тамъ нѣмцы будутъ тебѣ слугами, а не господами.» Въ 1206 году Ливонія уже приведена къ полной покорности, но племя не выдержало борьбы. Со времени этого удара оно постепенно вымираетъ подъ желѣзнымъ гнетомъ просвѣтителей и мало по малу исчезаетъ, смѣшиваясь съ латышами. Въ настоящее время отъ него остались ничтожные обломки въ нѣсколькихъ деревняхъ около Дондангена (Курляндской губ.) и по рѣкѣ Салису въ Лифляндской губерніи.

Такимъ образомъ Ливонскій епископъ сталъ твердою стопой въ новообращенной землѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ зависимости отъ ежегодной помощи изъ Германіи,

не былъ связанъ съ родиною никакими политическими связями, тогда какъ верховенство полоцкаго князя все болѣе и болѣе оказывалось призрачнымъ, а самостоятельное государственное бытіе было и не подъ силу, и феодальнымъ нонсенсомъ. Въ 1207 году, собирая по городамъ и распутіямъ Саксоніи, Фризій и Вестфаліи крестоносныхъ пилигримовъ, Альбертъ явился къ нѣмецкому королю Филиппу и поклонился ему Ливоніей. Король и имперскіе чины передали ему Ливонію какъ имперскій ленъ. Такимъ образомъ опредѣлилось юридическое положеніе зарождающагося государства (28 февр. 1207 г.). По возвращеніи Альберта орденскіе рыцари, приписывая себѣ главную заслугу покоренія Ливоніи, приступили къ епископу съ неотступными просьбами представить имъ треть завоеванной страны и извѣстную долю въ будущихъ завоеваніяхъ. Относительно Ливоніи Альбертъ не спорилъ, но даже ему казалось страннымъ распоряжаться тѣмъ, чего онъ еще самъ не имѣлъ; орденъ думалъ иначе и перенесъ дѣло на рѣшеніе папы, который разрѣшилъ давать ордену третью часть будущихъ приобрѣтеній. Ливскую землю раздѣлили такъ: епископу достались: трейденскій край, владѣнія Каупо, и провинціи Идумея и Метсеполе по берегу рижскаго залива отъ рѣки Голвы до Перनावы; орденъ получилъ провинцію Саккала, на сѣверъ отъ Трейдена и на востокъ отъ Идумеи и Метсеполя. Только шестая часть десятины шла съ орденскихъ земель въ епископскую казну. Остальные лены были размѣнены при раздѣленіи территоріи.

Вслѣдъ за этимъ совершенно мирно, хотя очень оригинально, совершилось обращеніе латышей, летгаловъ, жившихъ въ нынѣшнемъ вольмарскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Имеру между ливами, эстами, русскими и литвой. Окруженные врагами, они не безъ радости видѣли успѣшный исходъ борьбы нѣмцевъ съ ними и желали найти у христіанъ защиту отъ литвы. Часть ихъ была крещена въ православіе псковичами въ округѣ Толовѣ. Когда явились посланцы отъ Альберта, латыши колебались, въ выборѣ исповѣданія и предоставили

сомнѣніе это разрѣшить богамъ. Боги рѣшили креститься имъ у Альбертовыхъ священниковъ. Послѣ крещенія треть летголы отошла къ ордену, а остальное къ епископу. Семгалія досталась съ боя и не выполнѣ. Часть крещенныхъ семгаловъ была отдана въ ленное владѣніе одному изъ германскихъ рыцарей, другая часть страны осталась подъ властью своего племенного князька, подчиненнаго въ феодальной зависимости епископу.

Приобрѣтеніе летголы было первымъ шагомъ къ покоренію эстовъ. Сломивъ ненависть ливовъ и семгаловъ, епископъ и орденъ могли располагать свободными силами, въ поводахъ-же къ войнѣ недостатка съ эстами не было. Во-первыхъ, со стороны нѣмцевъ всплыла какая-то давнишняя исторія ограбленія эстами купеческаго каравана, шедшаго въ Псковъ, случившаяся еще до основанія Риги; во-вторыхъ, нѣмцы коварно воспользовались исконной національной ненавистью эстовъ къ латышамъ, начавшейся еще въ то давнее время, когда литва отбросила финновъ на сѣверъ отъ Двины, поощряли летголу къ набѣгамъ на эстовъ, ослабляли этими непрерывными войнами оба племени и сами приняли въ ней участіе противъ эстовъ, какъ покровители латышей.

Литовское движеніе, какъ мы говорили выше, было остановлено на границахъ мѣстности между сѣвернымъ берегомъ Трейдеръ Аа, Визьервскаго озера и Пейпуса, носившей названіе Унганніи или Утгенойса. Теперь этотъ край съ трехъ сторонъ былъ охваченъ латышами и рыцарскими землями. Въ югозападномъ углу, на границахъ Унганніи поселились два злѣйшіе врага эстовъ, латышскій князекъ Русинъ и не менѣе кровожадный венденскій командоръ Бертольдъ. Соединившись съ нѣмцами, латыши почували свою силу и отправили къ эстамъ пословъ требовать удовлетвореніе за разныя обиды, нанесенныя имъ эстами. Ихъ посольство сопровождали и нѣмцы. Эсты отправили съ этимъ посольствомъ въ Леттонію своихъ пословъ для разбора недоразумѣній. На

совѣщаніе прибыли уполномоченные отъ епископа, Риги и готландскихъ кунцовъ. Пограничныя стычки, грабежи и разбои были явленіемъ до того обычнымъ въ тѣхъ краяхъ, что справедливое разрѣшеніе взаимныхъ жалобъ было рѣшительно невозможно; поэтому совѣщанія приняли ожесточенный характеръ, посредники схватились за копыя, грозили другъ другу и разошлись въ самомъ враждебномъ настроеніи. Нѣмцы предвидѣли такой исходъ конференціи: вслѣдъ за уходомъ эстонскихъ пословъ, сильное войско, собранное рижанами, съ рыцарями и пріѣзжими купцами вторгнулось въ Унганнію, дошло безъ сопротивленія до Оденпе (Медвѣжьей головы), избило множество народа и черезъ четыре дня вернулось во свояси съ несмѣтной добычей скота, плѣнниковъ и совсѣмъ «грабежемъ» (sum omni garina). Застигнутые врасплохъ, эсты, однако, живо собрались съ силами, получили подмогу отъ эстовъ, жившихъ по рѣкѣ Пернавѣ въ Саккалѣ и бросились на сосѣднихъ латышей, уже готовыхъ къ отбою. Произошли обычныя сцены всякихъ насилій. Плѣнныхъ латышей эсты жгли живьемъ. Любопытный эпизодъ характеризуетъ культурное состояніе эстовъ. Осадивъ замокъ Беверинъ, эсты не могли взять его; латыши научились у нѣмцевъ стрѣльбѣ изъ пращи, арбалета и лука, совершенно неизвѣстныхъ до того времени всѣмъ туземнымъ народамъ, и много вредили эстамъ этимъ оружіемъ. Во время одной схватки подъ окопами, священникъ замка вошелъ на стѣну и запѣлъ молитву, сопровождая пѣніе игрой на арфѣ. Заслышавъ звонъ струнъ и пѣніе, эсты прервали битву и спрашивали у латышей, чему они радуются? Латыши отвѣчали, что Богъ помогаетъ имъ съ тѣхъ поръ, какъ они окрестились. Эсты предложили миръ, но латыши возобновили не исполнимыя требованія предшедшихъ переговоровъ и заявили, что не можетъ, вообще, быть мира между христіанами и язычниками. Эсты сняли осаду и поспѣшно отступили, перебивъ награбленный скотъ и отпустивъ плѣнныхъ. Кровь убитыхъ латышей требовала мести, потому,

спустя нѣсколько недѣль, Русинъ съ двумя другими латышскими князьками собралъ своихъ подвластныхъ и вторгнулся неожиданно въ Саккалу; разсыпавшись по деревнямъ, они нашли въ нихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—что указываетъ на неожиданность нападенія — убивали ихъ безъ числа, пока руки не устали, и на другой день ушли, уведя съ собою скоть, имущество и дѣвушекъ, которымъ въ этихъ набѣгахъ однѣмъ давалась пощада, если такъ можно назвать ту участь, которая предназначалась имъ потомъ. Эсты не рѣшались преслѣдовать враговъ. Собравъ трупы, они нѣсколько дней сожигали ихъ, сопровождая погребальные обряды обычнымъ плачемъ и тризнами. Латыши отошли къ Беверину и здѣсь раздѣлили добычу, подѣлившись скотомъ и плѣнницами съ Берггольдомъ и венденскими рыцарями. «Такъ какъ это случилось въ воскресенье *Gaudete* (13 дек.), то всѣ единодушно восхваляли Бога, радуясь, что Богъ мститъ такъ страшно язычникамъ рукою новообращенныхъ». «Дѣти дѣтей моихъ до третьяго и четвертаго колѣна будутъ рассказывать, сколько труповъ оставилъ за собой въ Саккалѣ Русинъ, съ помощью Всевышняго!» похвалялся Русинъ, пируя съ друзьями и плѣнницами въ замкѣ Беверинѣ. Оба народа, однако, нуждались въ отдыхѣ и потому заключили перемиріе на годъ, главнымъ образомъ по требованію епископскаго прічта. Но ни рыцари, ни Русинъ не считали себя связанными этимъ миромъ и не дождавшись конца срока, сдѣлали новый набѣгъ съ прежнимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ дѣло непрерывно тянулось нѣсколько лѣтъ съ возрастающимъ ожесточеніемъ. Тщетно епископъ вступалъ въ мирные переговоры и заключалъ отдѣльные перемирія за своихъ латышей и ливовъ: Берггольдъ и Русинъ врывались въ селенія эстовъ, избивали мужчинъ, уводили женщинъ и скоть и сожигали все, что не могли унести. Эсты отплачивали тѣмъ же. Не разбирая епископскихъ и рыцарскихъ владѣній, они нападали на латышей, предавали христіанъ мучительной смерти и несли пожары и смерть повсюду, гдѣ ихъ не ожидали.

Тогда епископъ поднимался съ рыцарями и Руспномъ и жестоко мстиль эстамъ. Съ каждымъ годомъ борьба разгаралась, постепенно втягивались въ рѣзню и грабежъ эсты Роталии, Ервена, Вироніи, Гарріи и Эзеля; послѣдніе, какъ пираты, грабили суда, входили изъ моря въ рѣки и жгли прибрежныя селенія. Но нетрудно было предвидѣть конецъ борьбы. Враги съ каждымъ новымъ походомъ все глубже проникали въ эстонскія земли, ворвались въ сердце Эстоніи, богатую область Ервенъ, гдѣ родился Богъ Тара Пикеръ и гдѣ собирались народныя собранія эстовъ (мая), и разорили всѣ дотолѣ нетронутыя области. Каждой весной новыя пилигримы съ послѣдними новинками военного искусства прибывали въ Ригу и отправлялись на эстовъ. Въ этихъ походахъ нѣмцы совершенно усвоили себѣ военные обычаи язычниковъ: все мужское населеніе истреблялось, въ плѣнъ брались однѣ женщины и дѣвушки. Очень часто изъ удачнаго набѣга приводились съ собой двѣ и три тысячи головъ скота. Жилища сжигались. Набравъ плѣнныхъ, нерѣдко войско, не возвращаясь уже домой для дѣлежа, оставалось отдыхать на эстонскихъ пожарищахъ и тогда начиналась музыка, пиръ, пьянство и оргія. Эсты начинали покидать свои селенія, строили себѣ засѣки въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ, вырывали подземныя жилища. На одно изъ такихъ наткнулся одинъ разъ нѣмецкій отрядъ. Переговоры о сдачѣ были бесполезны: и мужчины, и женщины знали свою участь. Разложены были у входовъ костры и до тысячи эстовъ было задушено дымомъ. Гонимые какъ дикіе звѣри изъ одной берлоги въ другую, эсты перестаютъ брать плѣнныхъ, а если и берутъ, то развѣ для того, чтобы предать ихъ жестокимъ мукамъ. Въ особенности, конечно, они свирѣпствуютъ противъ нѣмецкихъ властей, священниковъ и противъ знатныхъ латышей. «Пой, поимъ, пой», приговаривали эсты стонавшему среди истязаній священнику. Среди непрерывной рѣзни, перестали сжигать мертвыхъ. Трупы оставались на поляхъ, разлагались и заражали воздухъ. Доведенные до крайности, эсты нѣсколько

разъ просили мира, но получали въ отвѣтъ; крещеніе или смерть. Принявъ христіанство, эсты при первомъ удобномъ случаѣ избиваютъ всѣхъ иноплеменниковъ, поселившихся между ними, и возвращаются къ своимъ богамъ, но лишь новыя бѣдствія слѣдуютъ за такимъ отпаденіемъ. На помощь къ себѣ эсты зовутъ новгородцевъ и, дѣйствительно, эти послѣдніе принимаютъ участіе въ отчаянной борьбѣ, но первыя столкновенія русскихъ съ германизаторами не приносятъ несчастному племени никакой пользы. Съ своей стороны Альбертъ увлекаетъ въ борьбу датскаго короля Вальдемара завоевателя и Швецію. Наконецъ, послѣ пятнадцатилѣтней истребительной войны опустошенная Эстонія была формально обращена въ христіанство и раздѣлена между орденомъ и епископами: ливонскимъ, дерптскимъ и ревельскимъ. Въ слѣдующемъ 1227 году, Альбертъ съ магистромъ Фольквиномъ, зимой, отправился по льду на Эзель, послѣднее убѣжище національной свободы и религіи эстовъ, послѣднюю резиденцію ихъ бога покровителя Тарапита (Тара-Пикера), перенесеннаго туда изъ Эрвена. Два укрѣпленные замка, Моне и Вардія, были взяты приступомъ, при чемъ ливы и латыши перебили всѣхъ взятыхъ въ замкахъ, страна крестилась и была раздѣлена между епископомъ, орденомъ и Ригой. Слѣдующей весной магистръ совершилъ походъ въ Эстонію и, выгнавъ оттуда датчанъ, совершенно укрѣпилъ эту страну за ливонскимъ государствомъ.

Юное государство однако уже въ то время носило въ себѣ сѣмена внутренней порчи и разложенія. Это разлагающее начало представлялъ орденъ, получившій большее значеніе, нежели слѣдуетъ имѣть въ государствѣ такому учрежденію. При первомъ передѣлѣ земли орденъ получилъ треть ливской земли и треть латвіи и пересталъ матеріально зависѣть отъ епископа. Въ мѣстности, орошаемой рѣкою Голвой и населенной вендами, которыхъ куроны вытѣснили съ береговъ балтійскаго моря, рыцари выстроили крѣпкій замокъ Венденъ, въ которомъ поселился магистръ, прочіе же

рыцари размѣстились по другимъ замкамъ. Контингентъ рыцарей состоялъ изъ лицъ въ огромномъ большинствѣ весьма сомнительнаго достоинства. Лучшіе дворянскіе роды посылали своихъ родичей въ рыцарскіе ордена Палестины, но въ отдаленную Ливонію ѣхали неохотно, или на одинъ походъ. Большая часть рыцарей, по сказаніямъ современниковъ, состояла изъ саксонскихъ торгашей, да купеческихъ сынковъ изъ Бремена, выгнанныхъ съ родины за разныя мошенничества, и здѣсь эти люди возмечтали о себѣ, что нѣтъ болѣе надъ ними ни власти, ни закона (Albert von Stade, 1229). Ничѣмъ не связанные съ страной, ни семьею, отъ которой они отказались по обѣту, ни воспоминаніями дѣтства, ни простыми выгодами, такъ какъ не могло быть заботы о будущемъ своего потомства, эти люди, чувствуя свою силу, понимая беззащитность туземцевъ и слабость епископа, предавались самому разнузданному образу жизни, самому грубому произволу и насилию. Люди, подобные дикарю Русину, по сходству съ ними, были къ нимъ ближе всего въ странѣ. Среди безправныхъ полудикарей, нравы рыцарей, при отсутствіи сдерживающаго вліянія цивилизованной среды, дичали еще болѣе. Подъ монашескимъ крестомъ, они были ничѣмъ не лучше, даже много хуже тѣхъ язычниковъ, на истребленіе которыхъ были призваны. Огромные доходы, выжимаемые безъ милосердія съ обнищавшихъ туземцевъ, дали возможность развиться роскоши, всякимъ излишествамъ и надолго упрочили за рыцарями славу первостепенныхъ пьяницъ. Не только неповиновеніе епископу, но и отсутствіе дисциплины внутри ордена были обычными явленіями. Въ 1209 году одинъ изъ рыцарей, Вигбертъ, ф. Зестъ, давно уже нарушавшій всѣ орденскія правила, сидѣвшій за это нѣсколько разъ въ оковахъ, изъявилъ желаніе примириться и попросилъ къ себѣ магистра Финно. Когда магистръ вошелъ къ нему, Вигбертъ раскрылъ ему черепъ двуострой сѣкирой (birennis), съ которой никогда не разставался, и затѣмъ убилъ дьякона, пришедшаго съ магистромъ. Хотя

онъ и былъ казненъ, но впечатлѣніе, произведенное убійствомъ на туземцевъ, было, конечно, самое неблагопріятное. Религія мира и любви, водворяемая между язычниками среди потоковъ крови и огня, оказывалась бездѣйственной и среди самихъ распространителей. Но на мнѣнія туземцевъ рыцари не обращали никакого вниманія. Новыми подданными орденъ управлялъ съ крайней жестокостью. У этихъ братьевъ по религіи рыцари не признавали ни собственности, ни семейства, ни чувства человѣческаго достоинства. Ливы и латыши, озлобленные оскорбленіями, измученные тягостными повинностями и всевозможными вымогательствами, осыпали епископа жалобами на насилія рыцарей. Верховный господинъ, однако, оказывался беспильнымъ: съ небольшимъ отрядомъ своихъ стрѣльцовъ, онъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу притѣсненныхъ противъ сильнаго военного братства. Совѣщанія епископа съ рыцарями окончились ничѣмъ. Доведенные до отчаянія, латыши сговорились съ ливами сдѣлать внезапное нападеніе на рыцарей. Заговоръ былъ во время отерты, злоумышленники захвачены и ихъ городки срыты. Тогда ливы и латыши возстали на рѣкѣ Голвѣ и осадили новый замокъ Зегевольдъ. Нѣсколько дней продолжалась осада безуспѣшно. Епископъ явился выручать рыцарей, предложилъ прощеніе и потребовалъ заложниковъ. Инсургенты прекратили враждебныя дѣйствія, но заложниковъ не давали. Тогда епископъ привелъ военную силу и, въ свою очередь, оружилъ мятежниковъ въ замкѣ Дабрель. Нѣсколько дней сряду происходили жаркія схватки. Старыя друзья, Русинъ и Бертгольдъ, дрались въ противоположныхъ лагеряхъ. Русинъ снявъ свой нѣмецкій шлемъ, нагнулся со стѣны и привѣтствовалъ Бертгольда словами: «скоро ли мы, другъ (draughts), опять на эстовъ?» но въ это время стрѣла пробила ему черепъ и Русинъ свалился мертвый. Латыши и ливы держаться долго не могли, просили пощады и дали заложниковъ. Епископъ въ наказаніе обложилъ ихъ увели-

ченными повинностями, а гнетъ ордена сдѣлался още тяжелѣе.

Въ промежутокъ между завоеваніемъ Эстоніи и покореніемъ Эзеля снизошелъ наконецъ въ страну давно желанный миръ. Мертвая тишина на границахъ и внутри страны дали несчастнымъ туземцамъ смѣлость выбраться изъ подземныхъ норъ и лѣсныхъ логовищъ, возвратиться на свои пенелища, построить вновь хижины и засѣять поля. Обширные пустыри мало по малу оживлялись, но въ мѣстностяхъ, кормившихъ нѣкогда густое населеніе еще долго не доставало рукъ для воздѣлыванія земель, которыя обрабатывались прежде, а вмѣсто многолюдныхъ, богатыхъ скотомъ селеній видны были только отдѣльныя крестьянскія хижины, въ которыхъ оставались или вновь селились ливы, латыши и эсты, тогда какъ въ новыхъ городахъ жили одни нѣмцы, богатѣвшіе, благодаря ремесламъ и торговлѣ.

Въ этомъ мирномъ году посѣтилъ юную христіанскую общину Ливоніи папскій легатъ. Папа уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ освободилъ ливонскаго епископа отъ зависимости бременскаго архіепископа, предоставилъ Альберту право учреждать новыя каѳедры и теперь послалъ специалиста по литовско-прусскимъ дѣламъ, епископа моденскаго Вильгельма, ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Прибывъ въ область Пречистой Дѣвы—такъ называлась иногда Ливонія—Вильгельмъ нашелъ тамъ пять каѳедръ: рижскую, леальскую (впослѣдствіи: эзельскую), селонскую (Семигалія), дерптскую и ревелъскую. Онъ освѣдомлялся о потребностяхъ и нуждахъ покоренныхъ туземцевъ, старался изучить ихъ языкъ, приказалъ переводить на ихъ языки необходимыя книги, и, вообще, отнесся къ этимъ сѣверянамъ съ душевной теплотой. Повсюду онъ проповѣдовалъ основныя истины новой религіи, бесѣдовалъ съ народомъ, входилъ въ его положеніе, возвратилъ родителямъ маленькихъ эстовъ, сидѣвшихъ заложниками въ Ревелѣ, убѣждалъ рыцарей и фогтовъ по человѣчески обходиться съ подданными и раз-

бираль множество споровъ. Пріѣздъ легата въ католическую страну въ средніе вѣка былъ событіемъ величайшей важности: съ нимъ была полнота церковной власти, почти упразднившая силу мѣстныхъ учреждений, поэтому Вильгельму пришлось выслушать всѣ пререканія, которыя издавна накопились между епископомъ, орденомъ и Ригой. Всѣ эти споры Вильгельмъ, по возможности, разрѣшилъ. Организовавъ пропаганду въ Семагалии, онъ уѣхалъ обратно въ Италію (1226 г.).

По отъѣздѣ легата и по завоеваніи Эзеля, Альбертъ составилъ въ 1227 первый законникъ для страны, призвавъ къ участию въ этомъ дѣлѣ епископовъ эзельскаго и дерптскаго и уполномоченныхъ отъ ордена. Законникъ раздѣляется на рыцарское, городское и крестьянское право. Рыцарское право, заимствованное изъ саксонскаго зеркала, опредѣляетъ отношенія и частное право рыцарей и землевладѣльцевъ-дворянъ. Городское право, которое можно называть улучшеннымъ Готландскимъ, содержитъ въ себѣ гражданское право горожанъ и нѣсколько полицейскихъ постановленій о ремеслахъ и торговлѣ. Наконецъ крестьянское право есть ничто иное, какъ жестокій уголовный кодексъ для ливовъ и эстовъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ въ точномъ переводѣ.

«Кто другого убьетъ—того на колесо. Еретика или кодуна должно сжечь.—Если одинъ другому выбьетъ изъ головы глазъ, драчунъ платитъ 20 марокъ.—Отрубить руку—20 м., ногу—20 м.—Указательный палецъ—20 м., средний палецъ—5 марокъ, четвертый палецъ или мизинецъ—3 м.—Кто воруетъ у своего господина десятину—платитъ 20 марокъ или голову долой.—Кто запахиваетъ тропу между пограничными полями (einen reene), платитъ 20 м.; кто крадетъ этотъ рубежъ у господина, тому голову долой.—Рана въ лицо стоитъ 6 м.; синякъ, неприкрытый волосами на лицѣ—3 м. Кто другого укуситъ—онъ можетъ укусить четырьмя зубами—каждый зубъ онъ долженъ выкупить за 4

марей, или ему должно выбить зубъ.—За несоблюденіе заповѣди Господней — розги или голову долой».

Формула латышской присяги тоже любопытна: «клянусь и пр.—а если я не скажу сущей правды, то дай, Боже, почернѣть мнѣ, какъ уголь, высохнуть, какъ земля, окаменѣть, какъ камень, одеревянѣть, какъ палка; да возненавижу я мою жену. дѣтей, скотъ и поля, здѣсь временно и тамъ вѣчно. Аминь.» По другой формулѣ ливы и латыши обязаны проклясть свое потомство до девятаго колѣна въ случаѣ лживаго показанія.

Въ 1229 году умеръ епископъ Альбертъ послѣ тридцатилѣтняго правленія. Юное государство потеряло тотъ творческій духъ, который вызвалъ, создалъ и сдерживалъ всѣ разнообразныя жизненные элементы, несродные и враждебные другъ другу, изъ которыхъ оно сложилось и которые вскорѣ послѣ его смерти стали въ непримиримое враждебное отношеніе другъ къ другу. Глубокое различіе интересовъ и стремленій ордена, духовенства, города Риги и угнетенныхъ туземцевъ обнаруживалось яснѣе, рѣзче и пагубнѣе. Почувствовалась неотложная необходимость власти, могущей подержать связь и равновѣсіе между расползающимися частями государства. Мѣстные элементы не могли создать ее: такая власть могла явиться лишь извнѣ.

III.

Подчиненіе Куроніи.—Нѣмецкій орденъ.—Сліяніе мщеносцевъ съ нѣмецкимъ орденомъ.—Борьба ордена съ Литвой.

Какъ только скончался Альбертъ, рижскіе каноники и епископы дерптскій и эзельскій немедленно приступили къ выбору преемника. Былъ избранъ магдебургскій монахъ-премонстрантъ Николай, но бременскій архіепископъ вспом-

нилъ свои верховныя права и назначилъ ливонскимъ епископомъ своего соборнаго схоластика Альберта Зауерберга. Дѣло дошло до папы. Папскій легатъ, что-бы не раздражить могущественнаго архіепископа, назначилъ администраторомъ епархіи нѣкоего Балдуина, а въ 1231 году папа утвердилъ рижскаго избранника. Въ короткое время своей администраціи, Балдуинъ успѣлъ совершить дѣло, имѣвшее огромныя послѣдствія для всего прибалтійскаго края.

Водораздѣлъ двухъ главныхъ рѣкъ нынѣшней Курляндской губерніи, Муса и Виндавы, въ то время составлялъ естественную границу двухъ народовъ: семгаловъ и куроновъ. Первые жили, начиная отъ Тукума по всему протяженію лѣваго берега Двины до Полоцка, занимая узкую, низменную и плодородную плоскость. Вторые заселяли холмистый и лѣсистый полуостровъ, орошаемый множествомъ притоковъ Виндавы, къ западу отъ Семгаловъ, и узкую береговую полосу по Балтійскому морю до залива, до сихъ поръ сохранившаго ихъ народное имя: Куриншгафъ. Истребивъ или выгнавъ незначительные остатки славянъ-вендовъ съ помощью сильнаго эстонскаго туземства, литовцы слились съ нами въ смѣшанный эсто-литовскій народъ, куроновъ, причемъ мѣстная стихія въ этой племенной амальгамѣ была на столько сильна, что между куроными и эстами не только не замѣчается той племенной вражды, какую мы видѣли между ливами съ латышами и эстами, но, напротивъ того, куроны были въ тѣсной дружбѣ съ эзельцами. Ихъ сближало и общее занятіе: морской разбой. Помогая своимъ литовскимъ и финскимъ родичамъ противъ нѣмцевъ, куроны всегда дѣйствуютъ на морѣ и въ 1210 году такъ смѣло и внезапно напали на Ригу, что только благодаря неудачѣ русскихъ и семгалскихъ союзниковъ, задержанныхъ не-во-время на Двинѣ, юный городъ не обратился въ груды развалинъ. Кромѣ морскихъ разбоевъ, куроны славились своими боюдами—что опять указываетъ на сильную финскую стихію, такъ какъ до сихъ поръ шаманы пользуются большимъ

авторитетомъ у угрофинскихъ народовъ. Неудачное нападеніе на Ригу, покореніе нѣмцами всѣхъ ихъ родичей, искорененіе пиратовъ на балтійскомъ морѣ и распространеніе христіанства, какъ публичнаго культа у семгаловъ, ливовъ и эстовъ, порвавшее главную—религіозную связь куроновъ съ этими народами, существенно измѣнили положеніе Куроніи. Изъ Семгаліи и къ нимъ заходили миссіонеры, говорили много о христіанскомъ братолюбіи и любви къ тѣмъ, которые добровольно обращаются въ христіанство и указывали на горькую участь, постигающую упорныхъ и несговорчивыхъ. Правда, припоминая судьбу семгалскихъ старшинъ, эстовъ, и пр., куроны могли составить себѣ понятіе о новой религіи діаметрально противоположное тому, что проповѣдывали миссіонеры, но положеніе было такъ серьезно, старые боги оказывались такъ безсильны, что выбирать было не изъ чего. Этимъ раздумьемъ воспользовался Балдуинъ и вступилъ въ переговоры съ вліятельнѣйшимъ челоуѣкомъ племени Ламмехиномъ, котораго хроника называетъ царемъ. 28 декабря 1230 года состоялся договоръ, по которому куроны обязались креститься, принять священниковъ, дать заложниковъ и воевать вмѣстѣ съ христіанами противъ язычниковъ; кромѣ того, они обѣщались быть послушными и покорными епископу, въ теченіе двухъ лѣтъ послать уполномоченныхъ къ папѣ и затѣмъ поступать во всемъ согласно его указаніямъ. Съ своей стороны, именемъ папы Балдуинъ обѣщалъ имъ полную и вѣчную личную свободу, пока они не отступятъ отъ христіанства, въ каковомъ случаѣ, однако, всѣ остальные условія договора сохраняютъ всю свою силу. Другая половина Куроніи, на сѣверъ и востокъ отъ Виндавы, недѣли черезъ три заключила почти такой-же договоръ, въ которомъ однако точно опредѣлены были слѣдующіе съ новообращенныхъ поборы и безусловно обезпечена вещная и поземельная собственность куроновъ. Мастерское дѣло Балдуина удостоилось самаго лестнаго одобренія папы. Григорій IX, въ поэтической

буллѣ, сравниваетъ Балдуина съ горлицей, принесшей масличную вѣтвь къ варварскимъ народамъ. Балдуинъ былъ назначенъ епископомъ севгальскимъ и папскимъ легатомъ въ новообращенныхъ странахъ съ обширными полномочіями. Въ этой должности однако Балдуинъ успѣлъ возстановить нѣмцевъ противъ себя своими датскими симпатіями и званіе легата было у него отнято.

По заведенному порядку третья часть Куроніи была отдана рыцарямъ. Множество участковъ земли были обращены въ лены, обложены разными спеціальными сборами и повинностями, причемъ ленный владѣлецъ получалъ и право суда. Каково стало жить куронамъ,—легко себѣ представить.

Такимъ образомъ не прошло полустолѣтія съ перваго появленія Мейнгарта, не прошло тридцати лѣтъ съ основанія ордена, какъ бѣдная иекскульская община разрослась въ обширное государство отъ устья Наровы до куронскаго залива, возбуждая зависть и вражду сосѣднихъ христіанскихъ монархій, поселивъ глубокую ненависть въ туземныхъ и литовскихъ племенахъ. Когда нѣмецкій орденъ утвердился въ Пруссіи, приливъ свѣжихъ военныхъ силъ въ Ливонію изъ Германіи прекратился. Оставшимся меченосцамъ трудно стало защищать длинную и всюду опасную пограничную линію и въ тоже время отстаивать свою самостоятельность противъ притязаній духовенства. Поэтому уже второй магистръ меченосцевъ задумалъ о вліяніи обоихъ орденовъ въ одинъ.

Основанный въ 1190 году, нѣмецкій орденъ прозябалъ въ Палестинѣ до 1210 года, пока третій великій магистръ его, Германъ фонъ-Зальца, не вдохнулъ въ него новыхъ силъ. Задушевный другъ знаменитаго императора Фридриха II, высоко уважаемый за свои политическіе таланты папою, имперскій князь, Зальца пользовался огромнымъ авторитетомъ въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ, своими личными достоинствами поднялъ ничтожное до того времени значеніе ордена нѣмецкихъ рыцарей и пріобрѣлъ для него значительныя владѣнія въ даръ отъ разныхъ нѣмецкихъ госу-

дарей. Въ 1226 году мазовецкій князь Конрадъ и прусскій епископъ Стефанъ предложили Зальцъ въ даръ Кульмскую землю и округъ Лебау съ тѣмъ условіемъ, чтобы орденъ пришелъ къ нимъ на помощь въ борьбѣ съ язычниками. Конечно, подаренная земля находилась еще во власти язычниковъ. Даръ былъ принятъ. Въ томъ же году на Вислѣ появились злобѣщіе латники въ бѣлыхъ плащахъ съ черными крестами и поднялся первый орденскій замокъ. Въ 1228 году началось завоеваніе подаренной земли, сопровождавшееся такими же деталями, которыя мы видѣли въ завоеваніи прибалтійскаго края. Предисловіемъ къ прусскому погрому было слѣдующее событіе. Въ кульмской землѣ былъ прусскій князь Пипинъ. Измѣннически овладѣвъ однимъ изъ его городковъ, рыцари перерѣзали сонный гарнизонъ. Пипинъ оплатилъ за это жестокимъ избіеніемъ плѣнныхъ нѣмцевъ, но вслѣдъ затѣмъ попался въ плѣнъ, былъ привязанъ къ конскому хвосту, привезенъ въ изуродованномъ видѣ въ Торнъ и тамъ повѣшенъ. Въ 1235 году, начались уже нескончаемыя недоразумѣнія съ сосѣдними польскими князьями, кульмская земля была уже обезпечена отъ язычниковъ и славянъ и были завоеваны Помезанія (Порубежье, отъ Межас—граница) и Погезанія (по рѣкѣ Ешѣ).

Какъ только орденъ укрѣпился въ кульмской землѣ, Фольквинъ предложилъ Зальцъ сліянiе обоихъ орденовъ. Зальца, имѣя на рукахъ войну съ пруссами, опасался дробить силы и временно отклонилъ предложеніе. Въ 1234 году Вальдемаръ датскій возобновилъ свои притязанія на Эстонию, а папскій легатъ Вильгельмъ потребовалъ передачи Гарріи, Вироніи и Ервена съ явнымъ намѣреніемъ отдать ихъ Вальдемару. Сильная партія въ Римѣ поддерживала интересы Вальдемара, нѣмцамъ же всего ненавистнѣе было сосѣдство датчанъ, отъ котораго незадолго передъ тѣмъ они освободились, и отдѣлаться отъ Даніи представлялось единственно возможнымъ только при помощи могущественнаго нѣмецкаго великаго магистра. Съ этой цѣлью возобновились переговоры

съ Зальцей, который въ своей стороны послалъ двухъ рыцарей въ Ливонію ознакомиться съ тамошними дѣлами. Рыцари вернулись съ депутатами ливонскаго ордена и привезли самыя неблагопріятныя извѣстія объ орденскихъ порядкахъ. Собранный капитулъ наговорилъ депутатамъ множество непріятныхъ и оскорбительныхъ истинъ, высказался противъ принятія въ свою среду ливонцевъ, но за тѣмъ предоставилъ дѣло на усмотрѣніе великаго магистра, жившаго тогда въ центрѣ политической жизни Европы, въ Италіи. Когда посланцы прибыли въ Италію, Зальца обусловилъ все дѣло согласіемъ папы, папа-же склонился на сторону Вальдемара, устраненіе котораго изъ Эстоніи было главной цѣлью всего предпріятія. Дѣло опять могло затянуться на многіе годы, если-бы не случилось происшествія, заставившаго меченосцевъ согласиться на все безусловно. Въ сентябрѣ 1236 года Фольквинъ, чествуя новоприбывшихъ знатныхъ нѣмецкихъ рыцарей, пошелъ, крестовымъ походомъ на Литву съ значительнымъ войскомъ. Литовцы отступили, крестоносцы ихъ преслѣдовали и въ день святаго Мавриція попали въ западную, въ урочищѣ Заулѣ, на среднемъ теченіи Мемеля. Литовцы окружили христіанъ въ густомъ лѣсу. Фольквинъ рѣшился пробиться. Съ крикомъ: помощи, святой Маврицій! бросились христіане впередъ, но побѣда осталась на сторонѣ Церкуна и Поклюса. Магистръ, нѣмецкіе гости, 48 рыцарей и множество туземцевъ остались на полѣ битвы. Узнавъ о такой потерѣ, колонія пришла въ ужасъ. Все казалось потеряннымъ, но, къ счастью, литовцы не воспользовались побѣдой и должны были сѣсть на русскую границу. Новый посланецъ отъ меченосцевъ поскакалъ въ Италію ускорить дѣло на прежнихъ условіяхъ, но Зальца, видя безвыходное положеніе меченосцевъ, неудостоилъ посланнаго переговорами и порѣшилъ дѣло съ папой. Орденъ меченосцевъ обратился въ провинцію нѣмецкаго ордена. Меченосцы приняли одежду и уставъ, болѣе аристократичный, нѣмецкаго ордена, Ревель и три эстонскія области были возвращены Даніи, восстано-

влено и строго подтверждено было и подчиненіе рыцарей ливонскому епископу. Епископы-сторонники Даніи ликовали; бывшіе меченосцы упали духомъ. Тѣ и другіе ошибались въ предполагаемыхъ послѣдствіяхъ сліянія. Первымъ магистромъ нѣмецкаго ордена въ Ливоніи, или ландмейстеромъ. Зальца назначилъ правителя Пруссіи Балька и весной 1238 г. новый магистръ съ 60 рыцарями и многочисленной конницей былъ уже въ Ливоніи. Орденскіе выборы по случаю смерти великаго магистра были причиной частой смѣны ливонскихъ магистровъ. Пограничныя войны съ русскими наполняли ихъ дѣятельность, пока сильное пораженіе рыцарей Александромъ Невскимъ въ Ледовомъ побоищѣ (1242) не подняло вновь духа покоренныхъ туземцевъ и не возбудило страшнаго возстанія куриновъ. Положеніе туземцевъ, несмотря на договоры, было, въ самомъ дѣлѣ, безотрадное и невыносимое.

Въ юномъ государствѣ рука объ руку существовали три силы: орденъ, духовенство съ епископами и городъ Рига, и всѣ онѣ имѣли разнородныя цѣли, достигали ихъ разнородными путями. Что такое орденъ — намъ уже извѣстно изъ предыдущаго очерка. Онъ былъ чуждъ и враждебенъ пріютившей его землѣ. Такъ-же мало связи съ туземствомъ чувствовало и духовенство. Еще не тронутое сомнѣніемъ, стрѣшенное безбрачіемъ отъ остальнаго общества, оно еще продолжало считать обращеніе невѣрныхъ высшею задачею человѣческой жизни. Настоящая жизнь, полная блаженства, ждала ихъ тамъ и эта надежда придавала священникамъ и миссіонеромъ силу самоотверженія и мужество, съ которыми они встрѣчали лишенія, опасности, мученическую смерть. Но, при сравненіи съ высокою цѣлью, цѣня мало свою жизнь, они цѣнили также мало и чужую. Знаменитое *Compelle intrare* они понимали самымъ грубымъ образомъ, признавая дозволительными всякія средства для достиженія христіанской цѣли. Поэтому въ отношеніи къ язычникамъ они были также жестоки, какъ рыцари и, быть можетъ, болѣе фанатичны. Но какъ скоро язычники крестились, ходили въ церковь, платили десятину,

духовенство считало свои цѣли достигнутыми и не имѣло ничего противъ личной свободы и собственности новообращенныхъ, и съ этого-же момента его интересы расходились съ рыцарскими, такъ какъ орденъ, крестивъ язычниковъ обращалъ ихъ въ крѣпостныхъ, въ свою собственность. Отсюда возникали непрерывныя недоразумѣнія и столкновенія епископовъ съ орденомъ, доходившія до того, что епископы уже въ то время искали себѣ союзниковъ противъ ордена не только въ Ригѣ, но даже у язычниковъ.

Въ XIII и XIV столѣтіи городъ Рига, владѣвшій обширными землями, бывшій въ тѣсномъ союзѣ съ прочими нѣмѣцкими городами края, достигнулъ большого благосостоянія, приобрѣлъ силу и уваженіе. Извнѣ онъ былъ укрѣпленъ высокими зубчатыми стѣнами и башнями; внутри на узкихъ улицахъ кипѣла дѣятельная торговая и ремесленная жизнь. По бременскому образцу, управленіе и законодательство сосредоточивались въ большой и малой гильдейскихъ палатахъ, въ которыхъ засѣдали купеческое и ремесленное сословія. Подлѣ нихъ существовалъ такъ называемый домъ черноголовыхъ, въ который принимались только неженатые граждане, отличившіеся въ войнахъ съ невѣрными. Они составляли ядро городского ополченія, набиравшагося изъ наемниковъ, туземцевъ и даже язычниковъ. Свои земли Рига раздавала согражданамъ въ ленное владѣніе. На Двинѣ и морѣ, вмѣстѣ съ сильнымъ торговымъ флотомъ, у Риги была флотилія военныхъ судовъ. Рига самостоятельно заключала торговые договоры съ сосѣдями и въ слѣдующемъ столѣтіи была въ числѣ городовъ ганзейскаго союза. Въ Ливонскомъ государствѣ Рига была единственнымъ здоровымъ организмомъ, способнымъ къ внутреннему развитію своихъ силъ, въ которомъ могло утвердиться и гражданское чувство и привязанность къ новому отечеству. Въ церковныхъ дѣлахъ Рига охотно подчинялась своему епископу, за что и получала отъ него различныя привиллегіи, но въ мірскихъ дѣлахъ шла

самостоятельно своимъ путемъ, преслѣдуя исключительно свои торгoвыя выгоды.

Всѣ эти три силы на словахъ охотно признавали главенство папы и Пречистой Дѣвы, но повиновались папскимъ булламъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда это было имъ выгодно, или когда двѣ другія силы принуждали къ тому. Строго говоря, это были три республики развивавшіяся одна подлѣ другой; онѣ соединялись лишь тогда, когда имъ грозила опасность извнѣ и расходились тотчасъ-же по минованіи опасности.

Туземцы распадались на три группы: въ первой были ранѣе всѣхъ побѣжденные ливы и латыши, во второй покоренные эсты, въ третьей куроны и семгалы, вступившіе въ христіанское государство на основаніи свободнаго договора. Эсты, принужденные къ крещенію силою меча, находились въ наиболѣе тяжкомъ положеніи. Сначала ихъ рассматривали какъ военно-плѣнныхъ, т. е. крѣпостныхъ. Съ переходомъ Эстоніи въ датское владѣніе, положеніе эстовъ должно было неминуемо ухудшиться. Фольквинъ далъ вассаламъ много привилегій, а Вальдемаръ, сберегая военную силу, и утвердилъ, и расширилъ право помѣщиковъ. Поселянинъ уже не находилъ себѣ защиты отъ притѣсненій у заморскаго короля, и потому тягость крѣпостной зависимости возростала безпрепятственно. Полновластіе господъ и безправность поселянъ, установившіяся въ Гарріи и Вироніи, сдѣлались заманчивымъ примѣромъ и для землевладѣльцевъ-вассаловъ другихъ провинцій. Господскія привилегіи мало по малу въ этомъ видѣ усвоивались и прочими вассалами. Ливы и латыши успѣли сохранить нѣкоторую личную свободу и большую часть своихъ земель, но постепенно теряли и то и другое по мѣрѣ того, какъ укрѣплялось положеніе завоевателей и произволъ сильныхъ становился верховнымъ закономъ. Въ орденскихъ провинціяхъ свобода исчезала несравненно скорѣе, нежели во владѣніяхъ епископовъ, но и въ послѣднихъ туземцы постепенно теряли свои земли, и отхо-

дившія къ церквамъ, монастырямъ, соборнымъ капитуламъ. Ленники епископовъ и города Риги, по примѣру ордена и Эстонскихъ вассаловъ, стремились также обратить и земли, и населенія въ свою собственность, Лучше остальныхъ было положеніе семаговъ и куроновъ, выговорившихъ себѣ право личной свободы и собственности. Эти градаціи крестьянской зависимости были въ особенности ненавистны ордену и дѣлали поземельныя отношенія до крайности неустойчивыми. Крестьяне изъ угнетаемыхъ провинцій бѣжали въ болѣе свободныя и находили тамъ убѣжища. Господа разыскивали ихъ и эти розыски возбуждали безконечныя споры и пограничныя усобицы. Съ этихъ поръ орденъ выражаетъ рѣшительное и сознательное стремленіе установить однообразную крѣпостную зависимость для всего сельскаго туземнаго населенія, обойти мирные договоры туземцевъ съ нѣмцами или просто нарушать ихъ силою. Много жалуются ливонскіе и прусскіе епископы и папѣ, и императору, что орденскіе рыцари не только въ своихъ провинціяхъ мучаютъ и обижаютъ новообращенныхъ для того, чтобы они отстали отъ христіанской вѣры, но что они нападаютъ на епископскія земли систематически разоряютъ неофитовъ, доводятъ до отчаянія, до возвращенія къ язычеству и за тѣмъ являются возстановлять христіанство силою меча и обращаютъ отпавшихъ въ крѣпостныхъ. Эти жалобы или остаются безъ послѣдствій, или-же папы въ отвѣтъ на нихъ даютъ прекрасныя, гуманныя совѣты, къ которымъ рыцарскіе уши пребываютъ глухи.

Согласно договору, куроны послали къ папѣ посольство, принятое и обласканное въ Римѣ. Папа подтвердилъ договорныя условія и послалъ къ нимъ Вильгельма Моденскаго. Чтобы оградить новокрещенныхъ отъ притѣсненій, легатъ передѣлилъ вновь южныя епископіи образовавъ, особое куронское епископство. Но результаты не соотвѣтствовали цѣлямъ. Миссіонеры формалистическаго Рима довольствовались однимъ введеніемъ формы и обрядовъ, сущность которыхъ

всегда оставалась невѣдомой для новообращенныхъ. Въ христіанствѣ эти послѣдніе видѣли только множество новыхъ, прежде неизвѣстныхъ поборовъ, новую зависимость, отнятіе земель и немудрено, что шли выплакать свое горе, искать утѣшенія и просить возмездія у воиновъ старыхъ боговъ въ глубину лѣсовъ, подѣ святыя деревья. Но это уже было отступничествомъ и по законамъ Альберта наказывалось смертію. Какъ строго примѣнялся этотъ законъ видно изъ слѣдующаго случая. Въ кульмской землѣ за побѣдами рыцарей, какъ всегда, послѣдовала чума. Жители одного мѣстечка въ отчаяніи прибѣгли къ богамъ. Ольденбургъ, бывшій теперь уже ливонскимъ магистромъ, окружилъ селеніе, зажегъ его и отбрасывалъ бѣгущихъ въ огонь копьями, пока всѣ, отъ мала до велика, не погибли въ пламени. Подобныя случаи отступничества, жадно выслѣживаемыя орденскими рыцарями, безъ сомнѣнія, являлись съ своими обычными послѣдствіями въ Куроніи. Въ 1242 году, послѣ ледоваго побоища, куроны возстали, убили епископа и всѣхъ священниковъ, которыхъ удалось захватить, перебили или прогнали нѣмецкихъ поселенцевъ и вступили въ союзъ съ литовцами противъ нѣмцевъ. Этимъ прекращались условія договора о личной свободѣ. Ордену представлялся удобный случай завоевать Куронію и обратить туземцевъ въ крѣпостныхъ; туземцы-же могли теперь въ точности уразумѣть, что означала та масличная вѣтвь мира, которую принесли имъ голубь Балдуинъ.

Обезопасивъ себя со стороны русскихъ границъ, великій магистръ послалъ въ Куронію и Семгалию сильный отрядъ рыцарей. Четыре года длилась отчаянная борьба, удачная для рыцарей, несчастная для куроновъ и литовцевъ, дѣлающихся главными и непримиримыми врагами нѣмецкаго ордена съ тѣхъ поръ, какъ спеціальною задачею его сдѣлалось завоеваніе Пруссіи. Въ 1246 году силы куроновъ были сломлены, они были возвращены въ христіанство и рядъ крѣпкихъ замковъ (Гольдингенъ, Амботенъ, Дондангенъ,

Виндава и пр.), разбросанныхъ по морскому берегу, въ глубокихъ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ тогда полуостровъ, и по литовской границѣ, обезпечили на будущее время покорность туземцевъ волѣ побѣдителей. Цѣль крестоносныхъ рыцарей была достигнута и семгалы лишились тѣхъ правъ, которыми пользовались по договору съ Балдуиномъ, и подверглись одинаковой участи съ эстами и эзельцами; участь ихъ была даже гораздо хуже, вслѣдствіе того озлобленія, которое развилось въ четырехлѣтней борьбѣ въ рыцаряхъ, привыкшихъ смотрѣть на туземцевъ, какъ на рабовъ. Семгалы и куроны очутились въ томъ безправномъ положеніи, которое потомъ превратилось въ юридическую крѣпостную зависимость.

Завоевавъ вновь отпавшія земли, рыцари по стариннымъ правиламъ должны были подѣлиться завоеваніемъ съ ливонскимъ епископомъ. Такъ бывало при Альбертѣ, такъ указалъ и Гонорій III. Но здѣсь уже нѣмецкій орденъ проявилъ, какъ мало цѣнить онъ непремѣнныя требованія святѣйшаго отца и какъ свободно относится къ исконнымъ обязательствамъ и уставамъ, скрѣпленнымъ его монашескими клятвами. Въ то время папство вело ожесточенную борьбу съ имперіей. Вражда свѣтской власти съ духовной проникала весь строй тогдашней Европы, отражалась въ отношеніяхъ рыцарей къ епископату въ Ливоніи и открывала обширное поприще любителямъ удить рыбу въ мутной водѣ. Двойственное значеніе ордена, подчиненнаго, какъ монашеское учрежденіе, папѣ, и, въ качествѣ имперскаго княжества, стоявшаго въ феодальной зависимости отъ императора, открывало ему полную возможность, удерживаясь на юридической почвѣ, поддерживать дѣло папы или дѣло императора, смотря по выгодѣ. Какъ имперскій князь по должности, великій магистръ Гогенлоэ въ самомъ началѣ борьбы съ куронами и семгалами обратился къ императору Фридриху и выпросилъ себѣ жалованную грамоту, которая предоставляла всѣ покоренныя земли въ Куроніи, Семгаліи и Лятѣхъ,

равно и тѣ, которыя будутъ покорены въ будущемъ, нѣмецкому ордену съ верховными государскими правами, какъ лень римской имперіи, причемъ подѣ строгими наказаніями, денежными и политическими, воспрещалось какъ свѣтской, такъ и духовной власти вступаться въ владѣнія ордена. Такимъ образомъ орденъ захватилъ себѣ и тѣ двѣ трети, которыя слѣдовали ливонскому епископу. Уже и прежде, какъ мы указывали, интересы духовенства и рыцарства, относительно покоренныхъ, были различны. Въ отплату за болѣе мягкія отношенія къ новообращеннымъ, рыцари постановили освобождать отъ обѣтовъ лицъ, стоящихъ въ какихъ-либо отношеніяхъ къ ордену, не иначе какъ за большой откупъ, который и поступалъ въ орденскую казну. Такъ какъ число такихъ лицъ было очень многочисленно, къ нимъ принадлежали орденскіе вассалы, пилигримы, свѣтскіе братья, то епископы, утверждая, что лишь имъ принадлежитъ власть рѣшить и вязать, заявили свои права на эту доходную статью. Къ денежному спору присоединились вопросы этикета, имѣвшіе всегда первокласное значеніе въ средѣ духовныхъ установленій, особенно въ то время. Такъ какъ прежняя ревность пропаганды давно смѣнилась въ ливонскомъ духовенствѣ любовью къ свѣтскому господству надъ новообращенными, то понятно, что новый архіепископъ прусскій и ливонскій, извѣстный уже намъ Альбертъ Зауербергъ пришелъ въ ярость, узнавъ о новыхъ козняхъ ордена относительно Куроніи и Семгаліи. Всѣ епископы съ единодушіемъ, достойнымъ лучшаго употребленія, пригрозили ордену явнымъ разрывомъ и вступили противъ ордена въ союзъ съ заклятыми его врагами поморскимъ княземъ Свантеполкомъ и литовскимъ Миндовгомъ. Эти грозныя приготовленія испугали рыцарей. Великій магистръ поспѣшилъ въ Любекъ объясниться съ Альбертомъ. не былъ допущенъ къ разгнѣванному прелату и передалъ дѣло папѣ, принявшему подѣ свою защиту угрожаемый орденъ. Дѣло долго, по римскому обыкновенію, разсматривалось и наконецъ, при посредствѣ легата Вильгельма, въ

1251 году, состоялось между спорящими соглашеніе, существо котораго состояла въ томъ, что семгальское епископство упразднилось, епархія-же раздѣлилась между рижской и куронской. Вся Куронія составила одну епархію, епископъ которой пребывалъ въ Ригѣ, такъ какъ пребываніе въ Куроніи было опасно по причинѣ множества язычниковъ, оставшихся въ странѣ. Земля въ Куроніи въ третьей части отошла къ епископу, остальные двѣ трети къ ордену, по прусскому обычаю (Куронія признавалась частью Пруссіи). Семгалия была раздѣлена, по ливонскому порядку, между архіепископомъ и орденомъ. Затѣмъ архіепископъ обязался не вредить ордену и не заключать противу него союзовъ съ христіанскими и языческими сосѣдями и подтверждено было, чтобы духовенство и орденъ обращались съ новообращенными дружелюбно, милостиво и справедливо. Это соглашеніе состоялось, благодаря стараніямъ папской фракціи братства, ибо и въ орденѣ образовались двѣ враждующія партіи, за папу и императора. Слѣдующіе выборы дали перевѣсъ сторонникамъ императора. Новый гроссмейстеръ послалъ новаго ландмейстера и въ Ливліндію, Андрея Стирланда. Какъ прежде эсты постоянно обмѣнивались съ рыцарями зимними набѣгами, такъ теперь такая-же постоянная опасность грозила южной границѣ отъ литвы, мстившей за своихъ сродичей семгаловъ, и постоянно находившей въ нихъ себѣ опорную точку среди орденскихъ земель. Сочувствіе семгаловъ къ литвѣ, конечно, не оставалось тайной для ордена. Прибывъ въ Ливонію, Стирландъ отправился въ походъ на Миндовга. По дорогѣ завернули къ семгаламъ. Въ этихъ походахъ теперь постоянно участвуетъ очевидецъ, описавшій событія въ рифмованной хроникѣ, приписываемой ревелескому рыцарю Дитлебу фонъ Альнпекке. Когда войско пришло въ Семгалию, рассказываетъ рыцарь, войны разошлись по области Нельсенъ и избивали народъ безъ препятствій, какъ скотину. Не щадили ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Такимъ образомъ войско въ порядѣ прошло въ Литву».

Послѣ безуспѣшной осады миндовговой столицы, войско, разграбивъ и опустошивъ страну огнемъ и мечемъ, возвратилось въ Ригу, обременное добычей. Отдохнувъ малое время, Стирландъ посѣтилъ Жмудь (Самогитію), и опять вернулся домой съ большой добычей». Горожане восхвалили Бога за такую удачу. По совѣту братьевъ, магистръ безъ замедленія предоставилъ Господу его долю въ добычѣ, ибо Богъ далъ намъ удачу и заслужилъ свою часть; дали ему оружіе и лошадей». За жмудью опять были разорены Семгалы и Литва. Изнемогая въ двойной борьбѣ съ русскими князьями и орденомъ, Миндовгъ предложилъ миръ и пригласилъ магистра посѣтить его. Въ гостепріимномъ замѣѣ Миндовга, литовскій князь и магистръ заключили миръ, первымъ условіемъ котораго было крещеніе Миндовга, за что Стирландъ обѣщалъ ему выпросить у папы королевскую корону. Въ 1252 году, на обширной полянѣ подъ Новгородкомъ, при многочисленномъ стеченіи народа, Миндовгъ и жена его приняли крещеніе и магистръ вѣнчалъ новокрещенныхъ королевскими вѣнцами. Въ тотъ-же день примѣру князя послѣдовало человѣкъ шестьсотъ, но этимъ дѣломъ кончилось: вся остальная литва осталась непоколебимо-вѣрной религіи отцовъ. «Такимъ образомъ—говоритъ историкъ Пруссіи Фойгтъ—литва обратилась въ христіанское королевство безъ христіанскаго народа, князь Миндовгъ сдѣлался христіанскимъ королемъ безъ вѣры, убѣжденія, не имѣя почти никакого понятія о христіанскомъ ученіи». Но точно въ такомъ-же положеніи были всѣ новообращенные въ Ливоніи и Пруссіи, хотя едва-ли было бы справедливо всю отвѣтственность за это слагать на тогдашнее духовенство. Дѣло въ томъ, что между тогдашнимъ и нынѣшнимъ христіанствомъ лежитъ цѣлая бездна различія. Римскій католицизмъ XIII вѣка представляется странной амальгамой грубѣйшихъ суевѣрій и схоластическихъ тонкостей, которыхъ никто не понималъ и понимать не хотѣлъ. Для схоластика религія служила темой самыхъ разнообразныхъ логи-

ческихъ построений, рамкой, въ которой вырабатывалась и двигалась философская мысль, ареной словопрений, матеріаломъ для постройки тонкихъ и остроумныхъ посылковъ и заключеній, какъ пятикнижіе и пророки для талмудистовъ. Не безъ основанія Ренанъ усматриваетъ въ формализмъ римскаго католицизма отголосокъ былого преобладанія юдаизма въ древне-римской христіанской общинѣ. Для массъ христіанское ученіе Евангелія было еще слишкомъ высоко и Божество носилось въ ея представленіи скорѣе въ образѣ мстящаго бога браней эпохи завоеванія Ханаана, нежели въ просвѣтленномъ идеалѣ великихъ пророковъ и Евангелія, какъ мы это уже видѣли въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ хроники Альнпекке. Мистическія ученія, означающія въ средніе вѣка, какъ и всегда, переломъ въ религіозныхъ представленіяхъ, тогда еще только что зарождались. Полнѣйшій матеріализмъ господствовалъ въ религіозной сферѣ. Папа, легіоны духовенства, монаховъ, орденовскихъ рыцарей пользовались христіанствомъ, какъ средствомъ расширенія своей мірской силы. Лишь немногимъ избраннымъ натурамъ, какъ св. Бернаръ, св. Елизавета, удавалось отыскать перлы истины подъ той заскорузлой оболочкой, которою обросло западное христіанство въ долгій періодъ варварства. При всѣмъ томъ существовало безмѣрное различіе между тѣми, которые родились и выросли въ христіанствѣ, и несчастливцами, которымъ оно было навязано при помощи меча и порабощенія. Кто всосалъ христіанство съ молокомъ матери, унаслѣдовалъ его отъ предковъ, вѣрилъ ему и молился въ дѣтствѣ; кто прошелъ, затѣмъ, всю науку школы и жизни, окрашенную въ христіанскій оттѣнокъ, и прежде, чѣмъ сталъ мыслить самостоятельно, свыкъся съ великолѣпнымъ культа, фантастическими легендами о святыхъ, съ подавляющею властью средневѣковой церкви; кому, наконецъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, понятіе о знаніи и религіи должны были представляться не иначе, какъ тождественными,—тому и христіанство являлось, даже въ этой формѣ, единственной

мыслимою формой разумной жизни. Новообращенному и язычнику все это должно было представляться въ иномъ видѣ. Какой опоры и счастья долженъ былъ ожидать отъ христіанства тотъ, кто воспитался среди полудикаго племени, подъ руководствомъ жрецовъ и шамановъ, кто цѣлую жизнь молился «божѣмъ деревьямъ» и источникамъ, идоламъ изъ камня и дерева и былъ свободенъ—и къ кому христіанство являлось одновременно съ отнятіемъ свободы и собственности? Поэтому въ то время быстрое распространеніе христіанства могло совершиться только путемъ насилія. Папа и императоръ, какъ Магометъ и калифъ, были убѣждены, что имъ принадлежить не только верховное право, но и обязанность распространять христіанство и что въ такомъ дѣлѣ насиліе угодно Богу. «Compelle intrare» истолковывалось самымъ грубымъ матеріальнымъ образомъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ альбыгойцевъ. Возможно было за частую встрѣтить соединеніе глубокой набожности съ хладнокровной жестокостью относительно иновѣрцевъ въ одномъ и томъ-же лицѣ. Послѣ крещенія Миндовгъ остался тѣмъ же язычникомъ, какимъ былъ и прежде. Христіанство было для него необходимою ролью для того, чтобы на время обезопасить себя отъ ордена, которую онъ игралъ, пока находилъ это полезнымъ.

М. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАСТУХЪ.

I.

Рано по утру проходить пастухъ
Съ вѣрнымъ со псомъ по селенью;
Рванный; босой; на затылкѣ треухъ;
Кнутъ—мѣрь, не смѣришь саженью!

Хлѣбецъ за пазухой въ старомъ мѣшкѣ;
Лычковъ пучекъ за плечами;
Дудки въ карманѣ... а песъ налегкѣ,
Рыщетъ въ сторонкѣ кругами!

Встанетъ въ околицѣ; щелкаетъ кнутъ
Сидя, песъ вторить рычаньемъ;
Отзывъ скоты со дворовъ подають
Ржаньемъ, мычаньемъ, блеяньемъ!

Чу, голоса! звукъ засовъ, замковъ!
Чу, ворота громяхаютъ!
Вотъ изъ—подъ нихъ кучки разныхъ скотовъ
Взапуски вонъ выбѣгаютъ!

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ.

(Продолженіе).

Жмудь занимала въ то время земли на юго-западѣ отъ семгаловъ, по рѣкѣ Мемелю. Соприкасаясь съ куронами и семгалами на сѣверѣ, съ саманами на юго-западѣ, жмудь по Мемелю имѣла выходъ въ море и этимъ путемъ получала соль и оружіе. Свобода плаванія по этой рѣкѣ, впадавшей тогда въ открытое море, была крайне необходима для жмудяковъ (самогитовъ), но вмѣстѣ съ этимъ была весьма неудобна для рыцарей и епископа. Для безопасности Ливоніи необходимо было ослабить и сдѣлать безвреднымъ это племя. Съ этой цѣлью на югѣ Куроніи появляются замки, а въ устьѣ Мемеля рыцари и архіепископы задумали построить второй замокъ и городъ, такъ-какъ существовавшій тамъ замокъ не могъ быть достаточнымъ препятствіемъ для сообщенія жмуди съ моремъ. Когда приступили къ постройкѣ замка, жмудь поняла намѣренія рыцарей и заволновалась. На народномъ собраніи старѣйшины, со всеобщаго одобренія, рѣшили разорить это «воронье гнѣздо». Поднялось множество народа. Часть пошла черезъ землю самовъ къ Мемелю по морю; другіе сухимъ путемъ. Было, по сказанію лѣтописца, такъ много людей, что рѣку

Мемель можно было перейти по лодкамъ, какъ по мосту, чего не бывало ни прежде, ни послѣ. Однако гарнизонъ мужественно встрѣтилъ нападеніе жмудяковъ и отразилъ ихъ съ большой потерей. Непривычныя къ продолжительнымъ осадамъ, жмудяки сожгли своихъ убитыхъ съ ихъ конями и оружіемъ, «для того, чтобы и на томъ свѣтѣ убитые могли ходить въ походы», и возвратились во-свояси. Между тѣмъ мемельскіе рыцари тотчасъ извѣстили ливонскаго магистра о нападеніи. Въ томъ-же 1253 году, преемникъ Стирланда, Зангергаузенъ пошелъ на Жмудь. Обогнувъ на корабляхъ Курляндскій мысъ, онъ спустился до Куронской низины (Nehrung) и оттуда вступилъ въ жмудскіе лѣса. Дорога была перерѣзана длинной и крѣпкой засѣкой изъ огромныхъ деревьевъ, которую рыцари взяли послѣ кровопролитнаго боя. Девять дней крестоносное войско хозяйничало въ Жмуди, а въ это время новое скопище жмудяковъ успѣло исправить испорченную засѣку и когда нѣмцы возвращались съ награбленной добычей старымъ путемъ, они наткнулись на это непредвидѣнное препятствіе. Результаты такой неожиданности были самые печальные. Магистръ спасся отъ неминуемой смерти, потерявъ половину своихъ воиновъ и всю добычу. Крестоносцы вернулись въ Ригу со Жмуди въ такомъ-же настроеніи, какъ жмудяки изъ подъ Мемеля, который продолжалъ строиться и осенью 1254 года былъ уже на столько крѣпокъ, что могъ не опасаться нападеній съ этой стороны.

Сдѣлавъ большіе успѣхи въ военномъ дѣлѣ среди безпрерывныхъ битвъ съ нѣмцами, литовскія племена, однакоже не усвоили себѣ политическаго искусства своихъ непримиримыхъ враговъ. Сосѣдніе соплеменники бездѣйственно смотрятъ на отчаянную борьбу своихъ родичей и вслѣдъ за ними подпадаютъ послѣ такой-же одиночной борьбы подъ желѣзную пята иноплеменцевъ. Такимъ образомъ погибли ливы, эсты, куроны. Мысль о совокупной борьбѣ съ нѣмцами просыпалась у нихъ тогда, когда силы cadaго изъ племенъ

были уже надломлены и подсѣчены, когда первая неудача уже воскрешала у нихъ воспоминаніе о прежнихъ пораженіяхъ и панически парализовала помыслы о сопротивленіи. Тоже самое повторилось и на литовскихъ племенахъ, хотя не въ такой степени. Семгалы боролись, но помощь Литвы была недостаточна. Построеніе Мемеля имѣло огромное значеніе не для одной жмуди, но и для сосѣднихъ самовъ, однако въ нападеніи на замокъ мы не видимъ участія этихъ послѣднихъ. Альнпеке упоминаетъ только, что жмудяки прошли черезъ землю самовъ. Это пассивное участіе литовскихъ пруссовъ навлекло на нихъ страшное бѣдствіе. Въ 1254 году, зимой, чешскій король Отокаръ съ 60,000 войска и орденскими рыцарями вступилъ въ землю самовъ (Samland) и прошелъ по ней до моря, оставляя за собой пепель сожженныхъ селеній и трупы. «Все, что было некрещено, было избито», кратко, но выразительно говоритъ лѣтописецъ. Нигдѣ не было встрѣчено сопротивленія. Въ этомъ походѣ было разрушено святилище Ромнова, опрокинуть божій дубъ съ тремя идолами главныхъ боговъ и Отокаръ своеручно изрубилъ взятаго въ плѣнъ Криве. Самъ Отокаръ выбралъ на Прегелѣ удобное мѣсто и заложилъ замокъ, названный въ честь его Кенигсбергомъ, будущую столицу Прусской монархіи, что потомъ дало поводъ придворнымъ льстецамъ хвастать, что владѣнія Отокара простираются отъ Адріатическаго до Балтійскаго моря. Провладѣвъ Пруссіей четыре недѣли, Отокаръ возвратился въ Чехію.

Эти успѣхи христіанской пропаганды чрезвычайно нравились римскому папѣ. Отвернувшись отъ Востока, папы съ тѣмъ большимъ вниманіемъ слѣдили за подвигами благочестивыхъ дѣятелей среди «сѣверныхъ сарациновъ». Александръ IV поставилъ своею задачею во время своей жизни обратить въ христіанство сѣверныхъ язычниковъ и не жалѣлъ средствъ для достиженія цѣли. Онъ дѣлалъ все возможное и невозможное, чтобы умножить число рыцарей

нѣмецкаго ордена и дать ордену сколь возможно болѣе денежных средствъ. Въ этихъ видахъ орденъ получилъ такія привиллегіи, которыя нарушили не только право третьихъ лицъ и государственные законы Германіи, но стояли въ противорѣчіи съ буллами предшественниковъ Александра IV. Даже изъ принятія креста папа сдѣлалъ денежную спекуляцію для ордена, позволивъ откупаться уступкой извѣстной части имущества въ пользу ордена отъ обѣта идти на язычниковъ, если нельзя было исполнить обѣта по болѣзни или другимъ препятствіямъ. 16 сентября 1256 года онъ освободилъ отъ отвѣтственности поджигателей и другихъ преступниковъ, если они возложатъ крестъ и пойдутъ въ Пруссію или Ливонію. Въ слѣдующемъ году онъ повелѣлъ принимать безъ всякаго предварительнаго искуса въ число братій всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, принадлежащихъ къ свободнымъ сословіямъ, подъ условіемъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять ордена. Въ 1258 году онъ освободилъ отъ интердикта всѣхъ сторонниковъ великаго императора и сыновей его Конрада и Манфреда, а также и всѣхъ иныхъ, навлекшихъ на себя, какимъ-бы то ни было образомъ, интердиктъ или другое наказаніе, если они вступятъ въ орденъ. Орденскій плащъ открывалъ путь къ полнѣйшей безнаказанности всѣмъ грубымъ и своевольнымъ натурамъ того времени. Неоплатные должники, грабители и поджигатели, побывавъ въ орденѣ, могли, на основаніи папской буллы, спокойно возвращаться на родину, исповѣдавъ свои грѣхи предъ исповѣдникомъ, который долженъ былъ признать орденскую дѣятельность и дисциплину кающихся достаточнымъ искупленіемъ ихъ совѣсти, а ихъ бѣдность достаточной причиной неисполненія обязательствъ, состоявшихся до вступленія въ орденъ. Въ самое короткое время орденъ обратился въ притонъ бродягъ и преступниковъ, стекавшихся туда изъ всей Германіи. Легко себѣ составить понятіе о нравахъ, водворившихся въ знаменитомъ братствѣ. Уже въ томъ-же 1258

году прусскіе епископы представили папѣ жалобу, въ которой обвиняють рыцарей въ нарушеніи орденаго устава, въ кощунствѣ и глумленіи надъ таинствами церкви, въ распутствѣ и прелюбодѣянніи, въ жестокомъ обращеніи съ новообращенными и т. п. Епископы дѣйствовали, очевидно, по наущенію архіепископа Альберта. Орденъ не нашелъ нужнымъ опровергать обвиненіе. Папа-же, цѣня услуги ордена, оставилъ извѣтъ безъ послѣдствій: борьба съ прусско-литовскими народами разгоралась и не время было слушать нареканія на возлюбленныхъ сыновъ, съ такимъ похвальнымъ рвеніемъ исполнявшихъ завѣтную мысль святѣйшаго отца, тѣмъ болѣе, что она уже на половину, была осуществлена крещеніемъ Миндовга и покореніемъ самовъ, слывшихъ за самое упорное и сильное племя между этими народами.

Не взирая на успѣхи нѣмцевъ, жмудяки вновь возстали на защиту своей независимости и старыхъ боговъ. «На Жмуди, рассказываетъ Альнпеке, жилъ тогда человекъ, по имени Алеманъ, храбрый герой. Сокрушалось сердце его отъ горькой печали и ненависти, что король Миндовгъ и многіе литовцы стали христіанами и оставили язычество для служенія Богу въ небесномъ царствѣ». Алеманъ, мстя за своихъ, ворвался въ Куронію, разорилъ куроновъ-христіанъ и увелъ съ собою большую добычу. Набѣгъ былъ такъ стремителенъ, что ливонскій магистръ Зангергаузенъ не успѣлъ еще собрать свои силы, какъ Алеманъ былъ уже въ глубинѣ своихъ лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе магистръ назначилъ походъ. Въ войскѣ его, кромѣ пилигримовъ, находилось много туземцевъ: ливовъ, эстовъ, латышей и куроновъ, которые, по отзыву Альнпеке, отлично исполнили свою опустошительную задачу. Черезъ Семгалию войско вошло въ Жмудъ и въ описаніи похода видно, что урокъ прежняго похода заставилъ усовершенствовать военные порядки. Войско было раздѣлено на роты съ отдѣльными знаменами и значками, грабили по порядку: пока первая рота жгла, грабила и убивала, остальные охраняли еѣ отъ вне-

запнаго нападенія. При войскѣ было множество монаховъ разныхъ орденовъ. «Первую деревню зажегъ предикантъ, а вторую — босоногій», рассказываетъ Альнпеке. Съ утра до вечера опустошеніе не прекращалось. На ночь разъѣзды оберегали лагерь отъ неожиданностей. «Такимъ образомъ девять дней ходили по странѣ, грабя и выжигая, набирали множество добычи, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, всякаго скота и все, чего нельзя было отогнать или унести, было уничтожено». Часть добычи получили подвластные туземцы и даже семгалы, неучаствовавшіе въ походѣ. Двухлѣтнее перемиріе дало отдыхъ воюющимъ сторонамъ. По истеченіи перемирія, на одномъ общественномъ празднествѣ, жмудяки порѣшили, что отдыхали довольно и что слѣдуетъ опять воевать Куронію. Жрецъ, разрубивъ жертву, усмотрѣлъ благоприятныя предзнаменованія и предрекъ успѣхъ, если богамъ будетъ дана треть добычи. «Они вамъ благопріятствуютъ, вы будете безопасны и боги вполне заслуживаютъ, чтобы на сожженіе имъ вы дали оружіе, лошадей и храбрыхъ мужей. по нашему обычаю», говорилъ жрецъ. Два раза сряду жмудяки дѣлали удачныя набѣги на Куронію и оба раза встрѣчи ихъ съ нѣмецкими отрядами оканчивались весьма неудачно для послѣднихъ. Побѣды язычниковъ постепенно оживляли, національное чувство и укрѣпляли падающую привязанность къ національной религіи у сосѣднихъ языческихъ народовъ. Борьба, начатая Алеманомъ и поддерживаемая нѣскольکو лѣтъ сряду одной жмудью противъ рыцарей, крестоносцевъ и туземцевъ-христіанъ ливонскаго государства, одушевляла и побуждала къ подражанію и сосѣдей: семгаловъ, Миндовга и литовцевъ, прусовъ и самовъ. Прежде другихъ поднялись семгалы. Въ 1259 году они отпали отъ христіанства, выгнали фогтовъ и другихъ нѣмцевъ и въ священнѣхъ рощахъ возобновили свои языческіе обряды. Слѣдующей зимой рыцари побывали въ Семгаліи и въ самой срединѣ страны выстроили замокъ Добень, который потомъ тщетно старались разрушить семгалы и жмудь.

Крещеніе Миндовга возбудило сильное неудовольствіе среди его подданныхъ, неоднократно дѣло доходило до возмущеній, которыя онъ подавлялъ съ помощію ордена. Относительно ордена Миндовгъ велъ себя самымъ безукоризненнымъ и щедрымъ образомъ. Цѣлыя провинціи, даже такія, которыя ему никогда не принадлежали, какъ Куронія и земля зеловъ (при впаденіи Эвста въ Двину), онъ дарилъ ордену и поговаривалъ, что орденъ будетъ наслѣдникомъ послѣ его смерти, такъ какъ Миндовгъ былъ бездѣтенъ. Но, кокетничая съ орденомъ, хитрый литвинъ внимательнo слѣдилъ за событіями, изыскивая удобный моментъ сбросить съ себя личину и возвратить себѣ все отданное, прихвативъ, буде посчастливится, и частицу чужого. Эта минута приближалась. Удачная борьба подвластной ему жмуди, возстаніе семгаловъ, безпокойные признаки по всей Пруссіи ободряли его къ разрыву неестественнаго союза съ нѣмцами. Жмудскіе старшины убѣждали его слѣдовать ихъ примѣру и на этотъ разъ Миндовгъ не остался глухъ къ представленіямъ своихъ соплеменниковъ. Онъ сдѣлалъ въ 1260 году наѣздъ на Польшу и Мазовію, ограбилъ, въ союзѣ съ самими, часть Пруссіи и, возвратясь изъ похода, нашелъ предлогъ прервать мирныя отношенія къ ордену. Одновременно съ этимъ онъ возвратился къ язычеству и принудилъ къ тому-же свою жену, которая успѣла привязаться къ новой религіи и спасла отъ смерти своего нѣмецкаго духовника.

Въ 1260 году положеніе Пруссіи представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Разнузданность, дошедшая въ орденѣ до крайнихъ предѣловъ, начала вредно вліять на дѣла ордена и требовала подавленія. При новыхъ выборахъ, великимъ магистромъ сдѣлался Гартмудъ фонъ-Грумбахъ, о которомъ даже льстивыя орденскія хроники не нашли сказать ничего хорошаго. Событія изображаютъ его человѣкомъ строгимъ до жестокости и скупымъ до скаредности. Пруссійскій лѣтописецъ отзывается о немъ такъ: «былъ онъ очень алченъ относительно приобрѣтенія земныхъ богатствъ. Онъ

первый заставилъ братію носить платье изъ грубаго сукна, которое дѣлають пруссы (вадмаль), первый онъ также завелъ, чтобы по постнымъ днямъ давали братіи треску. Все это сдѣлалъ онъ отъ страшной скупости». Съ той-же жестокостью, съ которой онъ относился къ несчастнымъ пруссамъ, Грумбахъ хотѣлъ водворить дисциплину въ средѣ необузданныхъ орденовыхъ рыцарей. Если припомнимъ, что, благодаря булламъ Александра IV, орденъ сдѣлался убѣжищемъ всякихъ пороковъ и преступленій, то, конечно, дисциплина была необходима, чтобы сдерживать въ какомъ-нибудь порядкѣ дикую орду рыцарей монаховъ, но строгость магистра повлекла за собой его низложеніе.

Получивъ подкрѣпленіе въ лицѣ сильнаго напыла пилигримовъ, великій магистръ еще разъ усмирилъ пруссовъ и держалъ въ страхѣ самовъ и жмудяковъ. Пограничная линія была усилена двумя новыми замками: Лабіау на южномъ берегу Куришгафа и Юргенсбургомъ въ Курляндіи. Эти замки, закрѣпившіе власть рыцарей надъ покоренными, были строены, конечно, пруссами, изнемогавшими подъ бременемъ многочисленныхъ барщинныхъ повинностей. «Огромными толпами — говоритъ лѣтописецъ Лука Давидъ — сгоняли юные герои пруссовъ и эти должны были не только рыть рвы предъ замками, но также обрабатывать и вспахивать поля». Доведенные до отчаянія пруссы вновь избрали Криве Алепса и спрашивали, долго-ли останутся безнаказанными тиранство и несправедливость ихъ владыкъ? Алепсъ отъ именно идовъ отвѣчалъ, что наказаніе постигнетъ ихъ въ скоромъ времени и болѣе, нежели въ достаточной степени. Разорительная постройка крѣпостей, общая дороговизна и голодъ уже вызвали мѣстныя вспышки сопротивленія и безпорядковъ, кончавшіяся нерѣдко убійствомъ какого-нибудь ненавистнаго рыцаря. Каплей, переполнившей мѣру терпѣнія несчастныхъ туземцевъ, было похищеніе дѣтей, призвавшее наконецъ туземцевъ къ страшному мщенію.

Великіе магистры постоянно сообщали папѣ, что пруссы

остаются непокорными и враждебными, и просили разрѣшенія брать залого, что было установлено и легатомъ Вельгельмомъ, чтобы побудить пруссовъ къ работамъ и военной службѣ. Конечно, папа и въ этомъ не отказалъ своему возлюбленному дѣтищу. Буллою отъ 21 января 1260 года, папа благословилъ орденъ понуждать пруссовъ *reg carionem et etiam retenticnem pignorum*. Слово *pignorum*, означающее залогъ, орденъ истолковалъ такъ, что будто-бы разрѣшено было брать дѣтей, какъ залогъ. Это ужасное толкованіе орденъ примѣнилъ къ дѣлу въ томъ-же году, какъ только возобновились весной крѣпостныя работы. «Изъ того времени—говорить Фойгтъ—не дошли до насъ вопли горя и отчаянія, проклятія отцевъ и слезы матерей, но факты говорятъ о нихъ также краснорѣчиво, хотя и безслѣдно заглухли слова и голоса несчастныхъ».

Пруссы поднимались. Силы ордена подавить новое возстаніе оказывались совершенно недостаточными. Въ томъ-же 1260 году папа истощилъ всѣ средства, чтобы помочь ордену и спасти его. Онъ посылалъ въ Прусію изъ всей Германіи толпу пилигримовъ за толпою, направилъ на прусскихъ язычниковъ цѣлое войско крестоносцевъ, собранное противъ татаръ, опустошавшихъ тогда Польшу и Мазовію и отдалъ это войско подъ начальство свирѣпаго Грумбаха; устроилъ наконецъ союзъ ордена съ мазовецкимъ княземъ Земовитомъ. Тѣмъ не менѣе дѣла въ Пруссіи, особенно со времени наѣзда Миндовга, принимали все болѣе опасный, все болѣе отчаянный характеръ. Не ограничиваясь Германіей, папа взывалъ во всей Европѣ о помощи Пруссіи. Время крестоносного одушевленія, однако, проходило и призывъ папы, повторявшійся слишкомъ часто, терялъ свое значеніе и не давалъ ожидаемыхъ результатовъ. Обратились къ послѣднему опасному средству: стали раздавать дворянамъ большія имѣнія въ Пруссіи въ ленное владѣніе, чтобы хотя этимъ способомъ обезпечить за орденомъ помощь западнаго ры-

царства, но и эта мѣра имѣла дѣйствіе лишь на весьма короткое время.

Въ 1259 г., когда отпали семгалы отъ христіанства, когда во всей Пруссіи кипѣло глухое броженіе между новообращенными, стали нападать на слѣды приготовлявшагося возстанія у куроновъ. Чтобы обезопасить себя отъ куроновъ и еще крѣпче отрѣзать жмудь отъ моря, которымъ доставлялось къ ней оружіе, одежда и соль, ливонскій и великій магистры построили крѣпкій замокъ св. Георгія, Юргенсбургъ, на границѣ Куроніи и жмуди, на одной широтѣ съ Мемелемъ, невдалекѣ отъ рѣчки Аа, впадающей въ море между Полангеномъ и Либавой. Этотъ замокъ долженъ былъ парализовать торговлю Полангена со жмудью. Съ своей стороны, жмудяки, понявъ назначеніе замка, выстроили укрѣпленіе Критингенъ, ближе къ Полангену и рѣчкѣ Аа, чтобы доставить безопасное складочное мѣсто для товаровъ, идущихъ изъ Полангена въ ихъ землю. Изъ за этихъ товаровъ начались чуть не ежедневныя стычки между гарнизонами Юргенсбурга и Критингена. Однако, литва сдѣлала такіе успѣхи даже въ постройкѣ крѣпости, что всѣ усилія нѣмцевъ разрушить литовское укрѣпленіе не удались. Мало того, опасное положеніе Критингена держало на-сторожѣ и жмудь, и литву. Значительное скопище литвы и жмуди было всегда невдалекѣ, въ сборѣ, на случай нападенія и внушало нѣмцамъ страхъ за новый замокъ. Натянутость такого положенія долго продолжаться не могла. Ливонскій магистръ Горнгаузенъ рѣшился напасть на Критингенъ съ значительными силами. Онъ собралъ всѣхъ рыцарей Эстоніи и Ливоніи, усилилъ ихъ туземной пѣхотой изъ эстовъ и куроновъ и датскимъ отрядомъ изъ Ревеля и потребовалъ помощи отъ великаго магистра, который послалъ ему орденскаго маршала Ботеля съ прусскими рыцарями, тридцатью новоприбывшими пилигримами, вассальными землевладѣльцами и подвластными самими, на которыхъ можно было положиться, какъ оказалось впоследствии.

Рѣдко мы встрѣчаемся съ болѣе многочисленнымъ нѣмецкимъ войскомъ въ этихъ непрерывныхъ порубежныхъ войнахъ. Цѣль Горнгаузена была, разрушивъ Критингенъ, ворваться черезъ Жмудъ въ Литву и надолго отбить у этихъ народовъ охоту пробиваться къ морю. Оба нѣмецкіе отряда соединились въ Мемелѣ. Узнавъ объ этомъ, литовцы снабдили Критингенъ провіантомъ и снарядами на долгую осаду, сами-же, въ числѣ четырехъ тысячъ, бросились на Куронію, страшно опустошили вдоль и поперекъ страну, оставленную безъ защиты, и съ огромной добычей возвращались въ Литву. Соединенныя нѣмецкія силы погнались за ними наперерѣзъ и враги встрѣтились на южномъ берегу Дурбенскаго озера, лежащаго немного на сѣверъ отъ упомянутыхъ уже замковъ. Здѣсь произошла, 13 іюля 1260 г., одна изъ самыхъ важныхъ битвъ, занесенныхъ въ хроники ордена. Въ виду многочисленнаго литовскаго отряда, одушевленнаго успѣхомъ, обремененнаго полономъ и добычей, рыцари держали военный совѣтъ. Мѣстность была неровная, холмистая, покрытая зарослями, переходящими въ лѣсъ. Помезанскій вассаль Макто, въ жилахъ котораго текла литовская кровь, совѣтовалъ спѣшиться и пѣше напасть на враговъ. Нѣмцы и датчане, покрытые съ ногъ до лба кольчугами, въ тяжелыхъ шлемахъ и съ длинными копьями и мечами, годными лишь для кавалерійскихъ атакъ, находили предложеніе Макта неисполнимымъ. Во время этихъ совѣщаній куроны, бывшіе въ войскѣ, обратились къ рыцарямъ съ просьбой, чтобы имъ, послѣ сраженія, отдали ихъ женъ и дѣтей, которыхъ литовцы захватили въ плѣнъ: эта справедливая просьба была встрѣчена безчеловѣчнымъ и неразумнымъ отказомъ: все, отбитое у литовцевъ, должно было поступить въ военную добычу и въ дѣлежъ, по военнымъ обычаямъ. Теперь куроны видѣли, что, даже при побѣдѣ, участь отнятыхъ у нихъ женъ и дѣтей будетъ та-же, что и при пораженіи, и даже хуже, и охладѣли къ своему дѣлу. Битва началась атакѣй рыцарей, которую литовцы встрѣ-

тили градомъ брошенныхъ дубинъ. Начался рукопашный бой и въ эту критическую минуту куроны отступили, ихъ примѣру послѣдовали эсты, и рыцари остались, окруженные со всѣхъ сторонъ литовцами, не имѣя возможности замѣнить свои изломленные копья и мечи запасными, оставшимися у ихъ туземныхъ оруженосцевъ. Одни «добрые» самы раздѣлили участь рыцарей. Восемь часовъ сряду рыцари бились, «какъ маккавеи», по выраженію Дусбурга, но когда ливонскій магистръ и оба орденскіе маршала легли подъ буздыханами и дубинами литовцевъ, никто болѣе не помышлялъ о сопротивленіи: нѣмцы обратились въ беспорядочное бѣгство, битва превратилась въ травлю. Отъ полутораста до ста восьмидесяти рыцарей было убито. Предводители самовъ—Складъ и помезановъ—Макто легли на полѣ битвы вмѣстѣ съ датчанами и ихъ вождемъ шведскимъ герцогомъ Карломъ. Лѣтописцы говорятъ, что во время бѣгства трое или четверо смѣлыхъ литвиновъ убивали или забирали въ плѣнъ по сту непріятелей. Четырнадцать рыцарей было взято въ плѣнъ. Восьмерыхъ, посадивъ на коней въ полномъ вооруженіи, сожгли въ жертву богамъ подъ священными дубами, остальнымъ отрубили руки и ноги и затѣмъ разсѣкли туловища на части.

Радостная вѣсть о побѣдѣ съ быстротою молніи разнеслась по Ливоніи и Пруссіи. Повсюду придавленное туземное населеніе возстало противъ ненавистныхъ чужезцевъ. Всего ужаснѣе было возстаніе въ Пруссіи. Благодаря произвольному толкованію буллы Александра IV, отнятіе дѣтей было уже тамъ въ полномъ ходу и жажда мести одинаково охватила и отцовъ, и матерей. Ждали только перваго удобнаго случая, чтобъ начать кровавое возмездіе, и ждали недолго. Фогтъ Вольратъ Мирабилисъ, случайно избавившись отъ покушенія на его жизнь, задумалъ показать примѣръ строгости, зазвалъ къ себѣ пятьдесятъ знатныхъ пруссовъ на ужинъ, принялъ ихъ «съ іудиной лаской», много поилъ ихъ, «по нѣмецкому обычаю», и, подъ конецъ,

удалился и сжегъ ихъ всѣхъ въ томъ домѣ, гдѣ угощалъ. Этотъ пожаръ и былъ сигналомъ къ общему возстанію. Только кульминская земля, Померанія и Погезанія, уже сильно заселенныя нѣмцами, не приняли участія въ этомъ дѣлѣ. «Вечеромъ, 20 сентября 1261 года, на всемъ пространствѣ отъ береговъ моря до границъ Помераніи, вооруженныя толпы туземцевъ, подъ предводительствомъ выборныхъ вождей, бросились на христіанъ. Началось всеобщее опустошеніе и избіеніе. Все, напоминавшее о христіанской религіи, было истребляемо, разрушаемо, оскверняемо. Церкви разорялись или поджигались, утварь похищалась, духовенство предавалось мучительной смерти. Христіанъ и нѣмцевъ, не успѣвшихъ спастись въ ближайшій орденскій замокъ, или убивали или отводили въ плѣнъ». Въ особенности издѣвались надъ рыцарями. Одному изъ нихъ защемили шею между двумя досками и удавили такимъ образомъ, объясняя, что именно такая смерть причисляется священнымъ особамъ, кровь которыхъ проливать не подобаетъ. Такой и болѣе ужасной участи подвергался всякій рыцарь, попадавшійся въ руки разъяренной и глубоко озлобленной толпы» (Фойгтъ).

«Проявленіе дикаго звѣрства, говоритъ почтенный г. Отто ф. Рутенбергъ, — встрѣчаются всякій разъ, когда страсти людей сбрасываютъ съ себя связующіе ихъ законы. Мы видимъ то-же самое и во время крестьянскихъ войнъ въ Германіи, и въ первую революцію во Франціи. Эти проявленія звѣрской жестокости, безъ сомнѣнія, ужасны, но далеко не такъ свидѣлствуютъ о глубокой порчѣ общества, какъ тѣ хладнокровно обдуманная предательства, которыя совершались епископами и рыцарями подъ маской любви и гостепріимства. Потому едва-ли слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что, развращенное папскимъ воспитаніемъ и законодательствомъ, духовенство и рыцарство, въ большей части, погибло на Прибалтійскомъ поморьѣ въ роковыя дни дурбенской битвы и прусскаго возстанія». Даже въ средѣ

братіи нашлись измѣнники: Грумбахъ сжегъ восемь рыцарей за покушеніе предать замокъ Эльбингъ въ руки пруссовъ. Впрочемъ, всѣ замки защищались съ отчаяннымъ мужествомъ и успѣли отбиться отъ пруссовъ. Среди возстанія, папа отрѣшилъ Грумбаха отъ должности и самъ вскорѣ умеръ. Новый папа, Урбанъ IV, и новый магистръ Дитрихъ начали, совокупными усиліями, изыскивать средства поднять вновь силы ордена.

Три года борьба въ Пруссіи шла съ переменнымъ счастьемъ. На третьемъ году ордену удалось освободить отъ осады Кенигсбергъ и завоевать часть земли отъ самовъ. Оставалось покорить западную часть Саміи, гдѣ еще шумѣлъ священный лѣсъ, въ которомъ нѣкогда находилась Ромнова, гдѣ еще держалась самая сильная и многочисленная вѣтвь самовъ. Съ своими ослабѣвшими силами великій магистръ не рѣшился на эту опасную экспедицію и позвалъ на помощь ливонскихъ рыцарей. Въ назначенный день оба отряда должны были сойтись въ урочищѣ Бетенъ. Сопrotивленіе пруссовъ было упорное и побѣда уже склонялась на ихъ сторону, когда въ послѣдній критическій моментъ явился ливонскій отрядъ и рѣшилъ дѣло въ пользу нѣмцевъ. Все мужское населеніе страны было избито. Женщины и дѣти были уведены въ рабство. Страна превратилась въ одичалую пустыню. Кабаны да зубры были единственными обитателями страны, когда въ нее начала приливать новая нѣмецкая колонизація.

Тотчасъ послѣ дурбенской битвы Куронія, Семгалия и Эзелъ возстали противъ нѣмцевъ. Семгалы разрушили Добень. Въ Куроніи всѣ замки, кромѣ трехъ или четырехъ, были уничтожены и нѣмецкое населеніе уцѣлѣло только въ тѣхъ замкахъ. Ливонскій магистръ собралъ, кого могъ, и отправилъ ихъ въ Гольдингенъ. Гарнизонъ уже отчаялся видѣть въ живыхъ кого-либо изъ ливонскихъ рыцарей. Изъ Гольдингена и Мемеля началось постепенное возвращеніе Куроніи въ прежнюю зависимость. Раззореніе страны было

ужасное. Подъ конецъ побѣдили рыцари. Критингенъ былъ разрушенъ и новые замки вновь закрѣпили владѣніе за орденомъ. Еще быстрѣе было подавлено возстаніе на Эзелѣ, послѣ чего эзельцы подпали только подъ большій крѣпостной гнетъ. Ливы, латыши и эсты остались безучастными зрителями ужаснаго удара, нанесеннаго силамъ ордена подъ Дурбеномъ.

Труднѣе было отбиться отъ литвы. Подъ давленіемъ сосѣдей, въ Литвѣ усиливалось чувство племенного единства, крѣпла центральная власть и борьба съ Русью и нѣмцами принимала болѣе сосредоточенный, настойчивый характеръ. Пользуясь разгромомъ, литовцы въ теченіи трехъ лѣтъ дѣлали самые дерзкіе набѣги на ливонское государство, проникая въ самыя отдаленныя закоулки Эстоніи и кружа около самой Риги. Въ это время ливонцы старались только защищаться и то не всегда удачно, не помышляя объ отвѣтныхъ набѣгахъ на Литву. Во главѣ литовцевъ, въ этихъ набѣгахъ появляется отважный Траіанъ или Тройнатъ, передовой защитникъ національной религіи и злѣйшій врагъ христіанства. По его убѣжденіямъ Миндовгъ рѣшился отступить отъ новой религіи. Измѣнивъ убійцу Миндовга съ двумя его сыновьями, Траіанъ захватилъ княжескую власть, но пользовался ею не долго: его самого убили вѣрные слуги покойнаго князя. Въ Литвѣ началось временное внутреннее неустройство. Повидимому, новые элементы: зарождающаяся центральная власть и христіанская пропаганда, боролись съ прежней самостоятельностью мѣстныхъ князьковъ и общинъ. Быстро проходятъ предъ историкомъ племена князей, гибнущихъ, большей частью, подъ рукою убійцъ; подраздѣленія Литвы и земли, отбитыя у западно-русскихъ князей, то сливаются, то дробятся на отдѣльныя, самостоятельныя княжества. Въ это время Литва не такъ блистательно борется съ орденомъ, какъ прежде, и занята внутренними и русскими дѣлами; въ это-же время въ Литву бѣгутъ изъ прусскаго поморья родственные ей язычники и

укрѣпляютъ въ ней языческій элементъ. Неурядица продолжается до 1283 года, когда съ Литавора и Ватенеса начинается новая эпоха, блестящій періодъ національно литовской жизни, подъ знаменемъ единовластія князя и языческой религіи. Такимъ временнымъ неустройствомъ воспользовался орденъ, чтобы дать отпоръ повгородскому князю. Эта война окончилась договоромъ Новгорода съ Ригію, бросающимъ яркій свѣтъ на обширныя торговыя связи этихъ городовъ между собою. Сбытъ западныхъ произведеній на востокъ составлялъ самую живую и прибыльную статью дохода города Риги и всѣ классы ливонскаго общества были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Необходимо было, однако, прежде всего улучшить и облегчить дорогу для торговли и, дѣйствительно, послѣ мира 1269 года, мы встрѣчаемъ много постановленій, касающихся торговли вообще и новгородской въ особенности. Такъ, въ апрѣлѣ 1274 года епископъ дерптскій Фридрихъ далъ ливонскимъ и эстонскимъ купцамъ привилегію, въ силу которой *jus albinagii*, столь распространенное въ средніе вѣка, не имѣло примѣненія къ товарамъ потерпѣвшимъ крушеніе на Чудскомъ озерѣ: они возвращались собственникамъ или ихъ наслѣдникамъ, по уплатѣ вознагражденія за храненіе ихъ. Плаваніе по озеру установилось безпошлинное. Судамъ предоставлялось пользоваться прибрежнымъ лѣсомъ для починки. На сколько развито было корабельничество, какой оживленной жизнью жила эта нынѣ пустынная и бѣдная мѣстность, видно изъ того, что одинъ изъ магистровъ, переправляясь съ войскомъ черезъ озеро на Русь, безъ труда собралъ флотилію съ девятью тысячами судоходовъ. Множество судовъ приходило и уходило, мѣняя товаръ востока на продукты запада, изъ богатой пристани нынѣ обѣднѣвшаго Пскова. Точно такія-же грамоты мы встрѣчаемъ и относительно Двины, связующей Ригу съ западной Россіей и Литвой. Торговыя связи, выгодныя для русскихъ и нѣмцевъ, отсутствіе сильныхъ религіозныхъ мотивовъ къ постоянной враждебности, а также и боевое зна-

комство, не обѣщавшее нѣмцамъ въ Россіи того перевѣса, которое они имѣли надъ язычниками, надолго водворили миръ на рубежахъ русскихъ.

Не то было на Литвѣ. Счастье рѣшительно благопріятствовало литовскому оружію и только внутреннія усобицы не давали Литвѣ возможности надлежащимъ образомъ воспользоваться ослабленіемъ ордена и нанести ему рѣшительный ударъ. Но все-таки отдѣльными набѣгами литовцы сильно вредили ливонскому государству, забираясь по льду даже на Эзель и безпощадно истребляя прежнихъ союзниковъ. Нерѣдко рыцари пускались въ погоню, но литовцы, по большей части, оставались побѣдителями. Несмотря на литовскія неудачи, орденъ не терялъ надеждъ на восстановленіе своей власти. Послѣ непрерывной многолѣтней войны ему удалось вновь завоевать семгаловъ, и завладѣть укрѣпленными мѣстами, принадлежавшими мѣстнымъ князькамъ. Семгалы, послѣ храброй обороны, не могли держаться противъ военныхъ силъ ордена, тѣмъ болѣе, что орденскія земли охватывали Семгалию съ двухъ сторонъ, отъ Литвы же не было помощи. Пятнадцатый (съ 128¹³ г.) магистръ Ливоніи, Нордекъ завладѣлъ Семгалиею, но не безусловно. Сохранился договоръ, заключенный имъ съ семгальскими князьками, начинающійся такъ: «такъ какъ, Божиимъ произволеніемъ, страна Семгалия отступилась отъ языческой чертовщины и возвратилась къ христовой вѣрѣ, которую она уже нѣкогда приняла и отъ которой отпадала; послѣ того, какъ мы, призвавъ въ присутствіе наше старѣйшихъ ихъ земли, долго совѣщались съ ними о повинностяхъ и нашихъ взаимныхъ правахъ, то, наконецъ, мы, по общему совѣту и согласію, опредѣляемъ ихъ повинности и работы слѣдующимъ образомъ»... Новый ливонскій магистръ, Эрнстъ фонъ-Рацебургъ, въ защиту отъ Литвы построилъ крѣпкій замокъ Динабургъ. Тройденъ, братъ тогдашняго литовскаго князя Наримунда, напалъ на замокъ, но гарнизонъ отбился и Тройденъ отступилъ съ боль-

шой потерей. Около четырехъ лѣтъ Литвѣ нѣкогда было навѣстить истощенный Ливонскій край и только въ февралѣ 1279 года Рацебургъ собрался съ силами для похода на Литву. На помощь ему пришелъ датскій отрядъ изъ Ревеля и Эсты съ двумя знаменитыми орденскими рыцарями: «великолѣпнымъ» (hovelic): Генрихомъ Франгеномъ и «доблестнымъ» Іоганномъ Тизенгаузеномъ. Любитель воинскихъ зрѣлищъ, Альбишке не упускаетъ случая придти въ восторгъ—такой красивый видъ представляли ливонскіе рыцари въ блестящихъ шлемахъ съ зеркально-свѣтлыми щитками на груди и револьцы въ темномъ, желѣзномъ вооруженіи. Кромѣ эстовъ, въ набѣгѣ приняли участіе куруны и семгалы подъ предводительствомъ нѣмцевъ ихъ фогтовъ. Войско вступило въ Литву, въ земли князя Тройдена и предало все огню и мечу. Набравъ множество добычи, войско перешло Двину, но у Ашерадена недалеко отъ Искюля, встрѣтилось съ Литвой. Сначала нѣмцы имѣли перевѣсъ, литовцы были приведены въ замѣшательство и часть ихъ бѣжала; но въ то время, какъ датчане увлеклись преслѣдованіемъ и отдѣлились отъ ливонцевъ, на помощь Литвѣ пришелъ свѣжій отрядъ и смялъ утомленныхъ нѣмцевъ. Битва возобновилась съ такой яростью, что снѣга не было видно подъ потоками крови. Смертельно раненный, Тизенгаузенъ упалъ съ коня, не выпуская изъ руки знамени съ изображеніемъ Пречистой Покровительницы Ливоніи. Пока съ остервенѣніемъ бились за знамя, семгалы, тайно сочувствовавшіе литвинамъ, бѣжали и этимъ рѣшили битву. Магистръ Эрнстъ, семьдесятъ четыре человекъ изъ братіи и множество простыхъ воиновъ легли на полѣ битвы. Въ это время подоспѣлъ возвратившійся Эйльгартъ съ своими датчанами. Литовцы разступились и пропустили ихъ проскакать подъ градомъ стрѣлъ и метательныхъ дубинъ. Эйльгартъ и большая часть датчанъ были убиты въ началѣ этого губительнаго прохода. Это было 5 марта 1279 г. Сильный морозъ, наступившій послѣ битвы

погубилъ множество раненыхъ христіанъ и язычниковъ. Это было одно изъ самыхъ крупныхъ пораженій ордена отъ литвы, но литва опять не воспользовалась побѣдой: не обративъ войну въ постоянное занятіе, какъ это случалось съ кочевниками, литва по степени своего политическаго развитія не могла имѣть и государственныхъ людей, умѣющихъ пользоваться нерипетіями международныхъ отношеній.

Неудачи ордена на литовской границѣ искупались успѣшнымъ ходомъ дѣлъ на прусскомъ поморьѣ. Въ теченіи восьми лѣтъ туземцы боролись геройски за свою землю и свободу, но мало по малу рѣдѣли ряды бойцевъ, а къ рыцарямъ постоянно подходили свѣжія силы. Замиреніе страны совершалось не вторичнымъ подчиненіемъ, но полнымъ истребленіемъ туземцевъ до тѣхъ поръ, пока малочисленные остатки ихъ, разсѣянные между польскими и нѣмецкими переселенцами, не давали поводовъ опасаться повторенія возстанія. За опустошеніемъ Бетена послѣдовало покореніе Погезаніи, при чемъ все мужское населеніе безъ пощады предавалось мечу. Тоже случилось въ Шалавіи, Надравіи и Судавіи; изъ послѣднихъ двухъ земель жители бѣжали въ Литву, гдѣ были приняты и поселены въ Гроднѣ и Слонимѣ. Болѣе пятнадцати лѣтъ эти земли, нѣкогда сильно населенныя, лежали безлюдной пустыней. *Extunc terra Prussiae quievit in расе* — заключаетъ современный лѣтописецъ свое сказаніе о покореніи Погезаніи.

Такимъ образомъ литовско-прусское племя было истреблено на балтійскомъ поморьѣ и орденъ положилъ прочное основаніе нѣмецкой колонизаціи. Его владѣнія съ востока прикасались къ настоящей Литвѣ, которая кппномъ врѣзывалась между Ливоніей и Пруссіей. Если-бы въ XIII столѣтіи ордену удалось завоевать Литву и установить крѣпкую территоріальную связь между Пруссіей и Ливоніей, современемъ на этомъ основаніи могло-бы возникнуть сильное нѣмецкое государство, состоящее въ непосредственной связи съ остальной Германіей и, безъ сомнѣнія, иной ходъ былъ-

бы данъ историческимъ событіямъ въ восточной Европѣ. Но, окруженная орденомъ, Польшей и Русью, Литва нашла у себя достаточно силъ, чтобы отбиться отъ всѣхъ окрестныхъ враговъ и даже, въ послѣдствіи, нанести смертельный ударъ самому непримиримому изъ нихъ—ордену.

Великій магистръ узналъ о смерти ливонскаго магистра одновременно съ извѣстіемъ о смерти прусскаго магистра, павшаго въ битвѣ съ судавами. Завоеваніе Пруссіи давало ордену возможность воевать съ Литвой съ двухъ сторонъ и потому, чтобы придать дѣйствіямъ болѣе единства, великій магистръ рѣшился соединить Пруссію и Ливонію подъ властью одного магистра. Выборъ палъ на рыцаря Конрада Фейхтвангена, который, прибывъ весною 1279 г., въ Пруссію съ многочисленнымъ отрядомъ рыцарей и латниковъ, созвалъ въ капитулъ, въ Эльбингѣ, командоровъ и фогтовъ Пруссіи и Ливоніи, чтобы обсудить положеніе обѣихъ провинцій. Въ время этихъ совѣщаній изъ Ливоніи пришла вѣсть, что семгалы были въ полномъ возстаніи и что они прогнали отъ себя всѣхъ нѣмцевъ.

Бѣгство семгаловъ при Ашрадѣ, какъ мы видѣли, повлекло за собою пораженіе рыцарей. Вскорѣ послѣ того семгальскій князь Намейзе былъ грубо оскорбленъ однимъ рыцаремъ и началъ готовить страну къ возстанію. Нѣмцы видѣли это и приняли тѣ-же мѣры къ предупрежденію возстанія, какъ и въ Пруссіи: именно, они зазвали къ себѣ на пиръ семгальскихъ старѣйшинъ и измѣннически убили ихъ (*proditionis infandae saevitia*). Это было зимой, а въ сѣнокося 1279 года семгалы напали на Терветепъ, захватили арсеналъ, нашли тамъ много арбалетовъ и, съ помощію одного плѣннаго стрѣлка, выучились управлять этимъ новымъ для нихъ оружіемъ. Самый замокъ защищался еще нѣсколько дней, но былъ наконецъ взятъ. Плѣнные рыцари были отчасти изрублены въ жертву богамъ, частію отосланы въ Литву. Взятый замокъ семгалы вновь привели въ оборонительное положеніе. Таковы были вѣсти, принесенныя

въ капитулъ гонцомъ, который отъ имени Ливоніи убѣдительно просилъ магистра немедленно послать сильный отрядъ для усмиренія Семгаліи. Фейхтвангенъ, немедля, отправилъ туда всѣхъ своихъ нѣмецкихъ рыцарей, а самъ отправился въ Марбургъ къ великому магистру, упросилъ его вновь отдѣлить Пруссію отъ Ливоніи и, какъ ливонскій магистръ, возвратился въ свою провинцію съ новымъ отрядомъ рыцарей.

Одиннадцать лѣтъ (1279—1290) это небольшое племя геройски боролось съ соединенными силами ордена, отстаивая шагъ за шагомъ свою лѣсистую и болотистую родину и дѣлая смѣлые набѣги на Ливонію.

Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ они подошли къ воротамъ Риги, захватили предмѣстье, убили орденскаго маршала и сожгли все, что было внѣ городскихъ стѣнъ. Магистръ Виллекинъ погнался за ними съ сильнымъ отрядомъ по весенней распутицѣ, но на одномъ привалѣ семгалы врасплохъ напали на него и онъ погибъ со всѣмъ отрядомъ (1287 г.). При этомъ семгалы потеряли своего вождя. Изъ девяти ливонскихъ магистровъ—шестеро погибли въ этихъ партизанскихъ войнахъ. Съ 1260 по 1290 шестьсотъ орденскихъ рыцарей и еще болѣе крестоносцевъ-пилигримовъ остались на литовскихъ и ливонскихъ поляхъ, частію же, погибли въ плѣну мучительной смертью. Два ливонскіе маршала попались въ плѣнъ и одинъ былъ сожженъ съ кономъ, а другой былъ подаренъ Тройдену, который, на потѣху люду, заставилъ его сражаться съ другими плѣнниками въ назиданіе литовцамъ, чтобы показать имъ рыцарскіе боевые приемы: маршалъ умеръ смертью гладиатора. Если въ началѣ столѣтія поѣздка изъ Германіи въ Ливонію была чѣмъ-то въ родѣ увеселительной поѣздки на охоту за краснымъ звѣремъ, частью ради спасенія души, частью ради славы и добычи, то теперь эти походы принимали совершенно иной оборотъ. Охота обратилась въ очень серьезную войну, въ которой жизнь славолубивыхъ воиновъ под-

вергалась сильной опасности. Рыцари встрѣчались съ язычниками, неуступавшими имъ ни въ храбрости, ни въ стойкой привязанности тому дѣлу, за которое сражались. Семгалы защищали тысячелѣтнее право на свою землю, свою племенную личность и свободу, свою религію, къ которой они были также привязаны, какъ рыцари къ христіанству. Въ этой рѣшительной борьбѣ право было на сторонѣ язычниковъ, но сила рѣшила споръ въ пользу нѣмцевъ. Когда вѣсть о новомъ пораженіи дошла до стараго великаго магистра, онъ утѣшилъ печальнаго вѣстника хладнокровнымъ замѣчаніемъ, что еще много рыцарей осталось во Франконіи и Швабіи. Не теряя времени, онъ созвалъ въ Марбургѣ капитулъ изъ командоровъ и фогтовъ Ливоніи и Пруссіи и затѣмъ двинулъ новый отрядъ изъ нѣмецкихъ земель ордена въ Ригу. Новый ливонскій магистръ въ теченіи лѣта заготовилъ въ Митавѣ (построенной магистромъ Медемомъ въ 1265 г.) большіе запасы оружія и провіанта, и двинулся за Семгалию, какъ только первые зимніе морозы перебросили ледяныя мосты черезъ рѣки и болота. Новая система была придумана противъ туземцевъ. Партизанскіе набѣги дѣлались уже не изъ ливонскихъ земель, но каждый замокъ, постройкѣ которыхъ семгалы все-таки не могли помѣшать на своей землѣ, былъ снабженъ усиленнымъ гарнизономъ и обратился въ постоянное грабительское гнѣздо, откуда выходили небольшіе отряды и систематически опустошали свой округъ, убивая жителей, сожигая селенія, уводя скотъ и истребляя посѣвы. Въ это время главныя силы завладѣли важнѣйшими укрѣпленными мѣстами семгаловъ. Слѣдствіемъ такой системы былъ страшный голодъ въ слѣдующемъ году. Сопротивленіе семгаловъ было наконецъ сломлено. Зимой 1289—1290 г. они собрали народное собраніе, те й дингъ, на которомъ порѣшили, что тѣ, которые желаютъ остаться на родинѣ, должны подчиниться ордену; но большая часть семгаловъ съ горькимъ плачемъ простилась съ родными лѣсами и ушла въ литву, унося съ собою жалкіе остатки иму-

щества. Последнія отчаянныя вспышки борьбы происходили въ лѣсистомъ уголѣ около литовской границы, при укрѣпленномъ селеніи Сидобрѣ. Рыцари приняли покоряющихся семгаловъ, разорили и опустошили этотъ округъ, сожгли и срыли Сидобру, а жителей переселили на другія мѣста. Не зная еще о подчиненіи семгаловъ, литовцы въ это время сдѣлали набѣгъ и жестоко заплатились за эту смѣлость. Извѣстіемъ о побѣдѣ рыцарей надъ литвой въ 1290 г. Альнпеке заключаетъ свою безхитростную и достовѣрную хронику. Къ этому-же времени героической и несчастной, безпощадной борьбы семгаловъ съ нѣмцами, относится, въ своей древнѣйшей формѣ, народная пѣсня до, сихъ поръ живущая въ устахъ латышей. Въ излюбленной народнымъ пѣснотворчествомъ формѣ проводовъ брата сестрой, она доноситъ намъ отголоски того страшнаго времени, когда все мужское населеніе шло на кровавую защиту своихъ очаговъ и умирало на поляхъ битвы; когда послѣ пораженія некому бывало сообщить семьямъ вѣсть о несчастіи; когда поля покрывались горами убитыхъ людей и коней, кучами оружія, изломаннаго въ отчаянной борьбѣ.—Вотъ эта пѣсня, переведенная съ нѣмецкаго перевода г. Рутенберга однимъ изъ нашихъ поэтовъ:

Льется пѣсенка синички

Близко братцевой свѣтлички.

— „Стань, сестрица, у воротъ:

„Что синичка тамъ поетъ?“

— „Братецъ мой, синичка спѣла,

„Что къ войнѣ пора приспѣла.“

— „Выдь, сестрица, во садокъ,

„Дай на шапку мнѣ цвѣтокъ.“

Шляпу съ пѣсней убрала,

Провожать его пошла.

— „Ты не плачь, моя сестрица,

„Братецъ скоро возвратится;

„А коль будетъ онъ убитъ,

„Такъ лошадка прибѣжитъ.“

И лошадка прибѣжала,
 Пыль копытца покрывала.
 — „Гдѣ-жь, лошадушка моя,
 „Всадникъ твой?“ спросила я.
 — „Ахъ мой всадникъ тамъ лежитъ,
 „Гдѣ ручьями кровь бѣжитъ,
 „Гдѣ наваленъ мостъ костей,
 „Груды брошены мечей
 „И повержены бойцы,
 „Точно дубы, молодцы“

IV.

Ливонское государство.—Рига.—Духовенство.—Вражда съ орденомъ.—
 Союзъ съ Литвой.—Процессъ въ папской куріи.—Рыцарство.—Пересе-
 леніе ордена въ Пруссію.—Организація ордена, его статуты, админи-
 страція и хозяйство.—Приобрѣтеніе поморья.

Въ то время, когда орденъ велъ непрерывную упорную борьбу съ пруссами и семгалами, исходъ которой, несмотря на отчаянное сопротивленіе язычниковъ, не подлежалъ сомнѣнію, благодаря постоянному приливу пилигримовъ, позволявшему рыцарямъ-монахамъ оправляться послѣ каждого удара,—составныя части ливонскаго государства, Рига и духовенство, жили своею жизнью, принимая весьма слабое участіе въ судьбахъ ордена, не чувствуя никакой потребности усилить связь свою съ орденомъ, напротивъ того—имѣя много уважительныхъ причинъ ослабить и ту связь, которая уже установилась. Отсутствіе земскаго характера въ тогдашнихъ феодальныхъ государствахъ, дробленіе государства на рѣзко-раздѣльныя сословныя корпораціи, преисполненныя внутри сознаніемъ корпоративной солидарности и враждою къ сословіямъ, внѣ ихъ стоящимъ, было еще ощутительнѣе въ ливонскомъ государствѣ, гдѣ духовенство, рыцарство и горожане сѣли на землѣ чуждой,

гдѣ сельское населеніе было покорено мечемъ и огнемъ, постоянно тлѣло скрытою ненавистью къ нимъ, какъ врагамъ національнымъ и религіознымъ. Теократическая мысль Альберта о тѣсномъ подчиненіи поселенцевъ и рыцарей власти рижскаго епископа развивалась совершенно въ обратномъ смыслѣ, не укрѣпляя связи между разнородными элементами, но давая только поводы къ взаимнымъ притязаніямъ, къ вмѣшательству одного сословія въ дѣла другого; вмѣшательству, которое, при отсутствіи одной общей надъ всѣми власти, необходимо вело къ насильственному разрѣшенію пререканій, къ побѣдѣ матеріально сильнѣйшаго.

Составляя средоточіе торговли Германіи съ ливонскими, польскими и литовскими областями, складочное мѣсто для всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ, Рига, вмѣстѣ съ союзными городами и пригородами, обратилась въ богатое, цвѣтущее торговое государство. Отъ Риги расходились всѣ главные торговые пути: на сѣверъ, черезъ Чернаву и Эмбахъ къ Чудскому озеру, затѣмъ древній сухопутный трактъ черезъ Летголу и Унганію прямо на Псковъ, и къ югу, по Двинѣ, къ Смоленску. Въ средѣ ганзейскаго союза Рига занимала одно изъ первыхъ мѣстъ и пользовалась большимъ значеніемъ. Четырнадцатый вѣкъ былъ эпохой процвѣтанія этого союза, возникшаго для охраненія торговли отъ многочисленныхъ разбойниковъ на сушѣ и на морѣ. Въ это смутное для имперіи время грабежи и разбои, насиліе и беззачаліе до того вѣлились въ нравы германскаго рыцарства, что вся Германія представлялась однимъ разбойничьимъ логовищемъ: *tota Germania*—пишетъ Эней Сильвій, пародируя изреченіе св. Августина—*nunc magnum latrocinium est*. Изъ оборонительнаго союза возникла и торговая солидарность. Прибрежья Балтійскаго моря покрылись факториями и конторами. Ганза вступала въ торговые договоры съ королями и удачно боролась вооруженною рукою, если мѣстныя власти дѣлали покушенія ограничить или нарушить тѣ нерѣдко чрезмѣрные права, которыми пользова-

лись ея торговыя учрежденія. Въмѣстѣ съ вендскими городами (Любекъ, Висмаръ, Ростовъ, Стральзундъ и Грейфсвальдъ) Рига вела удачную войну съ Эрихомъ норвежскимъ и готландскимъ дворянствомъ, оконченную полнымъ удовлетвореніемъ Ганзы. Опираясь на наемныхъ воиновъ, на льготныя грамоты, ганзейскія факторіи, съ грубой рѣзкостью, столь свойственной нѣмцамъ и выдаваемой ими за германское прямотушіе, вездѣ отрицали значеніе мѣстной власти, старались образовать государство въ государствахъ и вслѣдствіе этого постоянно возмущали противъ себя мѣстное населеніе. Въ городѣ Бергенѣ, главномъ торговомъ пунктѣ Норвегіи, при ганзейской факторіи находилось до 3,000 человѣкъ. Ганзейское правительство запретило имъ, подъ страхомъ исключенія изъ союза и даже смертной казни, вступать въ бракъ съ туземками, для того, чтобъ обобщеніе интересовъ не повредило исключительнымъ выгодамъ Ганзы. Безстыдство, обманы и развратъ ганзейцевъ дошли до того, что мѣстные горожане напали на ганзейскую факторію, но безуспѣшно. Нѣмцы побѣдили, обративъ полгорода въ пепелъ и избивъ множество народа. Тогда король Эрихъ отиѣнилъ отцовскую привилегію беспошлинной торговли и этимъ поднялъ на себя весь союзъ. Ганзейскіе корабли уничтожили торговлю Норвегіи, въ странѣ начался голодъ и въ 1285 году Эрихъ принужденъ былъ отказаться отъ пошлинъ, вознаграждать за убытки и уступить нѣмцамъ лучшую часть Бергена. Когда на Готландѣ рыцари обидѣли ганзейскій городъ Визби, потерпѣвшіе обратились съ жалобой не къ королю, а къ Ганзѣ и рыцарство было наказано ганзейскимъ войскомъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ также встрѣчаются извѣстія о разграбленіи нѣмецкихъ дворовъ въ Новгородѣ. Гдѣ нельзя было взять силой, нѣмцы-пришельцы брали деньгами и угодливостью власти; завязавъ вліятельныя связи, они утверждались въ землѣ, притягивали новыхъ поселенцевъ, сплочивались въ крѣпкій союзъ подъ охраной купленныхъ привилегій и, усилившись такимъ

образомъ, нѣмечили и отрицали туземное населеніе. Такъ было въ Краковѣ и множествѣ чешскихъ, польскихъ и полабскихъ городовъ; такимъ образомъ, торговые вендскіе города обратились въ нѣмецкіе, ганзейскіе. Всѣ эти извѣстія указываютъ на невыносимую нѣмецкую заносчивость, жоль скоро нѣмцы чувствуютъ за собой силу и которая была общей причиной непопулярности нѣмецкихъ поселеній, гдѣбы они ни основывались.

Прогвѣтаніе города, прибыльная торговля, выгоды отъ промысловъ, обогащая рижскихъ горожанъ, поднимали высоко и ихъ сознаніе независимости и силы, давали имъ поводъ играть самостоятельную роль относительно крестоносцевъ. Рыцари-же не могли безъ зависти смотрѣть на роскошь и благосостояніе рижанъ. Съ одной стороны хвалились кошелькомъ, съ другой—превозносили благородство происхожденія, святость призванія и силу меча, выражая открыто презрѣніе къ худороднымъ торгашамъ, служителямъ Маммона. Нерѣдко дѣло доходило до кровавыхъ столкновеній рыцарскаго гарнизона съ рижанами. Въ лучшихъ отношеніяхъ стояли богатые купцы къ епископамъ и прелатамъ. Ихъ связывали общіе торговые интересы, общая потребность охраненія нажитаго богатства, общность мирной гражданской жизни и, наконецъ, общій врагъ — орденъ. Городъ и духовенство держались въ тѣсномъ союзѣ для общей обороны отъ усиливающейся силы ордена.

Образомъ жизни, способомъ употребленія богатствъ, даже и общимъ уровнемъ развитія и просвѣщенія духовенство въ Ливоніи если не уступало, то и не превосходило торожанъ и рыцарей. Высшее духовенство, за крайне рѣдкими исключеніями, вело совершенно свѣтскую жизнь, одѣвалось въ пестрые дорогія платья, предавалось любимой забавѣ того времени—охотѣ, любило музыку, любовные романсы, шутовъ и танцы. Гостепріимные, щедро вознаграждаемые монахи допускали у себя балы и празднества. Епископы, всегда принадлежавшіе къ знатному дворянству, лично водили на войну

свои дружины и не уклонялись отъ пролитія крови, что, впрочемъ, разрѣшалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ каноническимъ правомъ Латинской церкви: при завоеваніи Эстоніи отрядомъ датскаго войска преводительствуетъ епискомъ Дитрихъ, убитый потомъ при одномъ нечаянномъ нападеніи эстовъ. Монастыри славились своими сластями и погребами. Надежда на милосердіе церкви, разрѣшительная власть папы, которая ограничивалась только естественной невозможностью, давали полный просторъ проявленію чувственности въ средѣ духовенства и изъ этой эпохи дошли до насъ голоса народа изъ Германіи, требующіе, чтобъ, въ огражденіе женъ и дочерей, священникъ непременно имѣлъ свою конкубину. Конкубинатъ былъ такимъ общимъ явленіемъ въ жизни сѣвернаго духовенства, что реформація только узаконила фактическое сожитіе ксендзовъ съ ихъ «хозяйками». О степени учености ливонскаго духовенства, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но можно составить понятіе объ этомъ предметѣ по тому, что въ Ливонію, вообще, шло, что похуже, и по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются о западномъ духовенствѣ того времени: напримѣръ, въ 1335 году, цюрихскіе каноники, посылая письмо къ своему епископу, извиняются, что нѣкоторые изъ нихъ подписываются крестами, не умѣя писать. Папа Бонифацій IX умѣлъ читать, но не умѣлъ писать. Еще позже, въ 1429 г., соборъ французскаго духовенства положилъ, чтобы впредь приходскими священниками назначались лишь тѣ, которые могутъ бѣгло читать апостолъ и евангеліе. Визитаторамъ монастырей вмѣнялось въ обязанность освѣдомляться, знаютъ-ли монахи Молитву Господню, Богородицу и символъ вѣры: оказалось, что далеко не всѣ могутъ безошибочно прочесть и первыя двѣ молитвы, извѣстныя нынѣ каждому младенцу. Со времени Генриха Латыша до самой реформачіи изъ ливонскаго духовенства нѣтъ болѣе писателей. Письменные памятники того времени заключаются въ актахъ юридическихъ и въ жалобахъ папѣ на орденъ. Письменный языкъ того времени, латывь несравненно чаще, чѣмъ въ

Германіи, замѣняется нижненѣмецкимъ нарѣчіемъ, что объясняется отсутствіемъ училищъ и общей необразованностью позеленцевъ. Въ концѣ XIV вѣка прусскіе рыцари хотятъ, вообще, замѣтить латынь нѣмецкимъ языкомъ даже въ дипломатической перепискѣ. Чуждое наукъ и духовнымъ интересамъ болѣе даже, нежели современное духовенство Германіи и Польши, съ тѣмъ большимъ рвеніемъ старалось ливонское духовенство о своемъ обогащеніи, о своихъ доходахъ. Грозя чистилищами муками, оно у постели умирающаго отнимало наслѣдство у законныхъ наслѣдниковъ, вынуждая отдавать ихъ въ даръ церквамъ, монастырямъ, служащему духовенству. Даже у своихъ ленниковъ духовенство старалось всегда, подъ удобнымъ предлогомъ, отобрать помѣстье и обратить его или въ столовое имѣніе или въ свое владѣніе. Это преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, въ которыхъ постепенно погрязало духовенство, могла только удалять его отъ мысли о супрематіи церкви надъ городомъ и рыцарствомъ, о которой думалъ Альбертъ Аппельдернъ. Усиленіе ордена вызывало постоянно возрастающую тихую монашескую ненависть. Относясь съ пренебреженіемъ и завистью къ Ригѣ, рыцари не скрывали явнаго презрѣнія и къ попамъ и не упускали случая поглумиться надъ духовенствомъ. На угрозу папой, рыцари отвѣчали, что папа далеко, а орденъ близко, что папа воюетъ пергаментомъ, а они мечемъ; отъ словъ и здѣсь переходили къ дѣлу и тѣмъ серьезнѣе, что при каждомъ новомъ завоеваніи имущественные интересы ордена и духовенства немедленно приходили въ столкновение. Недоразумѣнія возникали изъ тѣхъ различныхъ, противорѣчивыхъ уполномочій, которыя даны были ордену папой и императоромъ. При Альбертѣ ордену меченосцевъ предоставлялась треть завоеванныхъ земель. Въ Пруссіи нѣмецкій орденъ получалъ двѣ трети завоеванныхъ, а одну треть — духовенство. Императоръ Фридрихъ II далъ великому магистру Гогенлоу грамоту на исключительное владѣніе Куроніей, Семагаліей и Литвой. Вслѣдствіе этой

грамоты возникъ споръ, разрѣшенный легатомъ Вильгельмомъ, въ томъ смыслѣ, что Куронія была раздѣлена по-прусски. Последнее возстаніе Семгалии, во время котораго всѣ христіане были изгнаны или истреблены, потребовало вторичнаго завоеванія этой «языческой» страны, которую орденъ, опираясь на грамоту Фридриха II, захватилъ уже въ свое безраздѣльное владѣніе. Архіепископъ протестовалъ, но ливонскій магистръ сумѣлъ возбудить ему новыхъ враговъ среди его владѣній. Ливонскія владѣнія архіепископа, по большей части, не состояли въ его непосредственномъ завѣдываніи, но были розданы въ ленное владѣніе нѣмцамъ изъ Риги или переселившимся германскимъ рыцарямъ. Последніе, имѣя свои причины не любить своихъ сюпереновъ, всегда симпатизировали собратьямъ по дворянству — крестоноснымъ рыцарямъ — и вступили въ тайный союзъ съ орденомъ. Въ 1289 году крестоносцы и вассалы-измѣнники захватили архіепископа Фехтена, засадили его въ тюрьму и держали тамъ до тѣхъ поръ, пока архіепископъ не согласился на всѣ ихъ требованія. Оправившись отъ дурбенской катастрофы, орденъ могъ теперь обратить всѣ свои силы противъ внутреннихъ враговъ и подвести къ одному знаменателю различные отношенія въ Пруссіи и Ливоніи. Кромѣ раздѣла земли, самый характеръ отношеній ордена къ прочимъ активнымъ силамъ въ Пруссіи и Ливоніи былъ иной.

М. П. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ.

(Продолженіе).

Въ Пруссіи не было ни одного города съ такимъ значеніемъ, какъ Рига. Духовенство, вообще, было поставлено въ болѣе скромное положеніе, притомъ рыцари счумѣли наполнить своими людьми соборные капитулы и тѣмъ самымъ захватить въ свои руки назначеніе епископовъ; поэтому духовенство и орденъ въ Пруссіи постоянно дѣйствуютъ заодно и не замѣчается ни явной розни, ни оппозиціи. Не то было въ Ливоніи. Прелюдіей уравниенія отношеній былъ упомянутый захватъ архіепископа. Въ Куроніи епископскій капитулъ былъ уже на половину наполненъ приверженцами ордена, а съ 1263 г. куронскимъ епископомъ сдѣлался одинъ изъ орденскихъ рыцарей, Эдмундъ-фонъ-Вердъ. Въ 1290 г. епископъ Эдмундъ далъ ордену грамоту, по которой онъ свой капитулъ наполняетъ канониками изъ орденскихъ братьевъ и обязуется за себя и своихъ преемниковъ и на будущее время назначать канониковъ только изъ ордена и при томъ только тѣхъ членовъ ордена, которыхъ укажетъ ему магистръ. Одновременно съ этимъ Эдмундъ уступилъ треть своихъ земель и много важныхъ доходныхъ статей капитулу и передалъ ордену важное право визитаціи въ своей епархіи. Преемникъ его, въ 1309 году, уступилъ

ордену всю епархію за исключеніемъ двухъ деревень, сохранивъ за собою право на ренту въ 25 маркъ сер. и на доходъ отъ требъ. Въ борьбѣ съ архіепископомъ, на сторонѣ ордена стоялъ и епископъ Дерптскій. Такимъ образомъ архіепископская власть была лишена своихъ естественныхъ сторонниковъ.

Выйдя изъ тюрьмы, архіепископъ рѣшился примириться съ своимъ положеніемъ и въ теченіе двухъ лѣтъ жилъ съ магистромъ въ полномъ согласіи. Лукавый магистръ успѣлъ войти въ такое довѣріе у прелата, что когда Фехтенъ, вывихнувъ ногу, отправился лечиться во Фландрію, ливонскій магистръ Гальтъ получилъ полномочіе завѣдывать дѣлами архіепископіи и управлять церковными имѣніями. Пользуясь отсутствіемъ опаснѣйшаго антагониста, Гальтъ обратилъ свои силы на подчиненіе Риги. Случай для открытія враждебныхъ дѣйствій не замедлилъ представиться. Подвергаясь большой опасности отъ ледохода и весенняго наводненія, рижане сдѣлали вдоль одного изъ рукавовъ Двины насыпь и соединили ближайшій островъ съ берегомъ посредствомъ моста съ разводомъ для прохода кораблей. Орденъ усмотрѣлъ въ этой насыпи нарушеніе своихъ правъ и потребовалъ снесенія ея, когда-же рижане отказались исполнить это требованіе, городъ внезапно очутился въ блокадѣ. Изъ сосѣднихъ рыцарскихъ и церковныхъ замковъ вышли отряды, окружили городъ, прервали всѣ сообщенія Риги со страной и отрѣзали подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Тѣ изъ горожанъ, которые рѣшались выдти за стѣны города, подвергались нападенію, насилію и нерѣдко платились жизнью. Въ самой Ригѣ гарнизонъ забавлялся, пуская стрѣлы со стѣнъ замка въ проходящихъ горожанъ. Подгородныя имѣнія рижанъ были выжжены и опустошены. Къ Ригѣ была примѣнена та-же система, по которой орденъ дѣйствовалъ противъ язычниковъ, и съ такимъ-же успѣхомъ. Городъ послалъ за помощью въ Любекъ и гонца къ папѣ, но этотъ гонецъ, подобно многимъ другимъ посламъ Ливоніи къ папѣ, про-

паль безъ вѣсти на вѣки. Когда городскіе депутаты жаловались ордену на такія насилія, рыцари отвѣчали имъ, какъ духовенству: мы вамъ папа; да если-бы и здѣсь былъ вашъ папа, то и онъ долженъ-бы былъ оставить наше за нами, но вашъ папа далеко; идите, ищите его въ Римѣ и т. п. Горожане выпросили десятидневное перемиріе, во время котораго рыцари ввели въ рижскій замокъ пятьсотъ свѣжихъ воиновъ. Въ городѣ начались пожары, въ которыхъ горожане обвиняли рыцарей. Приходилось и гасить, огонь и ожидать ежечаснаго нападенія, такъ какъ орденъ не стѣснялся переговорами. За три дня до истеченія перемирія возвратился и архіепископъ. Старикъ пришелъ въ бѣшенство и отчаяніе, осмотрѣвъшись въ совершающихся событіяхъ. Совокупно съ дерптскимъ архіепископомъ онъ явился посредникомъ, предлагалъ магистру снести насыпь, но его старанія были безплодны. «За послѣднія двадцать лѣтъ у ордена накопилось много расчетовъ съ Ригею и было-бы глупо упускать нынѣшнюю удобную минуту», откровенничалъ пріятель Гальтъ. Перемиріе окончилось и къ городу подкатили башни и стѣнобитныя машины. Сверху посыпался кучи камней, огненные стрѣлы, а тараны начали буровить стѣну. Въ это время кругомъ города пылали сады, посѣвы, усадьбы и дачи рижанъ. Герои Пруссіи и Семгалии распространяли пустыню подъ единоплеменной и единовѣрной Ригею, жители которой на себѣ испытывали теперь судьбу туземцевъ. Въ самомъ городѣ начался голодъ. Держаться долѣе стало невозможнымъ. Городъ сдался на очень тѣгостныхъ условіяхъ и долженъ былъ принять къ себѣ многочисленный гарнизонъ. «Гдѣ же папа?» спрашивали рыцари у горожанъ. Первая цвѣтущая эпоха Риги была окончена и долгое время прошло до тѣхъ поръ, пока вновь возстановилась прежняя торговая дѣятельность.

Участь Риги заставила архіепископа подумать о своей личной безопасности. Онъ началъ строить крѣпкій замокъ Маріенгаузенъ и потребовалъ у Гальта замки, ввѣренныя

его управленію на время отсутствія Фехтена за границу. Въмѣсто отвѣта ливонскій магистръ вторично захватилъ архіепископа съ соборнымъ протоіереемъ и засадилъ ихъ въ тюрьму. Заключение было такъ сурово, что протоіерей умеръ отъ лишеній. Смерть Гальта освободила прелата, но преемникъ Гальта и не думалъ исполнять законныхъ требованій архіепископа, а напротивъ того, даже успѣлъ перетянуть на свою сторону епископа дерптскаго и заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ. Старый Фехтенъ потерялъ всякое терпѣніе. онъ рѣшился отстаивать себя и церковь всѣми средствами, какъ духовными, такъ и свѣтскими. По его приказу въ церквахъ всенародно молились о гибели рыцарей и магистра. Рыцарямъ это было ни-почемъ. Гораздо опаснѣе для нихъ были другія мѣры Фехтена. На защиту отъ крестоносцевъ архіепископъ позвалъ языческую Литву, заключивъ съ Витенесомъ, литовскимъ княземъ, союзъ, совершенно измѣнившій положеніе враждующихъ партій. Въ томъ-же году Фехтенъ и ливонскій магистръ умерли, передавъ своимъ преемникамъ—архіепископу Іоанну, графу Шверинскому, и магистру Бруно,—взаимную ненависть клира къ ордену, которая при нихъ достигла высшей степени и положила начало гражданской войнѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ истощавшей силы ливонскаго государства и отвлекавшей его отъ внѣшней политической дѣятельности. Это было въ 1294 г.

Подстрекаемый успѣхами вооруженной пропаганды ордена и съ завистью замѣчая, какъ неудержимо, постоянно, не прибѣгая къ эффектамъ и приманкѣ свѣтскими и политическими выгодами, распространяется въ Литвѣ восточное православіе проповѣдью апостоловъ, имени которыхъ не сохранила исторія, ливонскій клиръ, съ своей стороны, со временъ Миндовга, не прерывалъ сношеній съ литовскими князьями. Съ богатыми дарами явились ливонскіе проповѣдники къ Тройдену, всѣ три брата котораго были уже сынами восточной церкви, убѣждая его принять христіанство. Тройденъ, по обычаю литовскихъ государей, исповѣдывавшій

языческую вѣру, отвергъ предложеніе, мотивируя свой отказъ опасеніемъ, что съ нимъ и его соплеменниками рыцари поступятъ, какъ съ семгалами и семгальскими вождями, т. е. въ конецъ истребятъ и завладѣютъ ихъ землею. Въ 1282 г. Тройденъ былъ убитъ, а черезъ нѣсколько времени во главѣ Литвы появляется Витенесь, сынъ Тройдена, по извѣстіямъ русскихъ лѣтописцевъ, родоначальникъ геройской линіи литовскихъ великихъ князей. Съ этимъ Витенесомъ архіепископъ Іоаннъ, оставя на время интересы пропаганды, возобновилъ союзъ, заключенный Фехтенемъ противъ ордена. Литвинъ охотно воспользовался удобнымъ случаемъ вмѣшаться въ дѣла Ливоніи и посчитаться съ орденомъ. Пока Литва и орденъ собирали свои силы, въ угнетенной Ригѣ, не безъ подстрекательства со стороны архіепископа, вспыхнуло возмущеніе. Рижане неожиданно напали на орденскій замокъ въ Ригѣ, Вейсенштейнъ, сожгли и разрушили его до основанія. Не было пощады даже святынь: церковь и капелла ордена были срыты вмѣстѣ съ замкомъ. Комтура замка пригасили за бороду на площадь и тамъ повѣсили съ шестидесятью рыцарями. Участь остального гарнизона, столь долго оскорблявшаго и издѣвавшагося надъ горожанами, не извѣстна, но едва-ли была лучше рыцарской. Рига освободилась, но за торжествомъ первой побѣды началась тяжелая борьба. Въ это время толпы литовцевъ наводнили страну и, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, жгли и разоряли ее, девять разъ съ переменнымъ счастьемъ вступая въ битвы съ воинами ордена. Архіепископъ укрылся въ крѣпкій замокъ Трейденъ и тамъ осадилъ его Бруно. Послѣ восьмидневной осады Шверинъ сдался на капитуляцію, обязавшись присоединить и Трейденъ къ прочимъ архіепископскимъ замкамъ, бывшимъ въ рукахъ ордена, сохраняя за собой только право на доходы. Верхомъ на клячѣ, держась за хвостъ, проѣхалъ плѣнный архіепископъ по орденскимъ землямъ, оскорбляемый конвоемъ, и былъ засаженъ въ тюрьму съ своимъ капитуломъ. 33 недѣли продолжался

строгий плѣнь, на хлѣбѣ и водѣ. Папа Бонифацій VIII, узнавъ объ этомъ, 7 января 1299 г., приказывалъ великому магистру немедленно освободить прелата и явиться въ Римъ для оправданій подѣ страхомъ отлученія, но рыцари пригрозили Шверину выжечь глаза и принудили его написать изъ тюрьмы къ папѣ, что онъ прощаетъ ордену все случившееся и что все, неправо отнятое, получилъ обратно. Убѣжденные такимъ-же образомъ, плѣнные каноники привѣсили свои печати къ посланію своего владыки. Тогда папа освободилъ великаго магистра отъ явки въ Римъ. Однако, рижскій капитулъ не подтвердилъ обмана и въ Римъ полетѣлъ гонецъ изъ Риги съ протестомъ, возстановляющимъ истину. Въ отплату за такую несговорчивость, рыцари такъ опустошили церковныя владѣнія, что клиръ остался почти безъ средствъ къ существованію.

Пока у плѣнныхъ канониковъ вымучивали все, что нужно было ордену, рижане, епископскіе полки и Литовцы, опустошали орденскую землю, разбили подѣ Трейденомъ орденскую рать, причемъ былъ убитъ Бруно со всѣми наличными рыцарями, и двинулись послѣ побѣды на Нейермюлень, гдѣ сидѣли въ заточеніи епископъ и каноники. Остатки ливонскаго рыцарства, укрывшіеся въ замѣкъ, готовы были сдаться, но ихъ выручила помощь изъ Пруссіи. Союзныя войска потерпѣли подѣ стѣнами осажденнаго замка полное пораженіе. Витенесъ съ своими литовцами поспѣшно бѣжалъ въ Литву, а побѣдители вновь заняли архіепископскія земли, захватили имущество прелата, которое уцѣлѣло отъ разграбленія, и формально завладѣли занятыми землями, какъ обезпеченіемъ возврата издержекъ, проторь и убытковъ, понесенныхъ орденомъ отъ архіепископа, подробный счетъ которыхъ былъ составленъ съ аптекарской аккуратностью орденскимъ прокураторомъ (повѣреннымъ) въ Римѣ.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи рижскій соборный капитулъ прибѣгнулъ къ безнадежному средству. Въ 1298 г. онъ отправилъ пословъ къ датскому королю Эриху VIII и

заключилъ договоръ, по которому отдавалъ королю Семгалию, бывшую въ рукахъ ордена, а Эрихъ VIII долженъ былъ прислать въ Ливонію войска. Хотя датчане не прислали помощи, однако, договоръ этотъ и гнѣвъ папы принудили орденъ къ нѣкоторой снисходительности. Въ 1299 г. архіепископъ получилъ свободу и лично отправился въ Римъ. Его рассказъ былъ подтвержденъ меморіаломъ епископа Эзельскаго. Но орденскій прокураторъ не бездѣйствовалъ: вскорѣ по прибытіи въ Римъ Шверинъ скончался, дѣло завязло въ папской канцеляріи и было сдано въ архивъ; преемникъ-же Шверина пріѣхалъ въ Ливонію лишь два года спустя, въ 1301 году.

Новый епископъ не могъ продолжать съ тою-же энергіей, какъ Фехтенъ и Шверинъ, борьбу съ орденомъ. Въ разоренной Ливоніи болѣе всего пострадали церковныя земли, захваченныя при томъ рыцарями въ секвестръ. Литовцы на время притихли. Всѣ жаждали отдыха, хотя-бы кратковременнаго. Этимъ положеніемъ воспользовался ливонскій магистръ Готфридъ фонъ-Рогга, чтобы осуществить завѣтную цѣль магистровъ—укрѣпить главенство ордена въ Ливоніи. Въ 1304 году онъ заключилъ съ епископами Дерпта и Эзеля и ихъ вассалами и съ нѣмецкими вассалами датской короны въ Эстоніи оборонительный и наступательный союзъ противъ всѣхъ враговъ христіанства. Въ этомъ дерптскомъ договорѣ было особо постановлено, что всѣ тѣ, которые отъ Двины до Нарвы, не приступаютъ къ союзу, должны признаваться врагами союза. Этотъ договоръ, передавая военныя силы союзниковъ въ руки магистра, тѣмъ самымъ притягивалъ Эстонію къ Ливоніи и, при ослабѣвшей связи Эстоніи съ Даніей, лишалъ ее возможности перейти въ подчиненіе къ какой-нибудь болѣе сильной державѣ. Города не пристали къ союзу, или были исключены изъ него. Для разбора споровъ Рогга учредилъ посреднической судъ, большинство головъ въ которомъ было обезпечено за орденомъ. Такимъ образомъ и въ мирѣ Эстонія втягивалась въ общую жизнь

ливонскаго ордена и дворянства. На самомъ дѣлѣ датскіе короли были лишены возможности поддерживать свою власть въ этой заморской странѣ. Ихъ намѣстникъ, жившій въ Ревелѣ, пользовался только тѣнью власти, вся-же дѣйствительная сила и значеніе были въ рукахъ ландратовъ, дворянской аригархіи. Поэтому, когда въ Эстоніи узнали, что сынъ пріобрѣтателя Эстоніи, Вальдемара Побѣдоноснаго, Эрихъ отдаетъ Эстонію брату своему Кристофору на такихъ условіяхъ, что Кристофоръ дѣлается почти самодержавнымъ герцогомъ, нѣмецкіе вассалы открыто возстали. Они захватили королевскіе замки, низложили намѣстника и въ 1306 году, собравшись на сеймъ въ Везенбергѣ, формально заявили свое лояльное намѣреніе остаться крѣпкими датской коронѣ непосредственно, и подъ этимъ условіемъ вручили управленіе страной ревельскому епископу. Незадолго до этого эстонское дворянство на сеймѣ утвердило нѣсколько постановленій относящихся къ устройству земли и, между другими «добрыми обычаями», попадаютъ нѣкоторыя живо рисующія отношенія нѣмцевъ къ туземцамъ, напр.: «если кто-либо обвинитъ подъ присягой эста въ какомъ-либо преступленіи, послѣдній можетъ очиститься отъ обвиненія только желѣзомъ», т. е. взявъ въ руку раскаленное желѣзо, при чемъ для оправданія необходимо, чтобы не осталось слѣдовъ обжога. Такимъ образомъ, несмотря на папскія повелѣнія, жестокое испытаніе огнемъ держалось въ прибалтійскихъ земляхъ и жизнь каждаго эста была въ рукахъ любого, и притомъ въ то благочестивое время, когда «разрѣшительная власть» духовенства, снисходительно относясь ко всякимъ обѣтамъ, открывая возможность всякое клятвенное преступленіе загладить покаяніемъ и пеней, подрывала значеніе и прочность каждаго обязательства, каждаго заявленія.

Смиривъ духовенство и укрѣпившись съ сѣвера, орденъ опять принялся за Ригу. Противъ нынѣшняго Дюнамюнде, въ тринадцатомъ столѣтіи, на правомъ берегу Двины былъ полуостровъ, на которомъ стоялъ старый Дюнамюнде, сильно

укрѣпленный цистерціанскій монастырь, вокругъ коего рижане устроили слободу. Въ лѣтнее мелководье настоящею пристанью Риги, былъ Дюнамюнде и тамъ приставали крупные корабли, не проходившіе выше къ самой Ригѣ. Замокъ и монастырь обезпечивали городу свободу сообщенія съ моремъ и въ трудныя времена становились «единственнымъ утѣшеніемъ и послѣднимъ убѣжищемъ» городу отъ ордена. Дюнамюнде находился въ удѣлѣ архіепископа. Въ 1305 году монастырскій аббатъ самовольно продалъ монастырь съ замкомъ ордену за 2000 сер. марокъ, а рыцари тотчасъ-же завладѣли укрѣпленіемъ, выстроили высокія стѣны и окружили его новыми валами и рвами. Захватъ устья Двины нанесъ смертельный ударъ рижской торговлѣ. Самая продажа не имѣла никакого юридическаго значенія, но ордену нуженъ былъ какой нибудь пергаментъ, а деньги и мечъ всегда могли легитимировать его. Тщетно архіепископъ и Рига дѣлали всевозможныя усилія, чтобы уничтожить эту куплю: орденскій прокураторъ развилъ изъ дѣла одинъ изъ безконечныхъ римскихъ процессовъ, въ которыхъ, въ концѣ концовъ, дѣло рѣшалось деньгами. Тогда обѣ потерпѣвшія стороны прибѣгнули къ послѣднему средству: Рига обратилась къ помощи Литвы. Дерптскій союзъ предостерегалъ Ригу, что связь съ Литвой заставитъ обращаться съ Ригой, какъ съ язычниками, но городу не оставалось выбора и вскорѣ Рига и орденъ перешли отъ переговоровъ къ открытой враждѣ. Съ своей стороны архіепископъ подалъ длинную жалобу папѣ, ярко рисуящую внутреннее состояніе ливонскихъ земель въ началѣ XIV столѣтія. Не довольствуясь изложеніемъ дюнамюндскаго дѣла, архіепископъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ описываетъ всѣ насилія, причиняемыя орденомъ церкви за послѣднія семьдесятъ лѣтъ. Жалоба была подана въ сентябрѣ 1306 года папѣ Клименту V., вообще нерасположенному къ рыцарскимъ орденамъ и равнодушно взирающему на расправу Филиппа Прекраснаго съ тамплиерами, происходившую въ это время во Франціи. По по-

рядку, обвиненія архіепископа были сообщены ордену, который, конечно, отрекся отъ всего. Въ 1309 году дѣло было на столько разъяснено, что папа Климентъ могъ уже установить тѣ обстоятельства, которыя подлежали разсмотрѣнію и изслѣдованію, и изложилъ ихъ въ буллѣ, адресованной къ бременскому архіепископу Іоанну и магистру Альберту фонъ-Майланду. Распространившись вообще о своей обязанности исторгать плевелы грѣха и терніе порока изъ вертограда Божія, папа переходитъ къ рыцарямъ нѣмецкаго ордена, винить ихъ въ томъ, что они не только не ратуютъ за церковь и не ограждаютъ ея отъ враговъ, но сами являются домашнимъ врагомъ и раздорниками въ лонѣ семьи, а затѣмъ перечисляетъ взводимыя на орденъ преступленія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Орденъ поднялъ святотатственную руку на архіепископовъ и другихъ церковныхъ сановниковъ, безбожно и разбойнически захватывалъ ихъ, томилъ въ тяжкомъ заточеніи, подвергалъ ихъ тѣлеснымъ мукамъ. 2) Изъ четырнадцати епархій, входившихъ въ митрополию, орденъ уничтожилъ семь. 3) Семь остальныхъ епархій орденъ привелъ въ такое состояніе, что самое бытіе ихъ наноситъ церкви болѣе позора и посрамленія, нежели уничтоженіе тѣхъ семи. Въ четырехъ епархіяхъ орденъ, вмѣсто канонически-правильно постановленныхъ духовныхъ сановниковъ, ставитъ только своихъ братьевъ, смѣняетъ ихъ по своему произволу, предписываетъ имъ, кого избирать епископами, и эти послѣдніе, поставленные помимо архіепископа, отказываютъ въ послушаніи рижской митрополіи. Въ трехъ другихъ церквахъ орденъ поставилъ самыхъ недостойныхъ людей и, кромѣ того, захватилъ замки, имѣнія и суды церковныя. 4) Орденъ дружитъ съ сосѣдними язычниками, продаетъ имъ желѣзо, оружіе, лошадей и другіе товары. 5) Орденъ продалъ Литвѣ Динабургъ, замокъ, принадлежащій церкви. 6) Полоцкую землю, отказанную въ пользу церкви, орденъ отдалъ язычникамъ и тѣмъ уничтожилъ двѣ епархіи: селонскую и русскую. 7) По винѣ

рыцарей Миндовгъ отступилъ отъ вѣры и возвратился въ язычество, почему уничтожилась литовская епархія. 8) Рыцари зазвали на пиръ болѣе ста семгальскихъ старѣйшинъ, умертвили гостей жестокой смертью, а вслѣдствіе этого всѣ семгалы отпали отъ христіанства и уничтожилась семгальская епархія. 9) Монаховъ миноритовъ, занимавшихся поученіемъ новообращенныхъ и язычниковъ, и обитавшихъ въ замкѣ Браунебергъ, рыцари съ посрамленіемъ изгнали изъ обители, разорили ихъ церковь и капеллу, воспретили инокамъ заниматься проповѣдью и обученіемъ, вслѣдствіе чего новообращенные пребываютъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и не могутъ ознакомиться съ самыми первоначальными основами христіанскаго ученія. 10) Орденскіе братья усвоили себѣ безбожныя обычаи язычества добивать тяжело-раненныхъ своихъ въ битвахъ и сжигать ихъ тѣла. 11) Рыцари перехватываютъ рижскихъ гонцовъ и пословъ съ письмами и жалобами къ папѣ въ Римъ, убиваютъ ихъ сами или поручаютъ это другимъ. 12) Для этого они стерегутъ всѣ пути изъ Риги въ Римъ; для этого-же они захватили замокъ Дюнамюнде. 13) Незаконнымъ образомъ они присвоили себѣ дюнамюндскій монастырь. 14) При покореніи Данцига рыцари избili болѣе десяти тысячъ челоѣкъ, не пощадивъ даже дѣтей въ колыбеляхъ, поступивъ въ этомъ случаѣ свирѣпѣе самыхъ враговъ вѣры.—Орденъ, какъ выше замѣтили, изворотливо оправдывался и голословно отрицалъ обвинительные пункты. Рижскій архіепископъ долженъ былъ, для собственной безопасности и успѣха дѣла, удалиться изъ Риги въ Авиньонъ. Дѣло тянулось до 1312 года, когда въ Ригу явился папскій нунцій, Францискъ де Молиано, для дознанія на мѣстѣ и началъ допросъ свидѣтелей по двумъстамъ вопросамъ, извлеченнымъ изъ папской буллы. Орденскій адвокатъ неусмынно слѣдилъ за мельчайшимъ соблюденіемъ процессуальныхъ формъ. Молиано началъ съ того, что предлагалъ возвратить дюнамюндскій монастырь церкви. Орденъ не исполнилъ этого. Тогда нунцій произнесъ противъ ордена отлуче-

ніе и наложилъ на его церкви интердиктъ. Эта страшная въ то время мѣра, по удостовѣренію свидѣтелей, не произвела на рыцарей никакого впечатлѣнія. Для соблюденія приличій они, апеллировали противъ интердикта папѣ и въ 1313 году добились снятія отлученія впредь до разсмотрѣнія дѣла о куплѣ Дюнамюнда, и, представивъ поруку въ своей правотѣ, получили такъ называемую *absolutio ad cautelam*. Тѣмъ временемъ, чтобы чѣмъ нибудь укрѣпить свое сомнительное право на покупку, рыцари заставили столпенскаго аббата (въ Поморьѣ) подтвердить уступку Дюнамюнда подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ монастырь былъ филией Столпе (Stolpe). Какъ ни нелѣпа была новая продѣлка ордена, она дала возможность спорить, отписываться, дедуцировать и затягивать дѣло. Кроме отлученія за Дюнамюндъ, Молиано еще разъ отлучилъ орденъ за отказъ платить судебныя издержки. Вторичную кару орденъ перенесъ также легко, какъ и первую, и черезъ годъ освободился отъ отлученія, представивъ слѣдующія деньги. Въ декабрѣ 1312 года допросъ свидѣтелей окончился. Показанія свидѣтелей составили чудовищный свитокъ, отрывокъ коего, хранящійся въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ—имѣетъ 51 рижскій локоть длины. Почти всѣ обвиненія противъ ордена, изложенныя въ климентовой буллѣ были юридически доказаны. Всѣ ждали безусловно обвинительнаго приговора ордену—и ошиблись. Уже быстрое и удачное снятіе вторичнаго отлученія указывало на то, что въ Авиньонѣ взгляды на орденъ измѣнились и папа началъ относиться къ нему съ снисходительностью. Два года Климентъ не давалъ дѣлу никакого движенія, затѣмъ онъ умеръ въ 1314 году; избраніе новаго папы послѣдовало только черезъ два года послѣ смерти Климента и все это время орденъ невозбранно владѣлъ какъ Дюнамюндомъ, такъ и прочими церковными землями. Эта благопріятная перемѣна произошла благодаря тому, что, пася овецъ, римская церковь не упускала случая постричь ихъ и что деньги были лучшимъ аргументомъ у верховнаго судьи римской церкви. Въ архивѣ ордена сохра-

нились отчеты орденскаго адвоката въ Римѣ, кому и сколько дано въ Римѣ: бралъ подарки папа; брали и всѣ кардиналы — деньгами, золотыми и серебряными сосудами и кубками. Между тѣмъ, въ отсутствіе архіепископа, рижскій соборный капитулъ и церковные вассалы волей-неволей должны были вступить въ сдѣлку съ орденомъ. Въ 1316 году мы видимъ ихъ уже въ числѣ союзниковъ ордена по зегевольдскому договору, заключенному въ дополненіе къ дерптскому союзному акту 1304 года. Новый папа, Іоаннъ XXII, въ слѣдующемъ году прислалъ грозную буллу, требуя уничтоженія этого союза, какъ заключеннаго въ ущербъ правамъ церкви. Дѣло архіепископа, повидимому, вновь принимало благопріятный оборотъ. Вновь поѣхалъ легатъ въ Ригу. Снова позвали великаго магистра на судъ въ Авиньонъ и предлагали въ теченіи шести мѣсяцевъ возвратить церкви все неправо отнятое. Орденъ вновь пустилъ въ ходъ свои аргументы. Не прошло года, какъ изъ Авиньона посыпались буллы совершенно иного содержанія. Тотъ-же папа Іоаннъ XXII, при тѣхъ-же нимало неизмѣнившихся обстоятельствахъ дѣла, уже ставитъ возлюбленный орденъ подъ особую защиту св. Петра, назначаетъ одиннадцать нѣмецкихъ архіепископовъ и епископовъ защитниками ордена отъ притязаній высшаго и низшаго духовенства; съ умиленіемъ предъ тягостными трудами поборниковъ вѣры, освобождаетъ орденскихъ рыцарей отъ нѣкоторыхъ поборовъ, признаетъ куплю Дюнамюнда совершенно правильно и требованія рижскаго архіепископа неосновательными и недоказанными. Такимъ образомъ насиліе ордена получило юридическую санкцію, благодаря продажности папы и его двора, и первое, самое рѣшительное столкновеніе ордена съ ливонскою церковью окончилось полной побѣдой ордена. Въ это время орденъ уже сталъ одной изъ главныхъ военныхъ и финансовыхъ силъ Германіи и не имѣлъ себѣ соперниковъ въ сѣверовосточномъ углу Германіи. Важныя внутреннія перемѣны въ жизни ордена поставили его на эту высоту.

Проникая въ покоряемую страну, орденъ начиналъ съ того, что сооружалъ замокъ. Братъ, которому поручалась охрана замка, носилъ названіе комтура (командора), а округъ, приписанный къ замку — комтурствомъ. Подъ защитой замка строилось селеніе, окруженное валомъ и рвомъ, называющееся въ памятникахъ того времени *Na kelwegk'omъ*. Иногда такое селеніе разрасталось въ городское поселеніе и, въ такомъ случаѣ, получало свою городскую конституцію по образцу нѣмецкихъ городовъ. Комтуру принадлежала власть управленія и суда въ селеніи и во всемъ округѣ. При немъ находился конвентъ орденскихъ братьевъ и соотвѣтственное число простыхъ воиновъ, *Kriegsknecht'овъ*. Въ военное время комтуръ съ своимъ отрядомъ, съ обывателями, обязанными военной службой, и со всѣмъ народомъ, который можно было выставить въ поле, поступалъ въ безпрекословное распоряженіе орденскаго маршала. Въ другое время на комтура возлагалась обязанность дѣлать по возможности частые наѣзды съ своимъ отрядомъ на сосѣднихъ язычниковъ. Въ началѣ XIII вѣка такія командорства были въ Ригѣ, Венденѣ, Зегевольдѣ, Перновѣ, Леалѣ, Апераденѣ и Феллинѣ въ Ливоніи, въ Вейсенштейнѣ въ Эстоніи, въ Митавѣ и Добленѣ въ Семгаліи и въ Гольдингенѣ и Мемелѣ въ Куроніи. Въ замкахъ меньшей важности правили фогты. Комтуры и фогты въ важныхъ случаяхъ составляли провинціальный капитулъ, собиравшійся для совѣщаній провинціальнымъ магистромъ. Этотъ капитулъ имѣлъ право въ случаѣ смерти магистра назначать ему намѣстника впредь до избранія магистра.

Попеченіе о военныхъ силахъ было возложено на орденскаго маршала, который подчинялся только магистру, въ отсутствіе же его пользовался безусловнымъ полновластіемъ на войнѣ. Во главѣ провинціи стоялъ провинціальный магистръ, ландмейстеръ. Ему принадлежало правленіе внутри и вѣншія сношенія съ иностранными державами.. Онъ издавалъ законы и постановленія, чеканилъ монету и т. п., но въ болѣе важныхъ дѣлахъ былъ обязанъ дѣйствовать съ

согласія провинціального капитула и съ утвержденія великаго магистра. Провинціальныхъ магистровъ было два: прусскій и ливонскій. Въ одинаковомъ рангѣ съ ними числился нѣмецкій магистръ, управлявшій многочисленными замками и учрежденіями ордена, разсѣянными по Германіи, хотя неимѣвшій, конечно, тѣхъ державныхъ правъ, какъ два первые.

Во главѣ ордена стоялъ пожизненный великій магистръ, гохмейстеръ, избираемый орденскимъ капитуломъ и обязанный въ важныхъ случаяхъ выслушивать его мнѣніе. До 1290 года мѣстопробываніемъ его былъ Акконъ, въ Сиріи. Какъ имперскій князь, онъ пользовался монархической властью, и западнорусскіе лѣтописцы обыкновенно называютъ его великимъ княземъ нѣмецкимъ. Великій магистръ назначалъ всѣхъ сановниковъ ордена и, вообще, пользовался неограниченной властью во всѣхъ орденскихъ дѣлахъ; капитулъ имѣлъ только совѣщательный голосъ. Особенность, отличавшая это военное братство отъ часто монашескихъ учрежденій, въ томъ, что бывали случаи, когда великій магистръ долженъ былъ оставлять свою должность по настоянію капитула. Подлѣ великаго магистра стояли слѣдующіе высшіе сановники ордена: ш п и т л е р ъ, госпитальникъ, наблюдавшій за больными и ранеными братьями; т р а п и р ъ (Trapeier)—орденскій интендантъ; т р е с с л е р ъ—казначей и к о м п а н ѣ великаго магистра. Послѣдній избирался изъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ друзей вел. магистра, былъ неотлучно при немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ адъютантскія обязанности. Такимъ образомъ въ общемъ своемъ строѣ орденъ не отличался отъ другихъ крупныхъ религіозныхъ конгрегацій средневѣковаго монашества, устройство которыхъ, какъ въ послѣдней, усовершенствованной формѣ выразилось въ послѣдствіи въ типѣ іезуитскаго ордена. Въ орденскихъ капитулахъ была крѣпкая традиція, сообщившая всей дѣятельности ордена удивительное единство направленія и упорства въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Но тотъ-же духовно-монашескій характеръ, по существу своему

чуждый свѣтскимъ интересамъ, преслѣдующій хотя и неправильно понятія, но не государственный, не земскія, а свои духовныя, правильнѣе сказать—монашеско-орденскія цѣли, не могъ послужить основой для созданія и процвѣтанія государства. Всматриваясь во внутреннюю жизнь ордена, нельзя не признать, что едва-ли было когда-нибудь государство въ такой степени бѣдное нравственными основами, какъ прусско-ливонское. Правительствующія лица руководились самымъ безпощаднымъ монашескимъ эгоизмомъ, высасывая всѣ соки изъ подчиненной мечемъ земли. Подчиненная братія отличалась труднообразимою грубостью нравовъ. Подобное государство могло возникнуть въ то темное время, могло развить свои силы до весьма значительной степени, но долго существовать не могло. Оно было противно прогрессу, который въ сущности есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе вѣковѣчныхъ и неизмѣняемыхъ нравственныхъ началъ, общечеловѣческихъ и общегражданскихъ, и поэтому противоположныхъ принципу этого военно-монашескаго братства.

Уложивъ на поляхъ Пруссіи послѣ дурбенскаго пораженія бродягъ и злодѣевъ, навязанныхъ ордену Александромъ IV, орденъ озаботился, чтобы на будущее время отдѣлаться отъ подобнаго сброда, оказавшагося непригоднымъ и въ моментъ опасности. Съ того времени устанавливаются болѣе строгія условія для вступленія въ орденъ. Прежде всего отъ поступающаго требуются доказательства рыцарскаго происхожденія. Недостатка въ личностяхъ съ этимъ качествомъ въ то время не было.

Нѣмецкое рыцарство, во время междоусобицъ послѣ Гогенштауфеновъ, успѣло присвоить себѣ совершенно самостоятельное положеніе въ имперіи, не признавало надъ собой ничьей власти и обратило наѣзды и грабежъ по большимъ дорогамъ, въ почетное и естественное занятіе своего сословія. Въ защиту отъ нихъ на югѣ и сѣверѣ образовались союзы городовъ, осилѣ которыхъ можно составить по-

нятіе уже по тѣмъ немногимъ примѣрамъ, которые приведены нами выше. Соперничество рыцарства и городовъ произошло и въ орденъ. Рыцари вытѣснили и прекратили доступъ въ орденъ горожанамъ, которыхъ мы въ первое время встрѣчали въ рядахъ орденскихъ братьевъ. Размножающимся рыцарскимъ родамъ орденъ представлялъ весьма привлекательный исходъ. Еще сильнѣе начался приливъ нѣмецкаго рыцарства въ орденъ, когда императоръ Рудольфъ принялся за очищеніе имперіи отъ феодальныхъ разбойниковъ. Безпощадными казнями императоръ возстановилъ внутренній миръ и тишину. За что на родинѣ рыцарь рисковалъ висѣлицей и плахой, то въ Пруссіи и Ливоніи, относительно язычниковъ, признавалось неотъемлемымъ правомъ состоянія и христіанскимъ подвигомъ: поэтому туда двинулись рыцари въ такомъ количествѣ, что въ 1325 году отъ полноправнаго рыцаря требовалось уже четыре колѣна дворянскихъ предковъ. Лица, неимѣвшія этого качества, не имѣли права именоваться герромъ, прибавлять къ прозвищу частицу фонъ, звались просто по имени и носили вмѣсто бѣлыхъ плащей—свѣтлосѣрые; въ орденѣ они допускались только къ занятію низшихъ служебныхъ должностей.

Туземное, прусское, эстонское и литовское, населеніе было обращено въ рабство и прикрѣплено къ землѣ. Войны истребили большую и сплывѣйшую часть населенія. Оставшееся поселилось въ новыхъ деревняхъ подъ замками. Въ каждомъ командорствѣ обширный удѣлъ земли принадлежалъ собственно ордену; крестьяне, сидѣвшіе на землѣ, платили оброкъ и десятину, отбывали барщины и военную службу непосредственно ордену. Остальная земля была раздѣлена на помѣстья, Güter, отдаваемыя въ ленное владѣніе пришлымъ нѣмецкимъ рыцарямъ, обязаннымъ ордену военной службой, на свой счетъ. Поселенные на ленной землѣ, крестьяне находились въ полномъ ихъ распоряженіи. Усадьбы этихъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Семгаліи и Куроніи во многомъ напоминали блокгаузы европейскихъ піонеровъ

въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Посреди хозяйственныхъ построекъ строился изъ крѣпкихъ бревенъ домъ съ бойницами вмѣсто оконъ; къ нему примыкали конюшни и амбары и все вмѣстѣ обносилось тыномъ, способнымъ задержать первый натискъ варваровъ-туземцевъ. Чѣмъ болѣе прорубались лѣса, чѣмъ болѣе прибывало пионеровъ, тѣмъ далѣе отходила опасность, тѣмъ глубже отгонялись враги и возрастающая нѣмецкая колонія могла уже меньше заботиться объ оборонѣ, обратить вниманіе на комфортъ и красоту жилищъ. Въ слѣдующемъ XV вѣкѣ появляются уже сады, пруды и опустошенная страна вновь принимаетъ болѣе привѣтливый видъ. Помѣстье не отдавалось леннику въ собственность: съ прекращеніемъ мужескаго потомства, имѣніе возвращалось въ орденъ. Оно могло быть продано, но только такимъ порядкомъ, что продавецъ возвращалъ его въ орденъ, а покупатель получалъ его отъ ордена, какъ ленъ. Какъ заботились рыцари-монахи о духовномъ просвѣщеніи народа, мы уже говорили выше. Въ то время одни монастыри давали алчущему народу духовную пищу и, сколько могли, заботились объ его обученіи. Орденъ не терпѣлъ монастырей на своихъ земляхъ, и въ Ливоніи и Эстоніи въ теченіи пятисотъ лѣтъ никто и не упоминалъ о народномъ образованіи, не было ни одной школы даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Народному просвѣщенію въ Куроніи было положено начало лишь въ 1841 году, основаніемъ учительской латышской семинаріи.

Въ 1290 году Іерусалимское королевство доживало свои послѣдніе дни. Папа Николай IV призывалъ всю Европу къ крестовому походу и требовалъ въ Палестину всѣхъ рыцарей трехъ орденовъ. По призыву папы, великій магистръ тевтонскій, Бурхартъ фонъ-Швенденъ отправился изъ Венеціи съ сорока рыцарями и четырьмя тысячами крестоносныхъ пилигримовъ въ Акконъ, гдѣ былъ главный орденскій домъ. Онъ засталъ городъ въ ужасномъ положеніи. Врагъ былъ у воротъ, а внутри царствовало междоусобіе и полнѣй-

шая распущенность. Различныя націи, собранныя во имя креста, рѣзались между собою, укрѣплялись каждая въ своей улицѣ. Никто не шелъ противъ врага. Пьянство, азартная игра, грабежи и убійства поглощали все время защитниковъ креста. Нѣмецкіе рыцари не составляли исключенія. Ужаснувшись, Швенденъ поспѣшилъ сложить съ себя званіе великаго магистра, даже вышелъ изъ ордена и поступилъ въ рыцари св. Іоанна, въ рядахъ которыхъ и умеръ въ послѣдней битвѣ съ сарацинами. Приближеніе султана навело панпическій страхъ. Всѣ бросились на корабли. Одни ордена засѣли въ своихъ укрѣпленныхъ домахъ и выдерживали нѣкоторое время натискъ мусульманъ. Видя невозможность защиты, нѣмецкіе рыцари просили преемника Швендена, Конрада фонъ Фейхтвангена вести ихъ на послѣдній смертный бой, чтобъ умереть тамъ, гдѣ за сто лѣтъ тому назадъ возникъ орденъ; Конрадъ отказалъ имъ. «Никогда я не соглашусь безъ цѣли и пользы жертвовать вашей жизнью, говорилъ онъ, — но даю вамъ мое рыцарское слово, что вымещу на прусскихъ язычникахъ то зло, которое султанъ причинилъ вамъ здѣсь». Рыцари поспѣшно сѣли на корабли и черезъ Венецію направились на прусскій сѣверъ.

Паденіе Іерусалима совершенно измѣняло положеніе ордена. До сихъ поръ орденъ бился въ Ливоніи во славу пречистой Дѣвы, бился въ Палестинѣ за гробъ Господень, бился въ Пруссіи за свое существованіе. Силы ордена дробились и самое бытіе его нерѣдко зависѣло отъ неудачной битвы съ какимъ-нибудь отрядомъ небольшого языческаго племени. Теперь борьба на югѣ окончилась. Сарацины рѣшили безповоротно споръ христіанства и ислама за Святую Землю въ свою пользу. Орденъ, удалившись въ Пруссію, легко могъ слить раздвоенные интересы Ливоніи и Пруссіи въ одну великую задачу борьбы христіанъ «съ сѣверными сарацинами» («сорочиной» нашихъ былинь), какъ называли тогда литовско-прусскихъ язычниковъ. Хотя временно, по желанію папы, орденскій домъ устроился въ Венеціи, по

всѣми своими интересами орденъ уже тяготѣлъ къ сѣверу, гдѣ должно и могло возникнуть обширное орденское государство. Сосредоточивая свои силы на сѣверѣ, орденъ незамѣтно измѣнялъ тѣ цѣли и тѣ задачи, которыя имѣлись въ виду при возникновеніи ордена въ Палестинѣ. На сѣверѣ не было пилигримовъ, не было обще-христіанскихъ святынь, находившихся во власти сарациновъ, не было необходимости въ покровительствѣ и попеченіи о христіанскихъ странникахъ. Благотворительныя цѣли, положенныя въ основу уставовъ тамплиеровъ, іоаннитовъ и первоначальнаго тевтонскаго, не имѣли значенія на языческомъ сѣверо-востокѣ. Потому нѣмецкій орденъ получалъ значеніе исключительно военной силы воинствующей церкви для распространенія христіанства между язычниками, подобное тому, которое имѣли тучи арабскихъ всадниковъ, съ такимъ успѣхомъ ринутыя первыми халифами на востокъ и западъ и обратившія къ исламъ Персію и Африку. Первоначальныя, палестинскія цѣли, оставшись въ уставѣ, теряли свое реальное значеніе, обращались въ простую формальность, искажались и нерѣдко переходили въ простое кощунство. По уставу, наприм., каждый рыцарь обязанъ былъ сходить на поклоненіе гробу Господню въ Іерусалимъ; чтобы облегчить эту задачу, въ Пруссіи и Ливоніи, при каждомъ значительномъ орденскомъ бургѣ устроивалась часовня и при ней гробъ, осыненные деревьями, и это мѣсто называлось Іерусалимомъ. Каждый день, послѣ обѣда, рыцари паломничали, во исполненіе устава, въ этотъ Іерусалимъ. Подобныя благочестивыя упражненія нерѣдко смѣнялись въ Іерусалимахъ срамными оргіями. Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, до какой степени слабо укоренилось религіозное чувство въ орденѣ даже въ условной серднеувѣковой своей формѣ.

Не одна религіозная цѣль, не одна религіозная задача ждала своего разрѣшенія отъ ордена. Сосредоточивая свои силы на прусскомъ поморьѣ, орденъ являлся могущественной силой на помощь уже давно начавшемуся напору нѣмцевъ

на востокъ, въ борьбѣ, непоконченной и до нашихъ дней, между славянами и нѣмцами, въ тылу у польскаго племени, на территоріи котораго и прежде, и въ нашемъ будущемъ суждено разрѣшаться многочисленными перипетіями этой тысячелѣтней тяжбы. Прибытіе орденскихъ силъ было какъ нельзя болѣе кстати для германизма, ибо раздробленная, разложенная нѣмецкими вліяніями, Польша въ то время уже пробуждалась, проникалась растущимъ національнымъ сознаніемъ и послѣдніе потомки Пяста завершаютъ историческое служеніе своего царственного рода воссоединеніемъ племени и поднятіемъ народнаго духа. Эта новая борьба съ славянами отвлекла силы ордена отъ дружнаго натиска на Литву и воспрепятствовала основанію плотной государственно-нѣмецкой территоріи на балтійскомъ поморьѣ. Отнимая у удѣльныхъ князей Пястовичей волость за волостью на западной границѣ, подрывая крѣпость національнаго сознанія многочисленными нѣмецкими городами (самъ Краковъ былъ тогда нѣмецкимъ городомъ) и нѣмецкими монастырями, въ которые поляковъ даже не принимали, онѣмечивъ и развративъ силезскихъ Пястовъ, — нѣмцы, представителями которыхъ являлись хищные маркграфы Бранденбурга съ своей многочисленной асканской родней, главною цѣлью своихъ вождѣлѣній имѣли завладѣніе богатымъ славянскимъ поморьемъ, гдѣ княжила угасающая вѣтвь Пястовичей среди постоянной борьбы съ сильной и безпокойной шляхтой. Вымираніе Пястовичей, вѣтвь за вѣтвью, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ симптомовъ почти двухъ-вѣковаго упадка удѣльной Польши. Одни умираютъ безпотомно, растративъ свои силы въ распущенномъ образѣ жизни, усвоенномъ ими отъ сосѣднихъ нѣмецкихъ феодаловъ, среди наѣздовъ и рыцарскихъ грабежей, отрекаясь отъ брака въ средѣ болѣе вольной жизни рыцарей нѣмецкаго ордена. Другіе, объятые религіознымъ ужасомъ при созерцаніи окружающей ихъ порчи, вступаютъ въ фиктивные браки, ведутъ иночески цѣломудренную жизнь и умираютъ, не желая оставлять потомковъ,

которымъ ничего не находили стоящимъ передачи. Асканскій домъ, между тѣмъ, пользовался этимъ, росъ и размножался и своимъ единодушіемъ въ борьбѣ съ славянами составлялъ рѣзкую противоположность деморализованнымъ Пястовичамъ. Въ этой борьбѣ нѣмцы были безпощадны. Каждое столѣтіе отмѣчено какимъ-нибудь актомъ насилія, жестокости или измѣны. Въ X вѣкѣ, маркграфъ Геро, овладѣвъ полабскими славянами, зазываетъ къ себѣ на пиръ тридцать славянскихъ князей и, оберегаясь отъ возстанія, измѣннически убиваетъ своихъ гостей. Въ XII вѣкѣ Генрихъ, сынъ Готшалковъ, подручникъ Крока, князя освободившихся полабскихъ славянъ, такимъ-же образомъ убиваетъ Крока, своего государя и благодѣтеля. Въ 1296 году, среди полного мира, нѣмцы внезапно нападаютъ на Гнѣздо и убиваютъ короля Пржемыслава. Въ то время, какъ свѣтскіе рыцари путемъ насилія отхватывали земли отъ Польши, орденъ распространялъ свою территорію болѣе мирнымъ, хотя едва-ли не болѣе безсовѣстнымъ путемъ. Удѣльные Пястовичи вѣчно нуждались въ деньгахъ и всегда, если были залоги, находили открытый кредитъ у богатаго ордена. Въ 1305 году буявскій князь Лешко занялъ у ордена триста марокъ торуньскихъ пфеннинговъ, отдавъ ордену въ заставъ на три года Мпайховскую землю. Родственники Лешка, пользуясь правомъ выкупа родовыхъ имѣній, предлагали ордену уплату долга, но рыцари отказались признать ихъ право и оставили землю за собой. Прошло три года и нужда заставила Владислава Локетка, великаго собирателя польской земли, обратиться за помощью къ ордену. Поморскій князь Мествинъ, не имѣя мужского потомства, обѣщалъ назначить своими наслѣдниками маркграфовъ Бранденбургскихъ, но потомъ раздумалъ и отказалъ Данцигъ и свои владѣнія Локетку. Локетекъ принужденъ былъ смирить знатный и могущественный родъ Свенцевъ, стоявшій во главѣ поморскихъ пановъ. Недовольные Свенцы призвали бранденбургцевъ, которые, съ помощью нѣмецкихъ поселенцевъ, быстро заняли всѣ поморскіе города

такъ, что у Локетка остались только три замка: данцигскій (гданскій), Чевъ и Свенць. Городъ Данцигъ, благодаря нѣмецкому составу въ населеніи, отдался врагамъ. Такъ какъ самъ Локетекъ былъ занятъ войной съ южно-русскими князьями, то, съ его согласія, воевода Богушъ просилъ о помощи орденъ. Магистръ Генрихъ фонъ-Плоцке заключилъ договоръ, по которому обязался дать полякамъ войско, а поляки обязались уплатить издержки. Нѣмецкая помощь немедленно вступила въ замокъ, раздѣлила его на двѣ половины,—одну обороняли поляки, другую рыцари—счастливо отбила приступы бранденбургцевъ и горожанъ, и осаждающіе должны были удалиться. За побѣдой слѣдовала кара измѣнникамъ. Имѣнія пановъ Свенцовъ были конфискованы, а гданскіе измѣнники были казнены. Не смотря, однако, на минованіе опасности, нѣмцы усиливали данцигскій гарнизонъ все новыми и новыми отрядами. Вскорѣ вспомогательныхъ войскъ оказалось въ замкѣ больше нежели королевскихъ, и между нѣмцами и поляками начались недоразумѣнія, ссоры, вооруженныя схватки. Нѣмцы захватили Богуша и засадили въ тюрьму. Неизвѣстно какими средствами, они добились того, что Богушъ подписалъ договоръ, по которому очищалъ замокъ отъ польскихъ войскъ и передавалъ его крестоносцамъ впредь до уплаты военныхъ издержекъ. Встревоженный король поспѣшилъ окончить расчеты и предложилъ магистру съѣхаться въ деревнѣ Краіовицѣ для принятія платежей. Чтобы понять послѣдующее нужно сказать, что не задолго передъ этимъ паны Свенцы, обороняя на свой счетъ все поморье отъ нѣмцевъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, подали Локетку счетъ въ 50 гривенъ, что Михаловскую землю Лешекъ продавалъ крестоносцамъ за 500 гривенъ. За нѣсколько мѣсяцевъ гданской обороны, вмѣстѣ съ поляками, крестоносцы потребовали невѣроятную сумму 100.000 гривенъ (1.200 т. р.). Напрасны были усилія Локетка и епископовъ убѣдить орденскихъ вождей въ несообразности ихъ притязаній. Переговоры были прерваны Гданскъ остался въ рукахъ

крестоносцевъ, которымъ было очень важно затынуть дѣло. Проволочка была необходима для захвата всего гданскаго поморья. Пруссіе порядки были такъ знакомы поморянамъ, что даже гданскіе горожане, сочувствовавшіе бранденбургцамъ, возстали противъ ордена и потому орденъ прежде всего принялся смнрять городъ. Стѣны и башни города были срыты, а въ день св. Доминика, когда множество народа по обычаю сошлось на ярмарку, «Черные бородачи» крестоносцы бросились на безоружный народъ и произвели страшную рѣзню на улицахъ, на папертяхъ, въ домахъ, во время которой подъ мечемъ крестоносцевъ погибло до 10000 чело-вѣкъ. Послѣ этого славнаго подвига орденское войско двинулось вверхъ по Вислѣ на Чевъ (Диршау) и Свенцъ. Ужасъ гданской рѣзни летѣлъ предъ ними. Племянникъ Локетка, Казиміръ, сидѣвшій въ Чевѣ, вышелъ на встрѣчу магистру, прося его пощадить народъ христіанскій. Магистръ обласкалъ его, пригласилъ на обѣдъ, а въ это время отрядъ крестоносцевъ врасплохъ напалъ на Чевъ, гдѣ не ожидали нападенія во время переговоровъ, и Казиміръ, возвращаясь, увидѣлъ орденскія знамена на стѣнахъ и башняхъ своего города. Ему оставалось только спастись въ Свенцъ. Это былъ очень крѣпкій замокъ, окруженный съ трехъ сторонъ Вислой и Шварцей и доступный только съ юга. Въ замкѣ сидѣлъ братъ Казиміра—Пржемыславъ.. Крестоносцы обложили замокъ. Четыре огромныя камнеметныя машины, «бомбарды», непрерывно дѣйствовали противъ городскихъ стѣнъ. На пригоркѣ противъ города были поставлены висѣлицы: двѣ для князей и двѣнадцать для гарнизона. Послѣднія не оставались порожними. Каждое утро гнѣвскій (нынѣ Грауденцъ) комтуръ Зягфридъ выѣзжалъ съ пучкомъ веревокъ у сѣдла въ поле, произнося обѣтъ, не принимать пищи, пока на каждаго веревкѣ не будетъ по плѣннику. Наловивъ проходящихъ, онъ вѣшалъ ихъ на висѣлицахъ—и садился обѣдать. Не смотря на это, замокъ былъ неодолимъ. Тогда рыцари прибѣгли къ измѣнѣ. Поморъ Цедровичъ, изъ гарнизона, въ одну

ночь изрѣзалъ канать у камнемѣтныхъ машинъ и тетивы у арбалетовъ и бѣжалъ къ непріятелю. «Артилерія» осажденныхъ перестала летать въ рыцарей, но замокъ всетаки не сдавался. Между тѣмъ истощились запасы и послѣ четырехнедѣльнаго перемпрія, не получивъ помощи изъ Польши, князья вышли изъ замка и оставили его во власти крестоносцевъ.

Этотъ захватъ рыцари поспѣшили облечь въ юридическую форму: они купили поморье у маркграфа бранденбургскаго, противъ котораго воевали вмѣстѣ съ Богушемъ. Договоръ купли-продажи былъ точно такой-же, какъ и съ дюнамюндскимъ аббатомъ, но онъ давалъ возможность процесса, а процессъ долженъ былъ происходить на судѣ папы и потому орденъ могъ спать спокойно. Началось систематическое цивилизованіе поморской земли. Приверженцы Локетка были изгнаны и земли ихъ отошли къ ордену. Кромѣ общаго налога на имущество, доходившаго до 5 проц. стоимости имущества, кромѣ сильно увеличенныхъ пошлинъ на морскую торговлю и нововведеннаго родосскаго права, въ силу коего ордену принадлежали грузы съ разбитыхъ бурей кораблей, выброшенные на берегъ,—на нѣкоторые города, политически неблагонадежные, наложена была огромная контрибуція для пополненія издержекъ, понесенныхъ орденомъ при пріобрѣтеніи этихъ городовъ! Если городъ не могъ уплатить затребованной суммы—а крестоносцы нерѣдко только этого и ждали, — тогда жители должны были удалиться изъ города и считать еще за великую милость если имъ отводили подъ поселеніе какой-нибудь пустырь въ Пруссіи, а не вырѣзали, какъ гданцевъ. Городъ или заселялся нѣмецкими колонистами, или разрушался до основанія, какъ-то было съ Чесомъ (на его мѣстѣ теперь Диршау).

Богатое торговое поморье стало золотымъ дномъ ордена, который, съ своей стороны, проявилъ всѣ качества бдительнаго и расчетливаго кулака-хозяина. Всѣ крестьянскія по-

винности были очень возвышены. Льготы новымъ поселенцамъ давались—и то каждый разъ въ видѣ особой милости—на 2, на 3 года, тогда какъ въ сосѣдней Польшѣ онѣ продолжались до 20 лѣтъ. Нерѣдко съ одной уволоки (15—20 дес.) оброкъ простирался до 2 и 3 гривенъ: въ Польшѣ можно купить небольшую деревню за 4 гривны и штуку сукна. Кромѣ оброка, отъ каждой уволоки требовалось четыре каплуна или восемь куръ и фунтъ перцу — спеціи довольно дорогой въ то время; въ иныхъ мѣстахъ въ орденскую казну поступало съ cadaго морга земли извѣстное количество гусей утокъ, льна, конопли, шафрана и т. п. Кромѣ этихъ сборовъ деньгами и произведеніями хозяйства, обыватели были обложены барщинной работой, отвѣтственнымъ въ исправномъ отправленіи которой орденъ дѣлалъ мѣстное, ненавидимое имъ духовенство. Въ случаѣ уклоненія поселянъ отъ этихъ работъ, рыцари выгоняли на работу священниковъ въ полномъ облаченіи съ потиромъ въ одной рукѣ и съ топоромъ или заступомъ въ другой. Подобныя поступки съ духовенствомъ въ началѣ XIV столѣтія могутъ дать понятіе о гнетѣ на другихъ сословіяхъ. Горожане жаловались на то, что крестоносцы захватили монополію гданской торговли. Вся хлѣбная торговля, донныѣ главная статья гданскаго отпуска, принадлежала исключительно ордену. Цвѣтушія конторы ордена возникли по всѣмъ главнымъ торговымъ городамъ Фландріи, Франціи и Англіи. Нерѣдко орденъ захватывалъ и всю остальную заграничную, морскую торговлю въ свои руки. Въ Ливоніи однимъ изъ поводовъ вражды съ Ригю была торговля ордена сельскими продуктами орденскихъ земель. Такая неподобающая рыцарству дѣятельность возмущала горожанъ, заставляла ихъ помышлять о сверженіи тяжкаго ига, о союзѣ съ ганзейскими городами, но отъ бдительности ордена не ускользало это настроеніе. Всякій разъ какой-нибудь тайный дсброжелатель своевременно увѣдомлялъ орденъ объ опасности и предупреждалъ возстаніе. Агенты тайной полиціи ордена неусыпно дѣйствовали въ всѣхъ сословіяхъ и повсюду.

Еще хуже было положеніе духовенства, непринадлежавшаго къ ордену. Признавая самихъ себя образцовыми священниками, крестоносцы не допускали на своихъ земляхъ бѣлаго духовенства или другихъ орденовъ. Духовенство, оставшееся въ Поморѣ отъ польскихъ временъ, терпѣло крайнюю нужду. Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, великій магистръ, готовясь къ войнѣ съ Польшей, пожертвовалъ 100 гривенъ на картезіанскій монастырь. «Богу одному извѣстно, — благодарятъ его монахи, — какую мы терпимъ нужду: милостыня ваша даетъ намъ теперь возможность покрошить иногда въ теплую воду бѣлаго хлѣба вмѣсто ржаного.» Сельское духовенство терпѣло не меньше монастырскаго. Духовныя учрежденія утратили права владѣть недвижимыми имѣніями; если-же кто-нибудь отказывалъ такое имѣніе по завѣщанію, священники обязаны были продать его въ теченіи трехъ лѣтъ. Десятина — главная статья церковнаго дохода, собиравшаяся у поляковъ натурой, была, по нѣмецкому обычаю, переложена на деньги по такому расчету, что не составляла и двадцатой доли прежняго дохода. Къ чужому епископскому духовенству рыцари вообще относились едва-ли лучше, чѣмъ къ пновѣрцамъ или язычникамъ. Архіепископъ Шверинъ рассказываетъ въ своей жалобѣ слѣдующій характеристическій случай. По приказу гольштингенскаго комтура, рыцарь Вигапдъ фонъ Нейгаузенъ напалъ на епископскую деревню, разорилъ и выжегъ ее. «Далѣе — говоритъ Шверинъ — рыцарь захватилъ сосудъ съ виномъ, назначенный для причастія, и выпилъ его; захватилъ ковчегъ съ гостіей и приказалъ служителю растоптать ее ногами; воздухъ же съ потира отдалъ своей каложницѣ на головной уборъ.»

Приращеніе орденскихъ силъ рѣшило вопросъ о главномъ мѣстопребываніи ордена. Процессъ тамплиеровъ тревожилъ великаго магистра. Венеціанскій сенатъ косо смотрѣлъ на орденское гнѣздо въ своей столицѣ. Надлежало уходить и отъ папы, и отъ сената. Въ 1306 году былъ заложенъ и въ 1309 году оконченъ знаменитый замокъ Маріенбургъ,

на рѣкѣ Ногатѣ, и въ томъ-же году великій магистръ Зигфридъ фонъ Фейхтвагенъ поспѣшилъ перебраться въ Мариенбургъ. Должность прусскаго провинціального магистра упразднилась и завоеватель Поморья Плоцке былъ назначенъ великимъ комтуромъ, первая должность послѣ великаго магистра. Здѣсь, на своихъ земляхъ, въ крѣпкихъ замкахъ, окруженный многочисленнымъ войскомъ, великій магистръ могъ считать внѣ опасности и себя, и орденъ съ его сокровищами.

V

Гедиминъ.—Орденское законодательство.—Подчиненіе Риги.—Дѣла польскія.—Литовскія.—Ольгердъ и Кейстутъ.—Пріобрѣтеніе Эстонія.

Въ 1315 году, во главѣ Литвы появляется знаменитый Гедиминъ, сынъ и преемникъ Витенеса, одинъ изъ дальновиднѣйшихъ и талантливейшихъ государственныхъ людей своего времени. Гедимину было ясно, что, при всей стойкости литовскаго племени, съ одними силами Литвы трудно бороться противъ ордена, постоянно притягивающаго свѣжія силы воинственнаго рыцарства западной Европы. Поэтому, отбившись побѣдною отъ наѣзда крестоносцевъ, при чемъ былъ убитъ и великій командоръ Плоцке, онъ обратилъ свои успія на южную Русь, князья которой еще задолго до него находились въ постоянныхъ, то мирныхъ, то враждебныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ. Въ 1320 году Гедимину безъ труда удалось завоевать Кіевъ и Сѣверскую землю и затѣмъ вступить въ родственныя связи съ волинскими князьями, копчившіяся вступленіемъ на владимірскій престолъ сына его Любарта, женатаго на правнучкѣ знаменитаго Даніила Галицкаго, послѣдней отрасли волинскихъ князей. Обширное государство, собранное Гедиминомъ изъ разнородныхъ элементовъ, требовало, прежде всего, внутрен-

вяго порядка, установить который можно было только при мирѣ съ западными и сѣверными сосѣдями. Того-же требовала и Польша при Локеткѣ. Общій врагъ былъ тотъ-же нѣмецкій орденъ; онъ-же и послужилъ первымъ поводомъ для обобщенія интересовъ Литвы и Польши, подготовилъ сліяніе обѣихъ странъ и полонизацію западной и южной владиміровой Руси. Но положеніе Литвы относительно ордена было иное, нежели Польши. Локетекъ и его преемники были въ большой дружбѣ съ духовенствомъ, ставшимъ дружно противъ нѣмцевъ въ Польшѣ, и въ большой милости у папы. Подходы ордена на счетъ Польши въ католическомъ мірѣ не удавались. Другое дѣло Литва! Можно сказать, что весь смыслъ существованія ордена въ это время опредѣлялся существованіемъ послѣдняго языческаго племени, подлежаваго крещенію, народа Литовскаго. Только противъ Литвы осталась возможность крестовыхъ походовъ, привлекавшая къ ордену цвѣтъ западнаго рыцарства и огромныя богатства. Съ крещеніемъ Литвы орденъ терялъ всякое религіозное значеніе, терялъ приманку набожныхъ военныхъ подвиговъ, дѣлался соціальною силой въ ряду прочихъ второстепенныхъ государствъ, добычей перваго честолюбиваго и сильнаго сосѣда. «Если мы перестанемъ воевать съ Литвой,—пишетъ впоследствии времени великій магистръ къ чешскому королю Вацлаву, — погибъ нашъ орденъ, который только для войны и существуетъ». Понималъ отлично и Гедиминъ неудобство язычества для литовско-русскаго государства. Легко себѣ представить тревогу въ Маріенбургѣ, когда въ 1323 году орденъ узналъ, что Гедиминъ заключилъ миръ съ ливонскою провинціей, съ архіепископомъ и Ригой, завязалъ переговоры о принятіи христіанства, послалъ къ папѣ письма, прося о крещеніи, и звалъ къ себѣ монаховъ, духовенство и людей всякаго званія, предоставляя колонистамъ обширныя льготы. Этотъ миръ и переговоры происходили въ Вильнѣ, недавно основанной Гедиминомъ, и гдѣ горѣлъ послѣдній литовскій змій.

Появленіе, въ лицѣ окрещенной Литвы, новаго христіанскаго государства шло въ разрѣзъ съ плапами ордена. Упраздняя основную цѣль ордена, новое государство, опредѣливъ границы, на вѣки закрывало для ордена возможность округлить свои территоріи, сплавить расколотую Ливонію съ Пруссіей. По наущенію ордена, прусскіе епископы — изъ орденскихъ братьевъ, — немедленно отправили къ папѣ длинныя письма съ восхваленіями ордену и съ слезной мольбой не вѣрить искренности лукаваго язычника, еще такъ недавно разорившаго христіанскія земли ордена и Польши. Эти письма остались безъ послѣдствій. Тѣ-же кроткіе пастыри разразились громоносными письмами ко всѣмъ ливонскимъ властямъ, участвовавшимъ въ мирныхъ переговорахъ. Миръ, заключенный съ Гедиминомъ, объявлялся злокозненнымъ ухищреніемъ діавола, позорнымъ пятномъ на все христіанство; сами литовцы назывались сынами сатаны, которые погубятъ орденъ, если онъ отогрѣетъ эту ехидну на своей груди, или пустить эту крысу въ свой мѣшокъ. «Отвергните отъ себя этотъ безбожный союзъ, — писали епископы — боритесь съ врагомъ неустанно, ибо Господь руководитъ вашими бранями и свыше ниспосылаетъ вамъ доблесть. Уничтожьте врага до конца, и тогда пріобрѣтете славу на землѣ и пальму побѣды на небесахъ».

Увѣщанія епископовъ поддержалъ орденъ. Великій магистръ предписалъ ливонскимъ властямъ паровать договоръ *violenter et temerarie*. Рыцари припудили послѣдовать ихъ примѣру, экзекуціонными мѣрами, и епископовъ. Противъ Гедимина снова открылись враждебныя дѣйствія. Гедиминъ подчинился необходимости, отказался отъ своихъ просьбъ и съ удвоенной энергіей возобновилъ войну противъ нѣмцевъ. Въ свою очередь, ливонское духовенство не преминуло обо всемъ увѣдомить папу Іоанна XXII. Получивъ посланія Гедимина и ливонскихъ епископовъ, папа, нераздѣлявшій воззрѣній ордена на Литву, съ радостью схватился за мысль объ обращеніи язычниковъ. Давнишній врагъ ордена, архі-

епископъ рижскій Фридрихъ, вновь получилъ довѣріе. Великій магистръ Карлъ фонъ-Триръ былъ вызванъ для объясненій по жалобамъ архіепископа. На сей разъ рыцари не хотѣли или не могли подкупомъ освободиться отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій. Въ торжественномъ засѣданіи консисторіи великій магистръ и его спутники должны были дать клятвенное обѣщаніе возвратить все отнятое у рижской церкви и послушно, безъ замедленія, исполнять теперь и на будущее время всѣ требованія папы. Что касается до Гедимины, то папа послалъ въ Ригу легатовъ, которые, благословивъ отъ имени папы мирный договоръ и потребовавъ отъ ордена, подъ угрозой отлученія, присоединенія къ этому миру, отправились къ Гедимину. Литовскій князь, однако, ближе видѣлъ значеніе духовенства въ орденскихъ земляхъ и, въ гнѣвъ на орденъ, отправилъ ихъ обратно, заявивъ, что папы не знаетъ и знать не хочетъ, что намѣренъ остаться при вѣрѣ своихъ отцовъ. Вслѣдъ за возвращеніемъ легатовъ въ Ригу, Ливонію навѣстили два литовскія войска и страшно опустошили попутныя земли, наглядно доказывая, какихъ результатовъ должно ожидать отъ своекорыстной политики ордена.

Легаты, возвратясь въ Ригу, нашли, что орденъ и не думаетъ исполнить клятвенное обѣщаніе относительно архіепископа, что, напротивъ того, пылая местию, рыцари совершаютъ насиліе за насиліемъ, чтобы довести архіепископа до отчаянія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ прибѣгнулъ къ средству, которое не казалось уже всеспыльнымъ въ рукахъ папы, въ его-же рукахъ было смѣшно и могло только уронить религію въ глазахъ мѣстныхъ жителей, видѣвшихъ, впрочемъ, какъ мало она имѣетъ авторитета въ дѣлахъ ордена и духовенства. 4 апрѣля 1324 года, съ потрясающимъ церемоніаломъ, архіепископъ провозгласилъ отлученіе ордена, при глухомъ звонѣ, при дымѣ опрокидываемыхъ факеловъ. Были прокляты съ орденомъ и церковные вассалы, перешедшіе на сторону рыцарей. Прекращено было богослуженіе, запечатаны

были церкви и на запертыхъ дверяхъ было вывѣшено письменное изложеніе всѣхъ бывшихъ въ свѣжей памяти, у жителей, преступленій ордена. Съ своей стороны, легаты отлучили орденъ за неплатежъ издержекъ процесса и оставили Ригу и враждующія стороны въ томъ-же положеніи, какъ и прежде.

Рыцари только смѣялись наивности архіепископа. Они съ своей стороны отправили къ папѣ апологія ордену, написанныя ихъ неоплатнымъ должникомъ, княземъ Мазовецкимъ, и двумя орденскими епископами изъ Пруссіи. Въ это время Гедеминъ успѣлъ найдти себѣ вѣрную опору противъ ордена въ Польшѣ. Въ 1325 году бракъ дочери его Альдоны-Анны съ сыномъ Локетка Казиміромъ, впоследствии Великимъ, положилъ основаніе вѣчному миру и постепенному сліянію литовско-русскаго государства съ Польшей.

Новый великій магистръ, Вернеръ фонъ-Орзельнъ, предвидя опасность съ юга, выстроилъ много новыхъ замковъ на польской границѣ и, въ 1326 году, созвалъ въ Маріенбургѣ большой орденскій капитулъ, въ которомъ приняли участіе 219 орденскихъ должностныхъ лицъ. Кромѣ дѣлъ польско-прусскихъ и отношеній къ другимъ государствамъ, предметомъ совѣщаній капитула были внутреннія дѣла ордена; результатомъ-же совѣщаній былъ рядъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ орзельнскихъ законовъ. Это было повтореніе тѣхъ высокихъ требованій чистоты отъ людей, обратившихъ Маріенбургъ въ гнѣздо разврата; умѣренности отъ европейски - знаменитыхъ пьяницъ; благочестія отъ монаховъ, ежедневно послѣ обѣда отправлявшихся въ іерусалимы, чтобы провести остатокъ дня въ азартной игрѣ, пьянствѣ и въ обществѣ распутницъ. Затѣмъ, въ статутахъ подробно означались права бѣлыхъ и сѣрыхъ плащей, о которыхъ мы уже говорили. На этомъ-же капитулѣ гольштингенскій комтуръ Монгеймъ, отъ имени ливонскаго магистра, предложилъ Пруссіи Мемельскій замокъ съ округомъ, защита котораго для Пруссіи была сподручнѣе, нежели для Ливоніи. Пруссіе рыцари охотно приняли предложеніе.

снимавшее съ ливонскаго рыцарства тяжкую отвѣтственность въ виду увеличивающейся опасности на жмудской границѣ. Ливонскимъ рыцарямъ было и безъ того слишкомъ много работъ у себя дома.

Отлученное ливонское рыцарство вымещало на Ригѣ и архіепископѣ всю свою злобу, какъ-бы пользуясь тѣмъ, что христіанство, въ лицѣ іерархіи, порвало съ нимъ свои связи. Рига, притѣсняемая орденомъ все болѣе и болѣе, думала отдохнуть, когда Гедиминъ предложилъ миръ но, благодаря ордену, ея надежды быстро разсѣялись. Нужда возрастала и вносила разномысліе въ бюргерство. Одни «Исусовы дѣти», отчаяваясь отстоять независимость города, требовали передачи города ордену; другіе «Петровы вѣстники» — фанатически стояли за свободу, архіепископа и папу. Крѣпость и единодушіе старой общины не существовали болѣе. Духовенство, послѣ отъѣзда архіепископа съ легатами, опять сошлось съ орденомъ и уже условилось съ нимъ о своей долѣ въ случаѣ подчиненія Риги.

Зимой 1328—1329 партія независимыхъ, исполняя папское требованіе, сдѣлала неудачную попытку овладѣть Дюнамундомъ. Орденъ усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе мира и осадилъ Ригу. Не получивъ помощи ни отъ папы, ни отъ Ганзы, ни отъ Литвы, городъ въ теченіе года успѣшно отбивалъ приступы, но въ 1330 году его средства истощились. Въ городѣ начался голодъ. Сторонники ордена открыто требовали сдачи и между ними и патріотами нерѣдко споры доходили до кровопролитія. Рѣшились покориться. На переговорахъ было установлено, что городъ мирится съ орденомъ на слѣдующихъ условіяхъ: часть города отходить къ ордену, который строить второй замокъ; орденъ пріобрѣтаетъ въ подспорье къ замку часть городскихъ выгоновъ, ежегодную дань во сто марокъ серебра и десятину отъ рыбной ловли; ордену отдается половина судебныхъ доходовъ; въ городскомъ совѣтѣ долженъ быть орденскій братъ съ правомъ голоса; каждый ратманъ долженъ присягать на вѣрность

магистру и городу; по приказанію магистра городъ долженъ выставить въ его распоряженіе вооруженный отрядъ и венденскому магистру, на случай похода — тридцать всадниковъ; для поминовенія о душахъ рыцарей, убитыхъ въ эту войну, городъ обязался учредить пять викарій; наконецъ, было предоставлено городскимъ жителямъ дѣлать завѣщанія въ пользу ордена. По заключеніи договора, рыцари свалили городскую стѣну на большомъ протяженіи, и черезъ эти ворота вступили въ уничтоженный городъ. Вѣроятно, дѣло не обошлось безъ жестокостей. Достоверно одно, что богатые бюргеры должны были выдать ордену всѣ свои наличныя деньги. Впрочемъ участь Риги была далеко не такъ тяжела, какъ судьба Данцига или Чева. Въ томъ же году Монгеймъ, ливонскій магистръ, жалованной грамотой обѣщался за себя и преемниковъ не нарушать правъ и привилегій Риги. Въ слѣдующемъ году, 1331, положено было основаніе новому обширному замку Вейсенштейну, откуда рыцари господствовали надъ городомъ и его торговлей.

Катастрофа съ Ригой окончила тройственную жизнь Ливонскаго государства. Архіепископъ былъ побѣжденъ, епископы и соборный капитулъ подчинились ордену, Рига была во власти рыцарей. Орденъ былъ главной, единственной силой Ливоніи, и вскорѣ послѣ этого пріобрѣтеніе Эстоніи поставило его на высшую степень могущества. Но уже въ это время зарождается новая сила, которой суждено было пересилить и пережить орденъ и надолго сосредоточить въ себѣ все активно-политическое значеніе страны. Мы говоримъ объ орденскихъ и епископскихъ вассалахъ, родоначальникахъ нынѣшняго балтійскаго дворянства. Вассалы Гарріи и Вироніи уже въ тринадцатомъ вѣкѣ пріобрѣли столько самостоятельности, что, пользуясь безсиліемъ датскихъ королей, установили независимое правленіе въ лицѣ олигархіи выборныхъ ландратовъ. Въ теченіи XIV столѣтія устанавливается такая-же солидарность интересовъ сначала между вассалами епископовъ, а потомъ и между орденскими вас-

салами, которые также успѣшно отстаиваютъ свои интересы противъ своихъ сюзереновъ и въ концѣ столѣтія уже являются, наряду съ духовенствомъ и орденомъ, однимъ изъ самостоятельныхъ чиновъ ливонскаго государства. Наконецъ, въ XIV столѣтіи они переживаютъ орденскій разгромъ и передаютъ своимъ потомкамъ, нынѣшнему балтійскому дворянству, полномасшіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Мы уже видѣли, что первые вассалы были изъ крестоносцевъ, приходившихъ сражаться съ язычниками. «Не забывайте, — пишетъ одинъ изъ великихъ магистровъ, — что орденъ существуетъ не только для тѣхъ, кто нынѣ отъ него получаетъ выгоды и пользу, но и для всѣхъ графовъ, бароновъ, рыцарей и кнехтовъ, которые и впослѣдствіи захотѣли-бы воспользоваться выгодами орденскаго господства.» Всякій вооруженный успѣхъ сулилъ ордену расширеніе территоріи, манилъ пособниковъ надѣломъ ленами. Поэтому нѣмцы свободныхъ чиновъ переселялись въ Ливонію, за исключеніемъ высшаго дворянства, которое, отбывъ походъ, обыкновенно возвращалось въ свои края. Рыцарскіе лены въ Ливоніи обыкновенно давались 1) рыцарямъ и лицамъ рыцарскаго происхожденія, т. наз. *Warner*, *Knarren*, *Knechten*; 2) министрамъ или служилымъ людямъ епископовъ; 3) городскимъ бюргерамъ рыцарскаго званія, особенно рижанамъ; 4) перѣдко купцамъ и прочимъ лицамъ недворянскаго происхожденія, изъ низшихъ сословій Германіи, которыя, владѣя рыцарскими ленами, пріобрѣтали рыцарскія права. Изъ этихъ элементовъ произошли епископскіе и орденскіе вассалы, образовавшіе впослѣдствіи рыцарское сословіе, отдѣльное отъ орденскихъ рыцарей, которое потомъ является дворянствомъ. Такимъ образомъ, сначала всѣ дворянскія фамиліи принадлежатъ къ низшему дворянству. Только архіепископы, епископы, великій магистръ и провинціальныя магистры лично причисляются къ аристократіи. Графскіе и баронскіе титулы появляются въ Ливоніи только съ XIV вѣка. Интересы этой растущей земской силы, какъ и интересы горожанъ, были

не только не одинаковы, но даже враждебны и противоположны интересамъ ордена. Орденъ не имѣлъ матеріальной преемственности; его члены были вѣчными чужестранцами среди вассаловъ и горожанъ. Эта отчужденность отъ мѣстныхъ жителей и ихъ интересовъ была важнѣйшимъ препятствіемъ развитію и прочности орденскаго государства. Въ свою очередь, въ орденской школѣ слѣдуетъ искать коренной основы того духа сословности и партикуляризма, которымъ отличается прусское и прибалтійское дворянство.

Въ 1336 году возобновились походы на Литву, сдѣлавшіеся въ XIV вѣкѣ «модными» предпріятіями западнаго рыцарства, поощряемые съ особеннымъ усердіемъ орденомъ, по причинамъ, изложеннымъ выше. Въ этомъ году съѣхалось въ Пруссію до двухсотъ герцоговъ и графовъ, изъ Германіи, Франціи и Англіи, и великій магистръ съ большимъ войскомъ осадилъ жмудскій городокъ Пиллену или Пуллену, въ которомъ г. Рутенбергъ думаетъ видѣть нынѣшній Поневѣжъ. Послѣ геройской защиты, осажденные перебили женъ, дѣтей и другъ друга и христіане, войдя въ пылающій городъ, нашли только полуобгорѣлые трупы. Эта отчаянная стойкость отбила охоту углубляться въ страну и войско вернулось въ Пруссію. Походъ слѣдующаго года, предпринятый съ такими-же силами, окончился постройкой замка Байернбурга, при осадѣ котораго въ томъ-же году былъ убитъ изъ бомбарды старый герой Литвы—Гедиминъ. Уже съ 1319 году крестоносцы пользовались порохомъ въ битвахъ съ литовцами, на которыхъ новое изобрѣтеніе наводило ужасъ. Смерть Гедимина отъ ядра дала поводъ къ сагѣ, что самъ громовникъ Переунъ поразилъ ихъ непобѣдимаго князя. Тѣло Гедимина было отнесено въ Свенторогъ и предано сожженію. По народному обычаю, младшій изъ семи сыновей Гедимина, Явнута, наслѣдовалъ отцу, но положеніе страны требовало твердой правительственной руки, и истинными преемниками Гедимина были Ольгердъ и Кейстутъ, сыновья русской княжны Ольги.

Гедиминъ въ теченіе всей своей жизни принужденъ былъ воевать со всѣми сосѣдями, отбиваться отъ нѣмцевъ на сѣверѣ, воевать съ Польшей, опасаться Москвы, забирать раздробленныя южнорусскія княжества; оттого его цивилизаторскія стремленія, выразившіяся въ вѣротерпимости, въ основаніи городовъ, какъ Троки и Вильна, подъ бременемъ постоянной войны, не могли развиваться и осуществиться въ желанной мѣрѣ. Литва осталась государствомъ военнымъ, борющимся за существованіе на сѣверѣ, ищущимъ, по чувству самосохраненія, точки опоры въ южнорусскихъ областяхъ. Эту задачу онъ передалъ своимъ знаменитымъ дѣтямъ Ольгерду и Кейстуту, которые раздѣлили ее между собой такъ, что Кейстутъ взялъ на себя нѣмецкія границы, а Ольгердъ русскія. Такое дѣленіе труда соотвѣтствовало личнымъ качествамъ обоихъ князей, связанныхъ узами безграничнаго взаимнаго довѣрія и братской любви. Личности этихъ двухъ бойцовъ Литвы заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться съ нѣкоторыми подробностями.

Ольгердъ жилъ въ Вильнѣ, а по сосѣдству съ нимъ, въ Трокахъ, жилъ Кейстутъ. Въ первые годы княженія подлѣ Ольгерда стоитъ жена его, витебская княжна Марія, окруженная дѣтьми, вся поглощенная хозяйствомъ и воспитаніемъ шести сыновей. Каждую весну великій князь отправляется въ походъ, княгиня-же въ это время затворяется, по восточному обычаю, въ своемъ виленскомъ теремѣ или перекрѣщаетъ на лѣто въ Мѣдники, недалеко отъ Вильны. При дворѣ великой княгини множество наставниковъ и наставницъ обучаютъ дѣтей различнымъ искусствамъ и наукамъ, и придворныхъ дѣвицъ, раздѣляющихъ съ великой княгиней ея работы и благочестивыя упражненія. Тканье и вышиванье, которыми искони славилась русскія женщины, возбуждали справедливое удивленіе нѣмецкихъ пословъ. Въ церкви великая княгиня молилась съ своими боярынями, отдѣленная отъ мужчинъ полупрозрачнымъ зеленымъ занавѣсомъ. Самъ великій князь не молился въ церкви, оставаясь, по крайней

мѣръ, по наружности, строгимъ блюстителемъ религіи отцовъ, признавая христіанство неумѣстнымъ въ средѣ друживниковъ и карая смертью всякую пропаганду между ними. Въ этомъ отношеніи Ольгердъ отличался большею суровостью, нежели Кейстутъ, котораго онъ превосходилъ и умственными качествами. Самой наружностью Ольгердъ внушалъ невольное почтеніе. Великій князь, по описанію современниковъ, былъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ загорѣлымъ лицомъ, высокимъ челою, съ бѣлокурой сѣдѣющей бородой. Вѣчно суровое лицо изрѣдка прояснялось благодушной, привлекательной улыбкой, свидѣтельствующей о той природной мягкости, которая, по свидѣтельству нѣмцевъ, лежала въ основѣ литовскаго характера (*mitissimum genus hominum, leichtfertigen sinnes*). Онъ бодро сидѣлъ на конѣ, но на ходу прихрамывалъ и потому всегда опирался на трость. Употребляя дома и въ сношеніяхъ съ Русью и Польшею русскій языкъ, бывшій тогда уже языкомъ двора, суда и высшихъ классовъ, Ольгердъ и Кейстутъ знали основательно по нѣмецки, однако осторожный Ольгердъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами всегда разговаривалъ черезъ переводчика. Вмѣстѣ съ языкомъ рыцарей, Ольгерду были нечужды и рыцарскіе обычаи; какъ польскіе Болеславы у Кіева, онъ грозитъ великому князю московскому Дмитрію «прислонить свое копьѣ къ городу его Москвѣ», и исполняетъ свою угрозу, хотя дѣло и не дошло до битвы. Но военныя доблести затмѣвались его глубокимъ политическимъ умомъ. Русскіе лѣтописцы славятъ Ольгерда, что онъ побѣждалъ не столько силой, сколько умѣньемъ. Малорѣчивый, Ольгердъ всесторонне обдумывалъ про себя свои военныя замыслы, приводилъ ихъ въ исполненіе съ быстротой, неожиданной для враговъ. Его походы были быстры и рѣшительны. Осторожность руководила и прочими его поступками. Въ тотъ вѣкъ, когда отравы были однимъ изъ обычныхъ политическихъ средствъ, умѣренность и строгій выборъ въ пищѣ были требованіями самосохраненія. «Всѣхъ братьевъ превзошелъ Ольгердъ мудростью и силой, — говоритъ

русскій лѣтописецъ: — не пилъ ни меду, ни вина, ни пива, ни кислаго кваса, совсѣмъ ничего не пилъ, а тѣмъ приобрѣлъ крѣпкую душу и власть надъ собой». Эти качества казались особенно удивительными въ тотъ вѣкъ, когда нѣмецкій лѣтописецъ, описывая тягостную осаду, характеризуетъ ее тѣмъ особенно, что нечего было пить, кромѣ воды.

Знаменитый въ пѣмецкихъ лѣтописяхъ столько-же, сколько Ольгердъ въ русскихъ, Кейстутъ уступалъ своему брату въ царственныхъ качествахъ, но за то блисталъ всѣми рыцарскими совершенствами того времени. — Казалось, что то мягкосердечіе и податливость, незлобіе и впечатлительность, которыми нѣмцы характеризовали Литву и которыми до сихъ поръ отлѣчаются латыши, нашли себѣ полное выраженіе въ этомъ свѣтлокудромъ, голубоглазомъ героѣ литовскомъ. Онъ не былъ способенъ къ серьезно обдуманному, тщательно взвѣшенному образу дѣйствій, какъ Ольгердъ. Впечатлѣніе дѣйствовало на него всемогуще. Онъ видитъ Вируту и, не стѣсняясь священнымъ характеромъ вайделотки, позищаетъ ее, дѣлаетъ женой и проводитъ съ ней долгіе, счастливые годы. Мольбы рыцаря, осужденнаго на сожженіе богамъ, доходятъ до его сердца и онъ, не взирая на протестъ жрецовъ, даритъ ему жизнь. Человѣческое беретъ въ немъ уже перевѣсъ надъ національно религіознымъ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о разложеніи древней религіи въ высшихъ сферахъ литовскаго общества, но не препятствуя Кейстуту оставаться передовымъ борцомъ литовскаго народа и самымъ популярнымъ человѣкомъ дома и у сосѣдей. Та-же податливость и воспріимчивость располагаютъ его къ усвоенію лучшихъ сторонъ тогдашней свѣтской цивилизаціи. Посѣтивъ Германію и Вѣну, воспитанный пѣмецкими учителями, Кейстутъ былъ проникнутъ правилами, составлявшими кодексъ западно европейской рыцарской морали. Безупречность рыцарскаго имени, вѣрность данному слову, великодушіе къ побѣжденнымъ, смѣлость, доходящая до безразсудства, рыцарскія приключенія выходили изъ моды уже въ Европѣ—всѣ

эти качества сіяли полнымъ блескомъ въ послѣднемъ изъ литовскихъ князей язычниковъ, ибо Кейстутъ до смерти остался вѣрнымъ религіи отцовъ. Владѣя обширнымъ удѣломъ, въ предѣлы коего, кромѣ Троку, входили Гродна, Ковна, Берестье, Веллона, Онкаймъ и др. города, Кейстутъ не занимался дѣлами правленія и былъ вполне погруженъ въ военныя дѣйствія, непрекращавшіяся на длинной и опасной границѣ его владѣній. Нѣсколько онъ разъ побывалъ въ плѣну у нѣмцевъ, платясь за свою безразсудную отвагу. Въ одномъ изъ внезапныхъ нападеній онъ былъ сбитъ съ коня и взятъ въ плѣнъ. Звономъ колоколовъ и благодарственными молебнами славили рыцари взятіе знаменитой добычи. Просьбы Ольгерда, предлагавшаго большой выкупъ, оставались безъ послѣдствій. Выручилъ князя случай. Великій магистръ приставилъ къ Кейстуту служителемъ и шпиономъ одного крещенаго литвина, къ которому имѣлъ полное довѣріе. Шпіонъ Альфъ, проживъ немного съ Кейстутомъ обратился въ преданнѣйшаго слугу. На неопытномъ для стражи языкѣ они условились о бѣгствѣ. Альфъ принесъ орудіе, которымъ Кейстутъ въ нѣсколько дней осторожно проломалъ стѣну и, переодѣвшись въ орденскую рыцарскую одежду, благополучно выѣхалъ изъ замка. Миновавъ счастливо всѣ заставы, бѣглецы добрались до мазовецкой границы, откуда Кейстутъ отослалъ къ вел. магистру коней и платье. Въ томъ-же году неукротимый наѣздникъ вновь попался въ бѣду. Въ одной схваткѣ онъ былъ окруженъ врагами, отрѣзанъ отъ своихъ и взятъ въ плѣнъ. Случай вновь выручилъ его. По рыцарски, задумавъ походъ, Кейстутъ предупреждалъ непріятеля о своемъ нападеніи, хотя Ольгердъ сурово и безуспѣшно порицалъ такой образъ дѣйствій. <Кейстутъ болѣе всего любилъ войну и правду: говоритъ нѣмецкій хроникеръ—всякій разъ, какъ только онъ шелъ войной на прусскій край, онъ всегда сообщалъ орденскому маршалу и, извѣстивъ, приходилъ непременно.> Оттого нерѣдко цѣлыя кампаніи, осады крѣпостей принимали характеръ грандіозныхъ рыцарскихъ

поединковъ, любовныхъ состязаній въ ловкости и отвагѣ. Точно также и Кейстутъ высоко цѣнилъ качества истиннаго рыцаря въ непріятеляхъ. Такіе люди пользовались его полнѣйшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Разъ литвины врасплохъ завладѣли замкомъ Іоганисбургомъ. Кейстутъ велѣлъ посадить плѣнныхъ въ крѣпко огороженный дворъ, но литва требовала смерти всѣмъ нѣмцамъ. Тогда комтуръ Отто, плѣнный комендантъ замка, сѣдой старикъ съ деревянной ногой, выступилъ и просилъ убить его, но пощадить остальныхъ. Тронутый Кейстутъ подаль ему руку и предоставилъ полную свободу ему и четыремъ плѣннымъ, которыхъ комтуръ захочетъ, а за жизнь остальныхъ поручился своимъ словомъ. Другой разъ попался въ плѣнъ злѣйшій врагъ Литвы комтуръ Зауербахъ. Обрадованные язычники ликовали при мысли о возможности выместить злобу на разорителѣ ихъ земли. Жрецы обрекли его на жертву, но Кейстутъ отстоялъ плѣннику жизнь. Старики—литвины роптали на такую снисходительность, но крестоносцы высоко цѣнили ее: когда сынъ Кейстута былъ взятъ въ плѣнъ, его отослали къ отцу безъ выкупа. Нерѣдко между двумя приступами осажденные литвины приглашали нѣмецкихъ и заграничныхъ рыцарей къ себѣ въ гости и мирно бесѣдовали и пировали, разсуждая, какъ опытные игроки послѣ партіи, о томъ или другомъ ходѣ игры, но рыцарски обращая вниманіе противника на возможные опасности въ будущемъ. По истеченіи перемирія, прощаясь съ орденскими рыцарями, Кейстутъ отпускалъ ихъ, предупреждая, что слѣдующей зимой онъ навѣститъ ихъ въ Пруссіи. Маршалъ ордена отвѣчалъ: «будешь намъ дорогимъ гостемъ, встрѣтимъ тебя калеными стрѣлами». Отъ каленой стрѣлы, впрочемъ погибъ маршалъ, Кейстутъ-же съ Ольгердомъ долго еще наѣзжалъ на нѣмцевъ.

Не было человѣка искуснѣе Кейстута въ этой партизанской войнѣ. Лѣсныя дебри, обширные пустыри, бездорожье и множество тропинокъ, малолюдность края придавали всей войнѣ ордена съ Литвой охотничій характеръ, по-

хожіи на войну американскихъ трапперовъ и піонеровъ съ краснокожими. Широкая полоса намѣренно опустошенной и обездороженной земли тянулась по обѣимъ сторонамъ литовско-нѣмецкой границы. Удобные проходы были преграждены длинными завалами и застѣками. Съ обѣихъ сторонъ бродили бдительные пикеты, пластуны, выслѣживая непріятеля и рядомъ сигналовъ давая знать внутрь страны о нашествіи врага. Сами князья были, какъ и всѣ литвины, какъ и русь, страстными охотниками. Нерѣдко въ разгаръ турьей травли приходила вѣсть о непріятелѣ и охота на зубра мгновенно переходила въ охоту на бѣлыхъ плащей. Передъ каждымъ походомъ учреждалась громадная облава на лѣснаго звѣря и мясо убитыхъ, посоленное и уложенное въ бочки, составляло главный полевой провіантъ. На войнѣ прибѣгали къ тѣмъ-же пріемамъ осторожности, какъ и на охотѣ, также уничтожали слѣдъ, также выслѣживали врага по дыму костра. Послѣ войны, на народныхъ празднествахъ, вайделоты, какъ кельтскіе барды, славили память падшихъ героевъ. — Такъ воевали литовцы при Кейстутѣ съ орденомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ годъ смерти Гедимина, 1337, императоръ Лудовикъ Баварскій щедро пожаловалъ орденъ всѣми литовско русскими землями, предоставивъ, конечно, ордену самому потрудиться взять подарокъ. Тотъ-же щедрый государь, разноглася съ папой, рѣшилъ, что орденъ, по праву купли бранденбургскаго маркграфа, долженъ быть признанъ законнымъ собственникомъ польскаго поморья. Это случилось за нѣсколько лѣтъ предъ смертью Гедимина и дало поводъ къ войнѣ Локетка съ нѣмцами. Послѣ кровопролитной побѣды Локетка подъ Пловцами, бывшей послѣднимъ подвигомъ великаго собирателя Польши, начались переговоры, которые тянулись много лѣтъ. Орденъ, несмотря на готовность Казимира великаго поступиться ради мира Поморьемъ, желалъ удержать Куявію и землю Добрыньскую. Тщетно папа интердиктомъ пытался отстоять правоту возлюбленнаго короля. Орденъ, зная глубокую потребность мира для Польши, невозмож-

ность новыхъ военныхъ усилій для Казиміра, надменно относился къ королю и папѣ и достигъ своихъ цѣлей. Въ 1343 году былъ заключенъ миръ въ Калишѣ, по которому орденъ удержалъ за собой Мыхаловскую землю и Поморье, а Добржинь и Куявія были возвращены Польшѣ.

Съ такимъ-же успѣхомъ подвизался орденъ и въ Ливоніи. — Послѣ дерптскаго договора Эстонія продолжала управляться рыцарскими ландратами. Отъ королевской власти оставался тамъ одинъ призракъ, такъ какъ сама Данія была раздираема постоянными междоусобіями наслѣдниковъ Вольдемара Завоевателя. Короли то давали эстонскому рыцарству обязательство никому не отчуждать этой провинціи, хранить свято ея нераздѣльность отъ датской короны, то дарили и продавали ее. Однако, во второмъ случаѣ рыцарство отвергало значеніе уступки и не допускало пріобрѣтателя къ себѣ. Такъ дѣло шло до того времени, когда наконецъ въ 1341 г. орденъ явился покупателемъ Эстоніи, противъ котораго мѣстное дворянство не хотѣло или не могло протестовать. Орденъ пріобрѣлъ датскую провинцію за 13,000 марокъ серебра. Политическая безурядица, отсутствіе королевской власти, сколько-нибудь смягчавшей злоупотребленія и произволь вассаловъ, тяжелымъ гнетомъ ложились на крестьянъ. Ливонія того времени, какъ Украина XVI вѣка, по словамъ современниковъ, была небомъ для дворянства, раемъ для духовенства, золотымъ рудникомъ для иноземцевъ и адомъ для крестьянъ. Другой современникъ (Вигандъ Марбургскій) говоритъ объ Эстоніи такъ: «Господство рыцарей и вассаловъ было такого рода, что они безчестили дочерей и женъ эстовъ и эзельцевъ, отнимали имущество и обращались съ ними, какъ съ рабами». «Съ собаками обращались гораздо лучше, нежели съ закрѣпощенными эстами», говоритъ другой. Въ этомъ невыносимомъ положеніи отчаявшимся эстамъ оставалось обратиться только къ насилію. Въ 1343 году, чаша переполнилась, и въ Егорьевъ день, 23 апрѣля, въ Гарріи вспыхнуло возстаніе. Въ одну ночь болѣе

1,800 нѣмцевъ и датчанъ обоого пола, всѣхъ возрастовъ были жертвами народнаго мщенія. Примѣру гаррійцевъ послѣдовали прочія провинціи. Нѣмцы и датчане старались скрыться, но или погибали подъ дубинами крестьянъ, или умирали съ голоду въ лѣсахъ и лишь не многимъ удалось добраться до Ревеля и Вейсенштейна. Тоже самое происходило и на Эзелѣ. Крестьяне шли лавиной отъ усадьбы къ приходу, отъ замка къ монастырю, избивая все нѣмецкое, зажигая постройки и подвергая страшнымъ истязаніямъ изловленныхъ монаховъ и духовенство. Самъ фогтъ съ капитудомъ погибъ подъ ударами мятежниковъ. Вся страна была во власти крестьянъ, и десяти тысячное войско стояло уже передъ Ревелемъ, послѣднимъ оплотомъ иноземной тиранніи. Другой отрядъ осаждалъ эзельскаго епископа въ Гапсалѣ. Мятежники отправили пословъ къ епископамъ Выборга и Або, прося помощи у шведовъ и предлагая передать страну Швеціи. Есть извѣстія, что толчекъ къ возстанію данъ былъ изъ ливонскаго Феллина. Мѣстныя возстанія начались и въ Семагліи. Съ помощью Литвы, по всѣмъ орденскимъ областямъ Ливоніи почва колебалась подъ ногами, но дурбенскія времена были уже далече и многочисленные крѣпкіе замки съ своими гарнизонами локализовали возстаніе одной Эстоніи.

Магистръ Дрейлевенъ былъ подъ Изборскомъ, когда узналъ о катастрофѣ, разразившейся въ Эстоніи. Приведя быстро Ливонію въ оборонительное положеніе и получивъ въ подмогу 700 всадниковъ изъ Пруссіи, магистръ явился къ Ревелю съ сильнымъ войскомъ. Крестьяне упали духомъ. Начались переговоры. «Что понудило васъ — спрашивалъ магистръ — къ такимъ насиліямъ?» — «Жалуемся вамъ — отвѣчали крестьяне — на наше бѣдственное положеніе, на обиды и притѣсненія отъ рыцарства и дворянства датскаго. Желаетъ лучше погибнуть всѣ до единого, нежели подвергаться прежнему тиранству. Потому мы и рѣшились мстить. Ничего-бы такого не было, если-бы къ намъ хоть немного были

справедливыми». Затѣмъ они предложили платить по прежнему дань ордену, но чтобы датскіе господа не имѣли къ нимъ никакихъ отношеній. Говорятъ, что магистръ невѣрно понялъ объясненія эстовъ и ударилъ на нихъ съ войскомъ и осажденными ревелъцами. До десяти тысячъ крестьянъ было истреблено въ битвѣ. Взятые въ плѣнъ погибли въ страшныхъ мукахъ (*exquisitis tormentis*), смотрѣть на которыя сбѣжались всѣ спасшіеся въ Ревелѣ господа. Затѣмъ истребленъ былъ крестьянскій отрядъ подъ Гапсалемъ и прочія бродячія шайки. Прежнее рабство воскресло съ удвоенной тяжестью для усмиренныхъ эстовъ. Страна обратилась въ пустыню и очень долго не могла оправиться отъ погрома. Послѣ этого пришла очередь Эзеля. Вырѣзавъ все нѣмецкое населеніе, эзельцы избрали себѣ князя и готовились къ отпору, однако невозможно было сопротивляться соединеннымъ силамъ Пруссіи и Ливоніи. Мятежники окопались около Карриса и ждали рыцарей; но эти послѣдніе сначала деморализовали повстанцевъ общимъ разореніемъ острова. Исполнивъ эту часть дѣла, рыцарямъ довольно было одного удара, чтобы сломить крестьянъ. Около 9000 эзельцевъ остались на полѣ битвы.

Порѣшивъ съ возстаніемъ, Дрейлевенъ отправился въ Ревель, гдѣ пятнадцать вассаловъ Даніи, пережившихъ мятежъ, вмѣстѣ съ датскими чиновниками передали магистру главныя твердыни края—Ревель и Везенбергъ, съ оговоркой, что эта передача совершается не въ ущербъ Даніи и что король можетъ всегда потребовать замки обратно. На все согласился Дрейлевенъ подъ многозначительнымъ условіемъ, что въ такомъ случаѣ датскій король обязуется уплатить военныя издержки, понесенныя орденомъ, искусство котораго въ такихъ расчетахъ пользовалось заслуженной извѣстностью. Въ слѣдующемъ году, въ самомъ дѣлѣ, датскій король Вольдемаръ затребовалъ у ордена возвращенія крѣпостей, но такъ какъ требованіе не поддерживалось десантомъ, то орденъ не отвѣчалъ королю, а, вмѣсто того, занялъ на годъ

Нарву въ обезпеченіе 1423 марокъ, ссуженныхъ эстонскимъ правителямъ королевскимъ.

Наступили самыя тяжелыя времена для туземцевъ. Исчезаетъ вмѣстѣ съ именемъ послѣдній призракъ свободы. Въ теченіи XIII столѣтія всѣ туземцы отпадали отъ христіанства и возвращались силою меча въ лоно церкви уже безправными насельниками родной земли. Передача земель совершалась уже съ передачею крѣпкихъ землѣ туземцевъ: *cum omnibus suis pertinentiis, villis et hominibus, met allem Nutt, mit Tegenden und Tinsen und mit dem Recht in Hals und Hand*; уже попадаются акты даренія другихъ людей соборному капитулу въ Ригѣ. Прикрѣпленные къ землѣ, туземцы находились въ полной зависимости отъ произвола господъ, ставшихъ ихъ жестокими и непримиримыми врагами за время возстаній. — Деревни, разоренныя усмирителями края, по большей части, не обстраивались вновь, чтобы не возобновлять у побѣжденныхъ воспоминанія о мятежѣ и не давать надежды на будущее повтореніе его, чтобы наконецъ и не соединять туземцевъ въ значительныя скученныя массы. Въ Куроніи и Семагліи, на мѣстѣ уничтоженныхъ селеній, обыкновенно строили замокъ или помѣщичью усадьбу. Прежніе острожки уже принимали болѣе привлекательный видъ жилого цивилизованнаго нѣмецкаго дома, окруженнаго садомъ, пашнями и лугами, отобранными у туземцевъ. Въ далекомъ разстояніи отъ усадьбы отдѣльными домиками разбросаны были крестьянскія лачуги, значительно также измѣнившія свой видъ къ худшему, собиравшія подъ одну кровлю и людей и скоть, какъ и въ настоящее время. Вмѣсто отобранной земли крестьянину давался новый надѣлъ. Такое крестьянское жилье, вмѣстѣ съ огородомъ, пашней и лугомъ, съ тѣхъ поръ называется *das Gesinde*, дворомъ; владѣлецъ его домохозяиномъ, *der Wirt*. Юридически домохозяинъ былъ собственникомъ своего участка, но фактически господинъ всегда могъ прогнать крестьянина съ участка и посадить другого на его мѣсто. Было то, что въ несравненно болѣе мягкой формѣ видѣли мы въ

западной Россіи, по введеніи инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Смотра по величинѣ участка, домохозяинъ назывался гакеманомъ или эйнфотлингомъ. Гакеманъ, или, какъ звали ихъ въ Куроніи, полный домохозяинъ, ganzhäger, долженъ былъ давать одного коннаго работника каждую недѣлю; второй—пѣшаго рабочаго. Кромѣ этого, каждый хозяинъ долженъ былъ обработать извѣстную часть господской земли, давать рабочихъ на строительныя и прочія усадебныя работы и наконецъ, по требованію комтура, являться въ ополченіе. Чтобы исполнить эти обязанности, каждый хозяинъ долженъ былъ держать батраковъ, которымъ выдѣлялъ клочки земли изъ своего участка, обработкой которыхъ и существовали эти люди (Lostreiber). Кромѣ домохозяевъ и батраковъ, существовалъ обширный классъ безземельныхъ рабовъ, которыхъ юридически разсматривали уже совсѣмъ какъ античнаго раба, какъ вещь, продавали, покупали, мѣняли на собакъ и лошадей. Въ нѣмецкихъ актахъ они именуются Drellen. Происхожденіе ихъ темно. Вѣроятно, они образовались изъ военно-плѣнныхъ, или изъ купленныхъ за границую и ихъ потомства. Позднѣе къ рабству присуждались за преступленія, подобно тому, какъ это было въ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи. Наконецъ, весьма вѣроятно, что туземцы, особенно въ Гарріи и Вироніи, безъ всякихъ законныхъ поводовъ, лишеныя земли по произволу господъ, перечислялись въ рабство и дѣлались родоначальниками дворовыхъ людей позднѣйшаго времени. Уже въ 1323 году такихъ рабовъ было много въ Ливоніи. Въ договорѣ съ Гедиминомъ поставлено однимъ изъ условій мира возвратить господамъ всѣхъ рабовъ (Drellen), убѣжавшихъ въ Литву. Среди этого растущаго разлива рабства, все тѣснѣе и тѣснѣе охватывающаго туземцевъ, удержалось однако небольшое число изъ нихъ, которое благоразумно отдѣлило свои хозяйственныя выгоды отъ національнаго дѣла въ рѣшительную минуту послѣдней борьбы, угодило нѣмцамъ и жило свободное отъ крестьянскихъ повинностей и отъ крѣпостной

зависимости. Въ Пруссіи число свободныхъ туземцевъ было значительно, но не мало насчитывали ихъ и въ Ливоніи. Въ опустошительныхъ войнахъ XVI вѣка они погибли почти всѣ, остатки ихъ слились съ крѣпостными и только около Гольдингена уцѣлѣли до нашего времени семь деревень, населенныхъ поселянами, никогда не знавшими крѣпостного права, извѣстными подъ именемъ куронскихъ королей, Kurisch Könige или Koininge по латышски. Они до сихъ поръ пользуются самосудомъ, наравнѣ съ мѣстнымъ дворянствомъ. Въ образѣ жизни, въ степени развитія они ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ эстовъ. До сихъ поръ они родятся и женятся только между собой, и трудно рѣшить, слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ родовую гордость свободныхъ людей, возбраняющую неровный бракъ съ бывшимъ рабомъ, или остатокъ національной ненависти побѣжденныхъ къ отступникамъ отъ родины и племени, къ предателямъ и переметчикамъ на сторону нѣмцевъ.

1344 годъ ознаменовался большимъ походомъ на Литву. Въ Пруссіи собралось много знатныхъ гостей изъ западной Европы и Германіи, и великій магистръ съ большимъ войскомъ перешелъ границу. Ольгердъ и Кейстутъ, предоставивъ непріятелямъ полную свободу пробираться по безлюдному и бездорожному порубежью, сами бросились на Ливонію и Самію. Когда вѣсть дошла до магистра, гости требовали вернуться въ Ливонію, но магистръ упорствовалъ, шелъ дальше безъ всякой пользы, а вскорѣ наступила оттепель, походъ продолжаться не могъ, и войско со стыдомъ вернулось въ Пруссію. Тѣмъ временемъ основательный Ольгердъ, пользуясь, что ливонскія силы были отвлечены въ Эстонію, разграбилъ ливонскія змли, избилъ множество народа и съ нѣсколькими тысячами полона вернулся благополучно въ Литву, гдѣ уже ожидалъ его и возвратившійся Кейстутъ. За свою нераспорядительность великій магистръ заплатился тѣмъ, что его объявили безумнымъ и смѣнили. Безуміе, однако,

было условное, ибо немного времени спустя опять является однимъ изъ высшихъ сановниковъ ордена.

Между тѣмъ оказывалось, что пріобрѣтеніе Эстоніи было далеко не окончено. Противъ новаго владѣльца ордена заспорили тѣ, кому въ разное время датскіе короли предоставили страну на тѣхъ-же правахъ, какъ и ордену. Таковыми являлись принцъ датскій Отто, предъявлявшій свои права, какъ старшій братъ короля; дѣти богатаго герцога Кнута Порзе, получившаго Эстонію въ ленное владѣніе въ 1329 году, наконецъ Лудовикъ Бранденбургскій, которому Эстонія была дана въ приданое за женой и уступлена формально и принцемъ Отто и королемъ Вальдемаромъ. Въ 1345 году Вальдемаръ пріѣхалъ въ Эстонію, чтобы на мѣстѣ составить себѣ понятіе о положеніи дѣла. Подтвердивъ всѣ прежнія привилегіи и щедро одаривъ церкви и монастыри, онъ, въ то же время, убѣдился, что не представлялось никакой возможности отстоять за собой эту разоренную и обѣднѣвшую страну, особенно въ виду того, что тронъ его въ самой Даніи былъ далеко непроченъ, и что орденъ представилъ громаднѣйшій счетъ издержекъ, уплатить которыхъ король былъ не въ состояніи. — Лѣто 1346 году Вальдемаръ посвятилъ устраненію препятствій къ окончанію продажи. Порзе въ замѣнъ Эстоніи получили герцогство Гольштеинъ. Маркграфъ уступилъ свои права ордену за 6.000 сер. марокъ; наконецъ самъ Отто, во искупленіе грѣховъ своихъ предковъ, вступилъ въ душеспасительный орденъ и въ день его вступленія, 29 августа 1346 г., Вальдемаръ подписалъ въ Маріенбургѣ актъ продажи, получивъ отъ ордена приплаты за Эстонію 1.900 марокъ или 276.000 р. наличными деньгами. Въ ноябрѣ датскіе правители передали землю уполномоченнымъ отъ ордена. Въ слѣдующемъ году великій магистръ Дусмеръ продалъ Эстонію ливонскому магистру за 2,000 марокъ. Новый господинъ въ 1347 году созвалъ въ Вейсенштейнѣ эстонскихъ вассаловъ и рыцарей и далъ имъ торжественное обѣщаніе не дѣлать разницы между ними и сво-

ими, относиться къ нимъ съ любовью и благодушiемъ, хранить всѣ данныя датскими королями права, льготы и вольности, умножать, а не уменьшать ихъ. За этимъ актомъ послѣдоваль передѣлъ леновъ. Первоначальное датско-нѣмецкое населеніе исчезло во время крестьянскихъ возстаній. Множество леновъ запустили и орденъ привлекъ на нихъ новую колонизацію. Высшіе классы эстонскаго населенія получили уже чисто-нѣмецкую окраску и стояли въ такомъ-же строгомъ разобщеніи съ мѣстными эстами, въ какомъ находились нѣмцы въ Ливоніи и Куроніи отъ туземныхъ латышей. Теперь орденское государство простиралось отъ границъ Ингерманландіи до устьевъ Вислы и береговъ Одера. Среди малоземельныхъ сосѣднихъ нѣмецкихъ государствъ орденское государство являлось великаномъ, но Литва по прежнему вдавалась клиномъ между Ливоніей и Пруссіей и неудобный сосѣдъ не давалъ ордену почить на лаврахъ. Въ 1347 году, едва успѣли затянуться кровавыя раны, нанесенныя Ливоніи наѣздомъ Ольгерда, неутомимый Кейстутъ вновь ворвался въ Пруссію, и такъ какъ въ то время не было иноземныхъ воиновъ въ распоряженіи ордена, этотъ послѣдній не былъ въ состояніи оказать какое нибудь сопротивленіе врагу. Кейстутъ увелъ болѣе 10.000 плѣнныхъ, самъ-же остался у Натангена. Пользуясь остановкой Кейстута, великій магистръ нанялъ солдатъ, распущенныхъ изъ Франціи Эдуардомъ Англійскимъ и Филиппомъ Французскимъ и, во главѣ 40.000 этихъ опытныхъ наемниковъ, ударилъ на литовцевъ. Съ сильнымъ войскомъ встрѣтилъ его Ольгердъ на рѣкѣ Стребѣ, и 2 февраля 1348 года потерпѣлъ такое пораженіе, которое надолго освободило орденъ отъ литовскихъ нашествій. Если-бы велик. магистръ могъ надолго завербовать свою наемную армію, литовское княжество окончилло-бы свое бытіе; но армію необходимо было расчислать и отпустить, а между тѣмъ Ольгердъ и Кейстутъ получили возможность оправиться отъ пораженія. За литовскимъ набѣгомъ слѣдоваль другой страшный гость, опустошительно

прошедшій тогда по Россіи, Литвѣ, Польшѣ и Скандинавіи, — черная смерть, восточная чума. — Эти бѣдствія привели населеніе въ восторженное состояніе. Цѣлыя селенія и города пустѣли, такъ какъ уцѣлѣвшіе отъ меча и чумы жители толпами уходили въ Римъ, куда, по случаю юбилея, звалъ ихъ папа Климентъ VI, обѣщая пилигримамъ отпущеніе грѣховъ. По всѣмъ путямъ чумы потянулись длинныя вереницы бичующихся братьевъ (Flagellants). Съ закрытыми лицами и обнажившись до пояса, они шли подъ предводительствомъ какихъ-то монаховъ; задніе бичевали переднихъ многохвостной узловатой ременной плетью; съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ, каждый на своемъ языкѣ, бичуемые братья шли изъ города въ городъ, отъ церкви къ церкви, возрастая на пути, какъ лавина. Потрясающее пѣніе, струящаяся кровь доводили ихъ до полного самозабвенія. У церквей, на площадяхъ они подвергали себя самымъ фантастическихъ обрядамъ покаянія, исповѣдывались другъ другу, какъ-бы каждый былъ священникомъ, или какъ-бы всѣ стояли въ преддверіи смерти, и взаимно давали отпущеніе въ величайшихъ преступленіяхъ. Къ бичующимъ примыкали, вмѣстѣ съ увлеченными искренно, всѣ подонки общества, цѣлыя толпы преступниковъ. Религіозныя упражненія смѣнялись дикими оргіями, какъ у жрецовъ Молоха и Кибелы, дервишей Гуссейна, или служителей Кали. — Правительства принуждены были принять свои мѣры и вооруженной рукой уничтожать опасныхъ фанатиковъ. Другимъ проявленіемъ покаянія предъ разгнѣваннымъ божествомъ были повсемѣстныя преслѣдованія евреевъ, вспыхнувшія въ это время въ Европѣ. Неразъясненныя до нашихъ дней, ужасныя обвиненія противъ этихъ первыхъ враговъ христіанства воспоминались съ усугубленной силой; чернь бросалась на еврейскіе кварталы, грабила, убивала евреевъ, и правительства, пользуясь этимъ, изгоняли жидовъ, конфискуя имущество. Массы евреевъ хлынули отъ гонителей на востокъ, и съ того времени свили себѣ твердое гнѣздо въ польскихъ и сосѣднихъ славянскихъ земляхъ, немало, впоследствии,

способствуя разложенію соціальнаго быта ихъ. Орденъ не пустилъ ихъ къ себѣ. Въ такое трудное время Дусмеръ отказался отъ званія великаго магистра и преемникомъ его былъ Винрихъ фонъ-Книпроде, знаменитый въ лѣтописяхъ ордена.

М. П. Соловьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

легкая дрожь. Въ эту минуту Франсуа хотѣлъ подойти къ брату. Дядя тихимъ движеніемъ руки остановилъ его, поднялъ къ синему, безоблачному небу глаза и тихо сталъ читать молитву объ успокоеніи души усопшаго...

А. Михайловъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ.

(Окончаніе).

VI.

Походы на Литву.—Орденъ при Книпроде.—Возрожденіе Риги.—Города въ Ливоніи и Пруссіи.—Споръ ордена съ духовенствомъ объ одеждѣ.—Вассалы.—Крестьянство.—Смерть Ольгерда Книпроде и Кейстута.—Витовтъ.—Ядвига Ягайло.—Конрадъ Валленродъ.—Замирение Витовта съ Ягайломъ.—Внутреннее состояніе Ливоніи.—Поводъ къ войнѣ съ Польшей.—Битва при Танненбергѣ 1410 г.—Миръ въ Торнѣ.—Начало земскаго представительства въ Пруссіи.

Въ 1358 году Ольгердъ отправилъ Кейстута въ Нюрнбергъ, къ императору Карлу IV съ заявленіемъ о желаніи креститься. Обрадованный императоръ послалъ пражскаго архіепископа въ Вильну договариваться объ условіяхъ крещенія. Великій князь потребовалъ возвращенія жмудскихъ земель, захваченныхъ крестоносцами. Орденъ рѣшительно отказался исполнить это требованіе. «Вижу, замѣтилъ великій князь, отпуская посла, — что вамъ нужно не крещеніе мое, а моя собственность (reptia), но въ такомъ случаѣ я останусь въ язычествѣ». Карлъ IV, ждавшій литовскаго государя во Вроцлавѣ (Breslau), долженъ былъ возвратиться въ Германію съ большимъ неудовольствіемъ на орденъ.

Правленіе Книпроде считаютъ обыкновенно золотымъ вѣкомъ нѣмецкаго ордена, а великаго магистра самою вы-

дающейся личностью въ орденѣ со временъ Зальцы. Длинный рядъ великихъ магистровъ, которые правили орденомъ со времени переселенія ордена въ Пруссію, дѣйствительно, представляетъ собою длинный рядъ посредственностей, лишенныхъ какой-либо яркой индивидуальной черты, не способныхъ по своей инициативѣ поставить и разрѣшить предстоявшія ордену задачи. Самъ Книпроде ничѣмъ въ сущности не отличается отъ нихъ. Въ его время бродящія воинственные силы западной Европы, постепенно устанавливающей миръ у себя, притекали въ Пруссію въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде; въ его время Польша отдыхала отъ непрерывныхъ войнъ Локетка и избѣгала войны съ орденомъ; наконецъ, изолированная Литва все болѣе и болѣе чувствовала тяжесть борьбы со всѣмъ западнымъ христіанствомъ, и если продолжала мужественно отбиваться отъ него, то это лишь благодаря талантамъ Кейстута и Ольгерда. Это властительное положеніе ордена въ слѣдующую эпоху упадка озарило въ памяти потомства личность Книпроде тѣмъ яркимъ свѣтомъ, той славой, которые, однако, вовсе не соответствовали какимъ-либо особеннымъ талантамъ вождя крестоносцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ орденѣ, какъ во всякой монастырской корпораціи, какъ въ іезуитскомъ орденѣ, съ которымъ по своему политическо-духовному характеру нѣмецкій орденъ имѣлъ наиболѣе сходства, трудно и ожидать появленія характерной личности. Печать ордена сглаживала индивидуальность. Поэтому если славятъ Книпроде, то значитъ славятъ орденъ въ его время и, дѣйствительно, это время было эпохой полного процвѣтанія ордена.

Чтобы уяснить себѣ фізіономію ордена, необходимо постоянно имѣть въ виду, что орденскіе рыцари были прежде всего монахами. Вся конгрегація дѣлилась на двѣ главныя части: на братьевъ посвященныхъ, т. - е. священниковъ, очень немногочисленныхъ братьевъ-рыцарей, и свѣтскихъ братьевъ, составлявшихъ большинство крестоноснаго рыцарства, предводительствовавшихъ простыми ратниками; за этими

рыцарями стояли «полубратья», «служебные братья», которые могли вести совершенно свѣтскую жизнь, подѣ условіемъ отказа наслѣдства въ пользу ордена. Въ низшихъ классахъ общества такіе полубратья служили ордену шпионами, тайной полиціей. Наконецъ, орденъ занесъ съ Востока особый разрядъ полубратій—тайныхъ убійцъ, въ родѣ ассасиновъ, струтеровъ. Это были разбойничьи шайки, подвизавшіяся преимущественно на границахъ даже во время мира. Впослѣдствіи и Литва учредила у себя такихъ-же разбойничковъ (*latrones*) для орденскихъ земель. Сила ордена заключалась въ первыхъ двухъ ступеняхъ: капелланы и рыцари хранили обычаи ордена. Всѣхъ членовъ братства отличали одни и тѣ-же родовыя качества: внѣшній видъ благодушія, монашеское смиреніе, умѣнье вкрадываться въ душу и привлекать къ себѣ нужныхъ людей лъстивымъ словомъ, невинной шуткой или монастырскимъ подарочкомъ. Раскинувъ по всей Европѣ сѣть своихъ замковъ и богатыхъ помѣстій, держа въ страхѣ Литву и Польшу, крестоносецъ тщательно поддерживалъ роль смиренного, миролюбиваго и невиннаго инока. «Къ чему послужать—пишетъ великій магистръ къ одному изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ державцевъ — всѣ наши совѣты и соображенія безъ вашей могущественной помощи? Хотя-бы мы и безъ конца разсуждали со всѣхъ сторонъ о дѣлѣ, все-таки ничего изъ этого не выйдетъ, ибо окажется, въ концѣ концовъ, что будущее наше зависитъ сначала отъ Бога, потомъ отъ вашей милости». Прикрывшись непроницаемой рясою смиренія, великій магистръ терпѣливо сносилъ все, пока, по его расчетамъ, война не представляла полныхъ гарантій успѣха. Могли чертить на стѣнахъ его карикатуры, шутъ могъ издѣваться надъ нимъ, свои рыцари могли ворчать, что приличнѣе быть ему игумномъ, нежели вождемъ,—великій магистръ оставался миролюбцемъ, евангельскимъ агнцемъ. «Во-истину—пишетъ великій магистръ къ одному изъ сосѣдей, заявлявшихъ какія-то претензіи къ ордену—вина, которую вы намъ приписываете, уподобляется

винѣ, которую волкъ вмѣнялъ ослу; ибо когда волкъ не могъ уже ничѣмъ укорить осла, то обвинялъ его въ томъ, что щиплетъ траву при дорогѣ». Если случалось дѣло не-благовидное для ордена, какой-нибудь щекотливый вопросъ, требующій отъ нихъ отвѣта, то смиренный крестоносецъ прятался подъ маску скудоумія и отписывалъ несеромному корреспонденту такъ: «Увы! слишкомъ мы малоумны, чтобы господину и благодѣтелю нашему служить полезными совѣтами въ такомъ дѣлѣ, ибо, какъ мы сами (великій магистръ), такъ и всѣ наши—люди ничтожныя и простые и должны-бы имѣть разума гораздо больше, нежели на самомъ дѣлѣ имѣемъ, чтобы давать совѣты въ такихъ возвышенныхъ предметахъ». Съ такимъ-же смиреніемъ уклонялись великіе магистры отъ тягостной роли третейскихъ судей: «во-истину, слишкомъ мы несвѣдуши въ такихъ дѣлахъ... Съ дѣтскихъ лѣтъ воспитывались мы въ прусской землѣ и не приходилось намъ принимать участіе въ такихъ важныхъ дѣлахъ. Потому дѣйствія, требующія столь высокаго разумѣнія, для насъ совсѣмъ необычны». Въ силу того-же монашескаго смиренія великіе магистры, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ со всѣми коронованными особами Запада, не пренебрегали дружбой и благосклонностью сановниковъ такихъ государей, которыхъ они превосходили могуществомъ, напри-мѣръ, польскихъ воеводъ, даже обыкновенной шляхты. За-вѣряя государя, что его желанія законъ для ордена, писали его служителямъ, титулуя ихъ «дорогимъ другомъ», «возлюбленнѣйшимъ другомъ» и т. п. Еще болѣе любезностей рас-точали орденъ предъ дамами. Двойной характеръ рыцаря и капеллана могущественно привлекалъ къ интересамъ ордена сердца всѣхъ дамъ того времени. Братья, отцы, мужья враждуютъ и воюютъ съ орденомъ, сестры, дочери, жены остаются неизмѣнно вѣрными ему. Поэтому гнѣвъ короля всегда смягчается милостивымъ вліяніемъ королевы, о вред-ныхъ замыслахъ князя орденъ узнаетъ отъ существующей княжны. Эта привязанность женщинъ къ рыцарству пречи-

стой дѣвы, нерѣдко выручала орденъ изъ сильныхъ опасностей. Съ своей стороны орденъ старался всѣми средствами поддержать это расположеніе дамъ. Главнымъ притягательнымъ средствомъ были панихиды, совершавшіяся съ великой пышностью въ храмахъ орденскихъ, объ упокоеніи души каждой изъ именитыхъ благодѣтельницацъ. При жизни-же многихъ изъ нихъ сопричисляли къ «столу чести», о которомъ скажемъ впоследствии, и тѣмъ самымъ признавали причисляемую добродѣтельнѣйшей дамой христіанства. Затѣмъ между орденомъ и дамами происходилъ постоянный обмѣнъ небольшими или значительными подарками, причемъ, въ выборѣ ихъ, рыцари-монахи проявляли удивительное знакомство съ наклонностями и вкусомъ своихъ друзей. Чаше всего орденъ дарилъ дамамъ по нѣсколько бочекъ хорошаго рейнвейна — въ то время дамы очень любили вино. Иногда онѣ получали рѣдкій въ то время продуктъ — заморскій сахаръ, или конфекты, приготовленіе которыхъ составляло тайну ордена. Литовская княгиня получила отъ ордена клавикордъ, а польской королевѣ великій магистръ отказываетъ по завѣщанію свою смирную собачку (Sein frommes Hündlein) съ серебрянымъ обручикомъ на шеѣ. Такіе подарки нерѣдко были простымъ видомъ подкупа. Королей задабривали золоченымъ оружіемъ, дорогими шубами, гончими собаками, особенно соколами и кречетами, которые тогда считались драгоцѣннѣйшимъ даромъ отъ ордена. Такіе соколы, кречеты и ястреба каждый годъ разсылались ко всѣмъ главнымъ государямъ Европы. Кого нельзя было уловить соколами, картинами и соленьями, тѣмъ предлагалось чистое золото. Главнымъ образомъ, деньги текли въ папскую резиденцію. «У насъ въ Римѣ — пишетъ повѣренный ордена, — тотъ, кто имѣетъ и даетъ, еще больше пріобрѣтаетъ и получаетъ, а потому орденъ долженъ позаботиться о пріязни четырехъ кардиналовъ и другихъ тайныхъ доброжелателей, которыхъ нельзя удержатъ безъ частыхъ знаковъ почтенія». То же самое было и при императорскомъ дворѣ. Эти подарки лились

изъ орденской казны щедро, но всегда весьма обдуманно. Вообще орденское начальство было скупое на затраты и вела тщательный счетъ всѣмъ расходамъ. Записывалось рѣшительно все: каждая горсть перцу, каждая куртка почталюну—у ордена была своя почта—каждый грошъ, данный великимъ магистромъ лодочнику. До сихъ поръ эти документы горами сложены въ тайномъ архивѣ Кёнигсберга. Щедрые подарки и строгая экономія давали высокое понятіе о богатствахъ ордена. Дѣйствительно, великій магистръ могъ безъ хвастовства говорить о горахъ золота въ Маріенбургѣ. Кромѣ высокихъ налоговъ, кромѣ выгодной торговли на Поморьѣ, орденъ получалъ щедрые вклады и отказы отъ своихъ благодѣтелей и благодѣтельницъ. Полубратья обыкновенно по смерти отписывали все имущество въ орденъ. Главною-же статьею орденскихъ доходовъ и хозяйства были его денежные обороты, ростовщичество. Орденъ былъ самымъ крупнымъ банкиромъ тогдашней Европы и обыкновенно совершалъ свои сдѣлки подъ видомъ покупки чиншей, но крупныя ссуды владѣтельнымъ князьямъ выдавались не иначе, какъ подъ заставъ ихъ владѣній (*antichretis*). Земли, попавшія въ заставъ, почти никогда не возвращались собственникамъ. Эти денежные средства давали ордену возможность вести войны уже не своими, а наемными силами, и мы видѣли уже, что при внезапномъ нападеніи Кейстута, орденъ не рѣшался выступить изъ замковъ безъ призыва наемниковъ. Орденское управленіе было строго бюрократическое. Въ тайную канцелярію великаго магистра стекались вѣсти изъ всей Европы, писанныя иногда особымъ тайнымъ шифромъ, и изъ нея-же, для развлеченія благодѣтелей ордена, разсылались посланія съ послѣдними новостями и диковинками дня. Каждый походъ сопровождался подробнымъ описаніемъ пройденной страны съ подробнымъ указаніемъ дорогъ, переправъ, естественныхъ препятствій. Арсеналы и склады ордена были наполнены оружіемъ и запасами. Вскорѣ послѣ первыхъ опытовъ съ пушками, въ Пруссіи заведены были литейни въ

Данцигъ и Мариенбургъ. Но за то о развитіи просвѣщенія не было приложено никакихъ стараній. Для вида орденъ заявилъ папѣ о намѣреніи основать академію въ Хелмѣ, но на этомъ и остановился. Придавленные, бѣдные монастыри никогда не имѣли въ Пруссіи и тѣни того просвѣтительнаго значенія, которымъ они славились во всемъ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ. Тщетно Книпроде старался просвѣтить рыцарей и выписывалъ съ этой цѣлью ученыхъ юристовъ изъ Италіи и Германіи. Недостатокъ образованія поддерживалъ среди братій грубость нравовъ, цинизмъ и своеволие. Мариенбургъ былъ клоакою распутства, на которое бдительная полиція ордена смотрѣла сквозь пальцы. Во многихъ конвентахъ Германіи рыцари во времена Книпроде отличались такимъ-же безбожіемъ, какъ тамплиеры. Орденскіе обѣты вообще соблюдались крайне небрежно, рыцари удалялись къ роднымъ и вели совершенно свѣтскую жизнь. Книпроде, подобно своимъ предшественникамъ, тщетно возставалъ противъ этого хронически возобновляющагося зла. Относительно мѣстныхъ епископовъ рыцари позволяли себѣ самыя грубыя насилія, но въ то же время полуязыческіе колдуны вселяли въ нихъ суевѣрное понятіе: съ ними нерѣдко совѣщался передъ походомъ и великій магистръ. Тайныя науки, астрологія и т. п. также находили себѣ адептовъ въ орденѣ.

Сынъ своего вѣка, Книпроде отличался формальной набожностью. Трудно представить себѣ теперь то почтеніе, которымъ окружались мощи. Кто только могъ, носилъ ихъ неразлучно на себѣ. Чешскій король Вацлавъ возилъ постоянно за собой драгоцѣнный сундукъ съ реликвіями и влѣзалъ въ него всякій разъ, какъ только начиналась гроза, которой онъ страшно боялся. Распространено было вѣрованіе, что можно щедро удѣлять частицы мощей, ибо онѣ чудодѣйственно восстанавливаютъ прежній размѣръ. Въ 1360 году Книпроде посѣтилъ знаменитый Оливскій монастырь, основанный въ концѣ XII столѣтія поморскими князьями и

донинѣ украшенный изображеніями поморскихъ князей и магистровъ. Тамъ благоговѣйно облобызаль онъ знаменитыя монастырскія святыни: часть хитона Божіей Матери, зубъ Маріи Магдалины, частицу животворящаго креста, сучокъ неопалимой купины, въ которой Богъ явился Моисею, и мощи двадцати одного мученика. По просьбѣ его, епископъ надеборнскій прислалъ ему еще частицу «подлинныхъ» мощей св. Либорія съ пожеланіями побѣдъ надъ противниками вѣры и съ увѣреніемъ, что присланная святыня даруетъ ордену успѣхъ въ войнѣ съ язычниками.

Какъ полководецъ, Книпроде былъ не лучше своихъ предшественниковъ и стоялъ значительно ниже Кейстута. Военные успѣхи ордена, главнымъ образомъ, уже зависѣли отъ наплыва закаленного въ школѣ столѣтней войны западнаго рыцарства; въ послѣдніе-же годы магистерства Книпроде, когда притокъ пилигримовъ ослабѣлъ, магистръ показывался въ полѣ только съ сильной арміей наемниковъ. Орденъ, какъ сила финансовая по преимуществу, воевалъ не иначе, какъ наемными мечами. Но въ первое время рыцарство набѣжало въ Пруссію со всѣхъ сторонъ. Въ 1362 и 1370 году Книпроде удалось послѣ упорной защиты занять Ковно и въ двухдневной битвѣ при Рудаувъ разбить Ольгерда. Война не прекращалась на границахъ, благодаря нѣмецкимъ струттерамъ и литовскимъ разбойничкамъ, никогда даже въ короткіе промежутки перемирія. До насъ дошло поэтическое описаніе одного изъ такихъ походовъ, въ которомъ принималъ участіе австрійскій эрцгерцогъ Альбрехтъ, воспѣтое его придворнымъ стихотворцемъ Зухенвиртомъ. Въ своихъ панегирикахъ, поэтъ оставилъ намъ живую, подъ часъ согрѣтую юморомъ, картину рыцарскаго общества, въ которомъ протекла его жизнь. Это общество было уже въ сильномъ разложеніи. Безурядица, наступившая въ Германіи послѣ Гогенштауфеновъ, разбила прежнюю цѣльность рыцарства. Одни изъ нихъ, заѣвъ въ своихъ крѣпкихъ замкахъ, сдѣлались придорожными грабителями. Другіе, «матушкины

сынни», применили къ зарождавшемуся придворному быту, старались пораньше жениться на богатыхъ невѣстахъ, преимущественно на вдовахъ, и всего менѣе искали рыцарскаго подвига. Эти юнкера предпочитали танцы и застольныя бесѣды подвижной жизни прежняго времени, боялись бѣгать, прыгать, бороться, чтобы не испортить туго зашнурованныхъ, толсто простеганныхъ ватой на плечахъ и бедрахъ платьевъ. Они носили длинные локоны, нерѣдко изъ накладныхъ волосъ, и заплетали свои волосы въ косы. Лица ихъ были набѣлены и разрисованы. Храбрость почерпаютъ они въ винѣ и перцѣ. Прежняя свобода и самостоятельность рыцарства предъ государами давно замѣнилась льстивымъ придворнымъ этикетомъ. Уже въ то время государи, начинаютъ вводить однообразіе въ костюмъ своего придворнаго штата, либерію или ливрею. Уже появляются государи, явно отдающіе предпочтеніе мирнымъ горожанамъ и цѣнящіе тишину въ странѣ выше военныхъ успѣховъ. Но не вымерли еще и представители рыцарей настоящаго закала, соблюдавшіе обѣты рыцарства относительно вѣры и дамъ. Изъ такихъ героевъ, по увѣренію Зухенвирта, состояла многочисленная свита Альбрехта, долговязаго, привѣтливаго и этикетнаго, какъ всѣ Габсбурги. Съ 50 рыцарями и 2.000 ратниками прибылъ Альбрехтъ чрезъ Вроцлавъ въ Торунь и былъ пышно встрѣченъ магистромъ, сановниками ордена и множествомъ дамъ, сіявшихъ красотой, нарядами и драгоценностями. Рядъ ежедневныхъ пировъ, на которыхъ рѣкою текли рейнвейнъ и пряныя вина южной Европы, подаваемые въ массивныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, сопровождалъ путь эрцгерцога до Кёнитсберга, гдѣ заключительнымъ торжествомъ былъ таеъ называемый столъ чести. Въ пиршественной залѣ, а нерѣдко и на непріятельской землѣ, на особомъ возвышеніи ставили столъ, прикрытый богатымъ балдахиномъ. За этимъ столомъ, въ подражаніе рыцарямъ круглаго стола мифическаго Артура или романическаго Карла Великаго, сажали двѣнадцать рыцарей, изъ всѣхъ собравшихся

воиновъ наиболѣе прославленныхъ своими подвигами. Это число иногда упало до десяти, одинъ разъ дошло до пятнадцати. Тогдашніе рыцари считали величайшимъ отличіемъ причисленіе къ столу чести. Мы видѣли, что иногда и дамы удостоивались такой чести. За обѣдомъ высшіе сановники ордена прислуживали паладинамъ, а подъ конецъ обѣда имъ подносились богатые дары, кубки, наполненные червонцами, и т. п. Въ Кѣнигсбергѣ на первое мѣсто былъ посаженъ австрійскій рыцарь Конрадъ фонъ-Край, покрытый ранами въ бояхъ ордена. Послѣ стола чести отправились въ походъ и у Мемеля вступили въ Литву. Страна была пустынна и непривѣтна. Дороги, хуже чѣмъ въ Венгріи, несказанно затрудняли движеніе обоза, наполненнаго всѣми приспособленіями тогдашняго комфорта, всѣми утонченностями тогдашней кухни и погреба, безъ которыхъ рыцари признавали невозможнымъ обойтись даже на войнѣ. Холодный вѣтеръ пронизывалъ ихъ и ломалъ деревья. Приходилось прорубать просѣку. Тяжелое вооруженіе, которое обыкновенно везли на возахъ, здѣсь пришлось надѣть въ ожиданіи внезапныхъ нападеній, и непривычные падали въ обморокъ. Прежнее веселое настроеніе исчезло и смѣнилось уныніемъ. На другія сутки подошли къ жмудской деревнѣ, гдѣ засталъ веселую свадьбу. При заревѣ горячей деревни, среди труповъ язычниковъ, Альбрехтъ былъ посвященъ въ рыцари и затѣмъ самъ посвятилъ въ рыцари семьдесятъ—четырехъ оруженосцевъ. Начали опустошать окрестныя селенія, раздѣлившись на семь отрядовъ. На третій день подошли къ Россіенамъ. Разоривши еще каеую-то область, войско потребовало возвращенія, такъ какъ начался снѣгъ, градъ, гололедица. Послѣ восьмидневной экспедиціи, ни разу не встрѣтившись съ вооруженной силой, войско возвратилось вдоль по морскому берегу въ Кѣнигсбергъ. Новопоставленные рыцари вернулись домой, доблестно потрудившись за вѣру въ борьбѣ съ свирѣпыми язычниками. — Въ такомъ родѣ были почти всѣ походы рыцарства на Литву.

Орденское правительство въ Ливоніи далеко не могло достигнуть такого-же государственнаго единства и цѣльности, какое мы видимъ въ это время въ Пруссіи. Прежняя самостоятельность различныхъ земскихъ элементовъ, существовавшая въ XIII столѣтіи, безпрестанно подавляемая орденомъ, постоянно давала новые отпрыски, постоянно протестовала противъ орденскаго полновластія. Снизойдя со степени сильнаго торговаго государства на положеніе зависимаго торговаго города въ 1330 году, Рига, однако, воспользовалась земскимъ замиреніемъ, возстановила свои торговыя связи съ Новгородомъ и Псковомъ и вновь вмѣстѣ съ Данцигомъ появляется уважаемымъ членомъ девяти ганзейскихъ городовъ—метрополій. Снова богатства стали притекать въ городъ и снова городъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы рѣшиться на оппозицію ордену. Въ правленіе Книпрوده повысилось значеніе и другихъ прусскихъ городовъ, бывшихъ, по большей части, въ ганзейскомъ союзѣ. Орденъ, ведя вмѣстѣ съ ними прибыльную торговлю, особенно съ нидерландами, спокойно смотрѣлъ на усиленіе городского сословія и не вмѣшивался во внутреннюю жизнь этихъ средне-вѣковыхъ республикъ. Ливонскіе города не могли сравняться богатствомъ и значеніемъ съ прусскими. Ихъ было мало и не было для нихъ той опоры, которую прусскіе города находили въ сильномъ уже нѣмецкомъ сельскомъ населеніи: все сельское населеніе въ Ливоніи состояло изъ враждебныхъ нѣмцевъ-туземцевъ. Только три города во всей Ливоніи пользовались нѣкоторымъ значеніемъ въ государствѣ: Рига, епископскій Дерптъ и датскій Ревель, щедро одаренные привилегіями своихъ прежнихъ государей и принимавшіе большое участіе въ русской торговлѣ. Они находились въ тѣсномъ союзѣ между собою и были ленами Ганзы. Всѣ три города пользовались значительными автономическими правами о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить впоследствии, подводя итоги ливонской государственной жизни. Всѣхъ городовъ было до тридцати, изъ которыхъ тринадцать

находились въ епископскихъ владѣніяхъ, а остальные стояли на орденской землѣ. Кромѣ трехъ главныхъ городовъ, Венденъ имѣлъ значеніе, какъ резиденція ливонскаго магистра. Галсаль—какъ мѣстопробываніе эзельскаго епископа, Перновъ—какъ гавань Дерпта, и Нарва—какъ складочное мѣсто ревелльской торговли. Прочіе города были совершенно ничтожны и войны слѣдующихъ вѣковъ или совсѣмъ изгладили ихъ съ лица земли, или низвели на степень незначительныхъ посадовъ. Эти меньшіе города (*die lütken Städte*) точно также имѣли городскую управу, голандія, цехи, даже (Вольмаръ и Венденъ) дома черноголовыхъ, возникшихъ изъ «артуровыхъ палатъ», были окружены каменными стѣнами и въ то разбойное время были очень полезны, какъ безопасныя станціи на путяхъ между торговыми центрами.

Полновластію ордена препятствовалъ и другой униженный, но не побѣжденный врагъ архіепископъ, продолжавшій борьбу съ тѣмъ неодолимымъ упорствомъ, терпѣніемъ и неистощимою изобрѣтательностью въ изысканіи средствъ борьбы, къ которымъ такъ способна латинская іерархія и западное монашество.

Заложивъ своему вассалу Тизенгаузену замки Пebaлыгъ и Зервенъ, архіепископъ Фромгольдъ Фифгузенъ заручился содѣйствіемъ шведскаго короля и безъ труда выхлопоталъ себѣ у Иннокентія VI буллу, по которой Рига передавалась архіепископу, исполненіе—же буллы поручалось епископамъ ревелльскому и линкминскому (въ Швеціи), которымъ предоставлялось призвать на помощь и свѣтскія власти. Орденъ, конечно, не помышлялъ о подчиненіи и потому павлекъ на себя отлученіе, оповѣщенное всему христіанскому міру (1354). Фромгольдъ обратился послѣ этого къ императору Карлу IV, который подтвердилъ всѣ привилегіи, данныя его предшественниками, установивъ за нарушенія ихъ пеню во сто марокъ. Эти угрозы также ни мало не подѣйствовали на орденъ. Вновь дерптскій и вестересскій епископы разослали повсюду посланія, призывая небо, землю и

алѣ къ исполненію папскаго повелѣнія и разрѣшая рижскихъ горожанъ отъ присяги ордену (1360). Орденъ оставался непоколебимымъ и лишь отписывался, путая дѣло возраженіями и протестами и стараясь, по своему обыкновенію, затянуть дѣло и побѣдить затѣмъ своихъ враговъ истощеніемъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для единообразнаго направленія авиньонской политики. Вмѣстѣ съ этимъ орденъ старался закупить экзекуторовъ буллы и перетянуть на свою сторону рижское бюргерство; но враги не дремали, и результатомъ происковъ было то, что интердиктъ обрушился и на Ригу, такъ что священнодѣйствіе совсѣмъ прекратилось въ городѣ. Проволочка, очевидно, не помогала, и орденъ началъ ощущать безпокойство. Наконецъ, въ 1366 году, при посредствѣ Книпроде, въ Данцигѣ состоялось соглашеніе между ливонскимъ орденскимъ рыцарствомъ и архіепископомъ, которое на нѣсколько лѣтъ прервало вѣковой споръ ордена съ духовенствомъ.—Существенными пунктами примиренія были слѣдующіе: орденъ уступаетъ архіепископу власть надъ Ригою, но сохраняетъ за собой орденскій замокъ и прочія зданія.—Граждане разрѣшаются отъ присяги ордену, но по прежнему, должны были выставлять на помощь ордену военную силу и архіепископъ не долженъ противиться этому. Съ своей стороны, архіепископъ отказался отъ притязаній на всѣ земли и замки, какъ принадлежавшіе ордену, такъ и состоящіе въ его владѣніи, и освободилъ ливонскаго магистра и орденъ отъ обязанности приносить присягу на послушаніе рижскимъ архіепископамъ. Этимъ договоромъ стѣснялось на будущее время развитіе орденской власти, и отчасти возстановлялось прежнее равновѣсіе между клиромъ и рыцарями. Искусственность и номинальность такого равновѣсія были, однако, плохимъ ручательствомъ за его долговѣчность. Не смотря на побѣду, Фромгольдъ не рѣшился пріѣхать въ свою столицу, но отправился въ Римъ, гдѣ и скончался въ 1369 году. Преемникомъ его былъ Зигфридъ Бломбергъ, принадлежавшій къ одному ливонскому

дворянскому роду. Орденъ захватилъ Селонію и Ольмію (по Двинѣ; Зельбургъ и Гольмъ), принадлежавшіе архіепископу, и давняя вражда воскресла съ прежнимъ ожесточеніемъ. Бломбергу вздумалось замѣнить бѣлый цвѣтъ одеждъ рижскаго капитула, одинаковый съ орденскимъ цвѣтомъ,—чернымъ, что-бы рѣзче выразить независимость духовенства и его вражду къ ордену. По этому поводу начался знаменитый споръ, бывшій въ сущности лишь новой формой прежняго антагонизма, споръ объ одеждѣ, который тянулся около восьмидесяти лѣтъ. Само по себѣ является характеристичнымъ проявленіемъ тогдашней монастырской и клерикальной жизни, что такой незначительный поводъ могъ быть предметомъ ожесточеннаго спора между почти державными государями, какъ архіепископъ и магистръ. Первый епископъ Мейнгартъ ввелъ въ икскюльскомъ конвентѣ одежду монаховъ своего Сегебертскаго монастыря, состоявшую изъ коричневой или черной рясы и такого-же куколя. Когда епископъ Альбертъ учредилъ орденъ меченосцевъ, рыцари приняли одежду тамплиеровъ, а орденскіе капелланы—бѣлую одежду, которую Альбертъ (1208) сдѣлалъ обязательною и для своего капитула; въ 1222 году бѣлый цвѣтъ сталъ цвѣтомъ рижскаго капитула и потому еще, что Альбертъ ввелъ уставъ ордена премонстрантовъ, цвѣтъ одежды котораго былъ также бѣлый. Когда меченосцы слились съ нѣмецкимъ орденомъ, орденскіе нѣмецкіе капелланы видоизмѣнили бѣлую одежду только орденскимъ чернымъ крестомъ. Капитулъ и рыцари одинаково носили цвѣтъ невинности, когда, въ 1370 году, Бломбергъ представилъ папѣ Григорію IX, что во всей Ливоніи нѣтъ болѣе ни одного премонстрантскаго монастыря, что поэтому орденъ премонстрантовъ падаетъ въ общественномъ уваженіи, не привлекаетъ къ себѣ новыхъ членовъ, одежда же неимущихъ монаховъ подвергается посмѣянію, а въ виду такихъ соображеній будетъ приличнѣе возвратиться къ черной одеждѣ Мейнгартова времени. Папа уважилъ представленіе архіепископа, и такъ называемой буллою объ одеждѣ

(10 окт. 1373 г.) предписалъ вновь принять черныя рясы августинскихъ монаховъ. Магистръ, хорошо понимавшій мотивы дѣйствій архіепископа, усмотрѣлъ въ этой переимѣнѣ оскорбленіе для ордена и настоятельно требовалъ, чтобы архіепископъ и капитулъ носили «орденское платье». Когда Бломбергъ отказался исполнить требованіе, тогда магистръ Фреймерсгеймъ прибѣгнулъ къ насилію и захватилъ церковныя замки по Двинѣ. Бломбергъ бѣжалъ въ Авиньонъ и въ томъ-же году умеръ тамъ, передавъ продолженіе новаго спора своему преемнику Іоганну Зинтену. Снова интердиктъ былъ наложенъ на орденъ съ прежними послѣдствіями. Фреймерсгеймъ между тѣмъ воспользовался споромъ, чтобы «подвести всѣ церковныя земли подъ бѣлую мантию» (*Sub candidum vocare pallium*). Характеристичнымъ является то, что, совершая, въ сущности, грубѣйшія насильства, орденъ всегда прикрывалъ свои захваты юридическими формами, хотя-бы самой сомнительной важности. Въ природѣ этого полумонашескаго учрежденія лежало стремленіе остаться предъ судомъ потомства въ одѣяніи юридической правоты. Нерѣдко удавалось это имъ и на судѣ у современныхъ государей (напримѣръ покупка Помераніи). Эта склонность къ формальной правотѣ, къ юридическимъ пререканіямъ о буквѣ права, давно уже утратившаго всякій жизненный смыслъ, до того въѣлась въ плоть и кровь современныхъ ордену ливонскихъ нѣмцевъ, что пережила самый орденъ и до сихъ поръ составляетъ палладіумъ остзейскихъ вольностей. Эта система, имѣя несомнѣнныя достоинства, вмѣстѣ съ тѣмъ страдала тѣмъ недостаткомъ, что оставляла, вслѣдствіе шаткости папской юстиціи, результаты въ сомнительномъ положеніи. «Прямой путь насилія, вѣроятно, рѣшительнѣе опредѣлилъ-бы отношенія въ ливонскомъ государствѣ и, конечно, не давалъ-бы всей орденской политикѣ той отвратительной окраски, въ которой она является предъ нами теперь». (Рутенб. I, 407). Духовенство, однако, на этомъ поприщѣ оказалось достойнымъ противникомъ ордена. Подходамъ и

крючкамъ ордена оно съумѣло противопоставлять такую интригу и такое крюкотворство, что орденъ оставался побѣжденнымъ въ большинствѣ случаевъ этой кампаніи.

Завладѣвъ замками, магистръ обратился къ вассаламъ архіепископа. Магистру удалось убѣдить многихъ вассаловъ заложить или совсѣмъ продать свои лены ордену. По феодальному праву такія дѣйствія были явной фелоніей, но обычай пустилъ корни, и на сеймѣ въ Лемзалѣ въ 1392 году, престарѣлый вассалъ архіепископа, Бартоломей Тизенгаузенъ заявилъ, что съ незапамятныхъ временъ существовало въ Ливоніи обычное право, въ силу котораго обѣднѣвшій вассалъ, немогшій выплатить своихъ долговъ, могъ заложить или продать свое ленное помѣстье равному себѣ, не испрашивая соизволенія у своего сюзерена. Если-же пріобрѣтатель жилъ внѣ предѣловъ епархіи, то вассалъ долженъ былъ сперва предложить своему сюзерену пріобрѣсти помѣстье за ту цѣну, которую ему давалъ покупатель или залогодержатель. Нарушеніямъ присяги этотъ прекрасный обычай открывалъ удобный и широкій входъ: стоило только предложить архіепископу пріобрѣсти помѣстье за недоступную для него цѣну. Зинтенъ громко протестовалъ противъ этой системы.—Въ дерптской епархіи магистру удалось купить нѣсколько замковъ у неправильно поставленнаго епископа изъ орденскихъ капеллановъ. Въ объясненіи папѣ магистръ успокоительно пишетъ, что удерживаетъ замки «для святѣйшаго отца». Въ эзельской епархіи орденъ успѣлъ привлечь на свою сторону соборный капитулъ и коадьютора, Винриха фонъ-Книпрوده, племянника великаго магистра. Старый епископъ Германъ былъ схваченъ и засаженъ въ крѣпкую башню въ Аренсбургѣ, гдѣ его и удавили. «Такой участи—говоритъ Кранцъ—до тѣхъ поръ не подвергался еще никто изъ епископовъ». Орденъ поспѣшилъ предупредить обвиненія оправданіями. Въ посланіи къ папѣ магистръ проситъ не винить ни капитулъ, ни ревельскаго комтура въ смерти престарѣлаго епископа, распространяется о дѣтской

неразумности, о вспыльчивости убитого старика и слагаетъ подозрѣніе на другихъ лицъ. Папа назначилъ Зинтена слѣдователемъ по этому дѣлу, но капитулъ протестовалъ, обвиняя Зинтена въ пристрастіи, взводя на него вину въ плѣненіи своего епископа, называя его убійцей и разбойникомъ. Вассалы распались на сторонниковъ Зинтена и капитула и въ теченіи двухъ лѣтъ въ несчастной епархіи продолжались грабежи, разбои и убійства, обратившіе эту богатѣйшую изъ епархій Ливоніи въ разоренную пустыню, пока наконецъ капитулъ и вассалы не обратились въ 1383 году съ просьбой къ архіепископу и ордену возстановить порядокъ вооруженной рукой, чтобы спасти страну отъ конечной гибели. Съ наемнымъ войскомъ Зинтенъ и магистръ двинулись къ границамъ епархіи, выслушали вассаловъ, и подѣ страхомъ смерти и конфискаціи предписали прекращеніе безпорядковъ. Но едва наемники разошлись, усобицы возобновились и продолжались до тѣхъ поръ, пока Винрихъ Книпроде, наконецъ, былъ утвержденъ въ санѣ эзельскаго епископа. Новый владыка, снискавшій помощь капитула противъ убитого епископа, отличался такими качествами, которыя живо рисуютъ духовенство того времени и даютъ основаніе полагать, что ливонское духовенство отнюдь не превосходило своихъ враговъ рыцарей пастырскими добродѣтелями. Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ его канониковъ горько жалуется, что доходы съ приходовъ и одного имѣнія, назначенные на уплату долговъ ревальскому магистрату, епископъ Винрихъ употребляетъ на содержаніе какой-то распутницы, своей любовницы *en titre*. Въ это время другой епископъ, Отгонъ Куронскій, оставилъ по себѣ слѣды въ исторіи, какъ атаманъ шайки разбойниковъ. Въ союзѣ съ комтурами Гольдингена, Виндавы и Кандавы, во главѣ отряда орденскихъ рыцарей онъ грабилъ и разбойничалъ по большимъ дорогамъ своей епархіи и разорялъ обширныя владѣнія рижской кафедральной церкви въ Куроніи, издавна разжигавшія любостязаніе епископовъ куронскихъ и ордена.

Рижской церкви, послѣ усмиренія Куроніи Грюнингеномъ, отданы были земли дондангенскаго и тергельнскаго округовъ съ замками и мызами, отъ моря до нижняго теченія Виндавы, подходившія границами подъ самый Пильтень. Этими землями непосредственно завѣдывалъ соборный капитулъ и извлекалъ изъ нихъ большіе доходы. Уже предшественники Оттона успѣли оторвать нѣсколько клочковъ земли въ свое владѣніе. Оттонъ пошелъ дальше. Не довольствуясь нарушеніемъ межъ и перестановкой межевыхъ знаковъ на семь миль въ глубину соборныхъ земель, онъ неоднократно наѣзжалъ и грабилъ дондангенскій замокъ и его мызы и селенія, нападалъ на канониковъ и чиновниковъ капитула, грабилъ ихъ и неистовствовалъ надъ ними, нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ захватывалъ въ плѣнъ и держалъ по цѣлымъ годамъ въ цѣпяхъ, въ тяжкомъ заключеніи. Тѣ, которые осмѣливались свидѣтельствовать о его злодѣйствахъ, даже въ Ригѣ погибали отъ руки его клевретовъ. Туземцы разбѣгались изъ соборныхъ земель. Въ скоромъ времени владѣнія капитула обратились въ пустыри, за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Капитулъ пожаловался папѣ. Факты обвиненія были доказаны, заочнымъ рѣшеніемъ епископъ Оттонъ съ соучастниками былъ приговоренъ къ всевозможнымъ карамъ (1387), но не только не испугался, но явно похвалялся своими подвигами и продолжалъ совершать ихъ. Пятьдесятъ лѣтъ старался капитулъ установить сносныя сосѣдскія отношенія, но неудачно, и наконецъ продалъ свои земли куронскому епископу Іоанну за 6,037 марокъ (1434 г.).

При такомъ явномъ презрѣніи къ праву, если только встрѣчалась возможность съ успѣхомъ нарушать его силой, со стороны духовенства, трудно было бы и ожидать, чтобы и другія сословія, чувствуя силу, добросовѣстно относились къ своимъ законнымъ обязанностямъ. Антагонизмъ клира и ордена, обновившійся въ пререканіи объ одеждѣ, выдвигалъ на сцену вассаловъ церкви, и ордена и эти послѣдніе не могли не воспользоваться благопріятнымъ случаемъ возвы-

свить свое значеніе. Они вполнѣ сравнивались по сословнымъ привиллегіямъ съ дворянствомъ Германіи и, кромѣ того, успѣли приобрѣсти право на занятіе высшихъ должностей, свободу отъ податей, право вотчиннаго суда, свободу отъ личнаго задержанія, право на исключительное пользованіе лѣсами, привиллегію охоты и т. п. Уже въ XIV вѣкѣ они являются корпораціей, вполнѣ развившеюся въ XV столѣтіи—въ четвертый земскій чинъ, на ряду съ орденомъ, кляромъ и городами. Зачатки корпоративнаго устройства впервые встрѣчаются въ той-же колыбели привилегій балтійскаго дворянства—въ Гарріи и Вироніи. Въ Ливоніи корпоративныя права возникаютъ въ это время по поводу споровъ архіепископа съ знатными родами Тизенгаузеновъ и Искюлей. Для разбирательства споровъ о ленныхъ правахъ собираются такъ—называемые сеймы мужей (Manntage), судьями (Mannrichter) и засѣдателями на которыхъ являются вассалы. Эти маннтаги положили прочное начало развитію рыцарскаго обычнаго права, конечно, въ высшей степени одностороннему. Уже отъ 1385 года до насъ дошелъ полный письменный отчетъ объ одномъ сеймѣ, на которомъ разбирали дѣло Геннинга Питкенера, котораго архіепископъ обвинялъ въ различныхъ преступленіяхъ. Жалобы епископа подтвердились. Какъ мягко относились вассалы судьи къ грѣхамъ своихъ собратій, видно изъ слѣдующаго приговора: 1) Геннингъ обязуется колѣнопреклоненно повергнуть на милосердіе своего сюзерена свою участь, тѣло и ленъ и покорно просить о милостивомъ отпущеніи ему всѣхъ проступковъ и обидъ, словомъ или дѣломъ совершенныхъ имъ. 2) Означенный Геннингъ, братъ его Отто и ихъ наслѣдники должны навсегда отказаться отъ притязаній на помѣстье Канкемуише. 3) За увѣчье (mutilatione), убійство, отрѣзаніе другихъ членовъ (alioquot membrorum truncatione), которымъ Геннингъ съ соучастниками подвергали подданныхъ архіепископа въ посрамленіе сего послѣдняго, изувѣченные и родственники убитыхъ должны получить удовлетвореніе,

а на поминъ душъ убіенныхъ должны виновные выдать 20 рижскихъ марокъ для устройства приходской церкви въ Лемзаль. — 5) Ненависть, преслѣдованія и недоброжелательство, къ которымъ могли подать поводъ какимъ-нибудь образомъ поступки и слова, здѣсь на судѣ и внѣ суда, геннинговой родни и челяди, должны быть забыты и покончены навсегда. 6) Но если Геннингъ вновь примется за дѣла, которыя онъ намѣренъ совершить, тогда настоящая сдѣлка и примиреніе прекращаются, какъ будто-бы ихъ вовсе не было, и всѣ отношенія восстанавливаются въ томъ видѣ, въ какомъ были до приговора». Очевидно изъ этого, что матеріальная сила была на сторонѣ архіепископа. Геннингъ призналъ приговоръ правильнымъ. Слѣдуетъ сцена примиренія съ епископомъ. «Снявъ плащъ, поясъ и кинжалъ, Геннингъ повергся на землю колѣнопреклоненно предъ сюзереномъ, отдалъ на милость его свое тѣло и помѣстье и, покорно сложивъ руки, просилъ воспріять его въ прежнюю милость и простить обиды, нанесенныя словомъ или дѣломъ. Владыка архіепископъ, снисходя на общую просьбу, изрекъ прощеніе Геннингу, равно и брату его Оттону, и укрѣпилъ за ними обоими помѣстья цѣлованіемъ (*per traditionem osculi infeudavit*). Затѣмъ оба они встали, произнесли, поднявъ персты, ленную присягу и обѣщали вѣрность ихъ ленному владыкѣ архіепископу».

Нетрудно заключить, какъ тяжело было положеніе туземцевъ. Рабство одинаковымъ гнетомъ лежало теперь на латышахъ и эстахъ. Совершенно безправные, они были отданы на произволъ безсовѣстныхъ и грубыхъ господъ. Безземельные холопы и рабы (*Drellen*), подобно африканскимъ невольникамъ, не имѣли даже семейныхъ правъ. Мужъ, жена и дѣти могли быть распроданы по одиночкѣ. Сохранилось отъ 1375 года письмо, въ которомъ нарвскій фогтъ проситъ, «чтобы Людекъ Вильде возвратилъ ему купленную Людекомъ у него женщину, получивъ обратно свои деньги, такъ какъ мужъ этой женщины оказалъ полезныя услуги, какъ про-

водникъ». Потомки завоевателей, пребывавшіе въ глубокой тѣмѣ невѣжества, унаслѣдовывали отношенія къ побѣжденнымъ, сложившіяся при ихъ отцахъ, воспитывались въ этой развращающей атмосферѣ рабства и могли лишь слѣдовать и развивать тѣ основы, на которыхъ покоился социальный строй ихъ родины.—Въ 1391 году Зинтену удалось выхлопотать буллу, по которой капитулу возстановлялось черное одѣяніе временъ Мейнгарта и признавались недѣйствительными пріобрѣтенія орденомъ вассальныхъ владѣній церкви. Орденъ продолжалъ покупать помѣстье за помѣстьемъ; когда же новой буллой папа пригрозилъ ордену страхомъ наказанія—ливонскій магистръ Веннемаръ Брюненъ захватилъ крѣпкій архіепископскій замокъ Салисъ, на берегу моря, и заставилъ Зинтена бѣжать въ Любекъ. Оттуда разсылалъ онъ жалобы къ папѣ, чешскому Вацлаву и польскому Ягайлу, моля о помощи. Всѣ были возмущены поступками рыцарей. Конрадъ Валленродъ, великій магистръ, наивно извертывался полнымъ невѣдѣніемъ о дѣлахъ Ливоніи, но тѣмъ не менѣе захваченнаго не только не отдалъ, но, закупивъ папскій дворъ, достигъ вмѣстѣ съ Веннемаромъ Ливонскимъ того, что въ 1394 году папа радикально измѣнилъ воззрѣніе и призналъ рижскую архіепископію учрежденіемъ не августинскаго, но тевтонскаго ордена, и обязалъ капитулу носить бѣлую орденскую одежду; вмѣстѣ съ этимъ орденъ освободился отъ отлученій и всѣхъ грѣховъ и за то обѣщалъ доходы съ захваченныхъ земель, 11½ т. гульденовъ, представлять папѣ за все время, пока эти земли и замки «для пользы христіанства» останутся въ рукахъ ордена. Новый рижскій архіепископъ, Іоганнъ Валленродъ, уже принадлежалъ къ нѣмецкому ордену Овладѣвъ архіепископіей, орденъ задумалъ захватить и епископства, но встрѣтилъ неожиданный отпоръ отъ Даммерова дерптскаго, призвавшаго на помощь противъ ордена русскихъ, жмудъ и даже виталіанъ, пиратовъ, «друзей Божіихъ и враговъ рода человѣческаго».—Съ такими союзниками Даммерову удалось, въ 1397 году, оградить себя на

нѣкоторое время отъ нападеній ордена. При заключеніи договора архіепископскіе вассалы уже имѣли своихъ сословныхъ представителей, самосостоятельно принимавшихъ участіе въ переговорахъ о мирѣ.

Между тѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ произошли важныя перемѣны. Въ 1370 году умеръ послѣдній изъ царственныхъ Пястовъ, такъ достойно замыкающій своеѣ величавой личностью длинный рядъ этой народной династіи, — «крестьянскій король» Казиміръ Великій, король польскій. Престолъ перешелъ къ Лоизу, королю венгерскому, большому любителю всего нѣмецкаго, и рѣдко и неохотно посѣщавшему польскія земли, что дало возможность велико-польской шляхтѣ и мало-польскимъ панамъ значительно расширить свои политическія права. Съ этой стороны орденъ на время могъ считать себя совершенно безопаснымъ. Въ 1377 году умеръ другой, опаснѣйшій, сосѣдъ: литовскій великій князь Ольгердъ. Старый князь вмѣстѣ съ Кейстутомъ всю жизнь провели въ непрерывной войнѣ съ орденомъ, но подъ конецъ силы стали измѣнять Литвѣ. Незадолго передъ смертью крестоносное войско проникло до Вильны, и Ольгердъ долженъ былъ просить о мирѣ. Орденъ охотно согласился на перемиріе, предвидя, что покореніе Литвы есть только вопросъ времени, и охотно соглашаясь отсрочить этотъ послѣдній шагъ, чтобы привлекать къ себѣ знатныхъ воиновъ за вѣру изъ западныхъ государствъ. О послѣднихъ дняхъ Ольгерда сохранились разнорѣчивыя извѣстія. Русскіе лѣтописцы говорятъ, что еще за четыре года до смерти великій князь принялъ христіанскую вѣру, по восточному обряду, былъ наименованъ Александромъ, затѣмъ постригся въ монахи подъ именемъ Алексѣя и умеръ въ схимѣ. Длугошъ, напротивъ того, утверждаетъ, что Ольгердъ умеръ язычникомъ и, по древнему обычаю, былъ сожженъ на кострѣ въ княжескомъ уборѣ, вмѣстѣ съ своимъ боевымъ конемъ, въ лѣсу Кокивейстосъ, близъ замка Мисколи. Достоверно одно, что Ольгердъ, умирая, по соглашенію съ Кейстутомъ, передалъ великое княженіе сыну

своему Ягайлу, старшему сыну отъ брака съ тверской княжной Юліаніей. Восьмидесятилѣтній Кейстутъ, оставаясь въ своемъ Троцкомъ замкѣ стражемъ Литвы отъ нѣмцевъ, охотно призналъ главенство 26-лѣтняго Ягайла. Воспитанный матерью христіанкой, общій баловень родныхъ и самой судьбы, Ягайло, оставаясь язычникомъ, далеко не отличался той привязанностью къ народнымъ началамъ, къ народной религіи, которая была главной нравственной силой Кейстута въ его борьбѣ съ нѣмцами. Онъ съ равнодушіемъ смотрѣлъ на наѣзды нѣмцевъ, за которые Кейстутъ платилъ такими-же наѣздами на Пруссію. Даже прежній титулъ великаго князя, столь возвеличенный отцомъ и дѣдомъ, мало льстилъ его самолюбію и онъ не прочь былъ замѣнить его титуломъ короля литовскаго. Съ Ольгердомъ Литва утратила свою главную опору. Простодушный старый рубака Кейстутъ имѣлъ, конечно, сильное нравственное вліяніе на Ягайла, но этотъ былъ не похожъ на своего великаго отца, не обладалъ его государственнымъ умомъ, и потому связь между нимъ и Кейстутомъ лежала далеко не на такихъ прочныхъ основахъ, какъ союзъ Ольгерда съ братомъ. Это не укрылось отъ ордена. Орденской политикѣ было крайне желательно поселить раздоръ въ великокняжеской семьѣ и, какъ мы увидимъ, это предпріятіе удалось. Вскорѣ послѣ перемирія съ Ягайло, братъ его Скиргайло гостилъ у «великаго князя нѣмецкаго» — такъ называли на Руси великихъ магистровъ. Крестоносцы подробно отписывали матери Юліаніи о пирахъ и празднествахъ, которыми орденъ чествовалъ литовскаго гостя, отзываясь весьма лестно для материнскаго сердца о личныхъ качествахъ молодого князя. Расположивъ этимъ въ свою пользу великую княгиню, корреспондентъ нашептываетъ, что «тотъ бѣшенный песъ Кейстутъ имѣетъ преступные замыслы не только противъ христіанства, но и противъ Литвы, а въ особенности — какъ мы уже и прежде доносили вашей милости — жаждетъ овладѣть всѣмъ литовскимъ государствомъ, ежечасно помышляя о томъ, какъ-

бы извести вашего преславнаго сына Ягайла, отнять у него всѣхъ подданныхъ, всѣ замки и захватить все государство. > Навѣты падали на благодарную почву. Глухая неприязнь начала раздѣлять дворъ великаго князя отъ трокскаго замка, а закупленные орденомъ придворные раздували вражду. Между приближенными Ягайла, главнымъ любимцемъ его былъ нѣкій Войдылло, возвысившійся изъ дворцовыхъ хлѣбопекоевъ до брака съ сестрой Ягайла, пользовавшійся особеннымъ и давнимъ нерасположеніемъ Кейстута. По совѣтамъ Войдылла, Ягайло тайно заключилъ съ орденомъ договоръ, по которому обязался не помогать дядѣ, если крестоносцы нападутъ на Троки. — Въ томъ-же 1380 году орденъ ударилъ на Кейстута, овладѣлъ неприступнымъ замкомъ Науенпилле и, благодаря огнестрѣльному оружію, нанесъ знаменитое поражение Кейстуту. Бездѣйствіе Ягайла, безопасность вилenskихъ границъ и знаніе крестоносцами всѣхъ плановъ Кейстута, навели стараго героя на подозрѣніе объ измѣнѣ Ягайла. Витовтъ, сынъ Кейстута, горячо возражалъ противъ подозрѣній отца о виновности его друга, но предположенія перешли въ достовѣрность, когда одинъ изъ комтуровъ, связанный съ Кейстутомъ рыцарской дружбой, предостерегъ старика отъ замысловъ Ягайла, а братъ великаго князя явно перешелъ на сторону крестоносцевъ съ своимъ отрядомъ. Тогда пылкій старикъ рѣшился на отчаянный шагъ. Кейстутъ внезапно явился въ Вильнѣ, захватилъ Ягайла, Корибута, Юліанію, весь дворъ и въ сокровищницѣ нашелъ подлинный договоръ съ крестоносцами, вмѣстѣ съ другими, компрометирующими документами. Витовтъ убѣдился въ виновности Ягайла; но Кейстутъ, однако, ограничился тѣмъ, что предоставилъ Ягайлу владѣть тѣмъ княжествомъ, которое, по смерти Гедимина, досталось Ольгерду, отцу его. Поступая такъ мягко, благородный старикъ, по свидѣтельству нѣмцевъ, желалъ <не запятнать своего рыцарскаго имени и никого изъ своей родни не дѣлать изгнанникомъ изъ отечества>. Ягайло, съ своей стороны, обя-

зался повиноваться дядѣ. Восьмидесятитрехлѣтній Кейстутъ сдѣлался великимъ княземъ. Съ новой яростью бросилась Литва за своимъ старымъ вождемъ на Пруссію. Отдѣльные отряды заходили въ глубь Варміи, до стѣнъ Маріенбурга, но эта послѣдняя вспышка язычества кончилась неудачей. При перемиріи Кейстутъ долженъ былъ уплатить ордену за возвратъ плѣнныхъ 3000 гривенъ и 1000 остался должнымъ. Неудача охладилась истощенный народъ. Приказанія Кейстута исполнялись неохотно. Его смѣлые планы не встрѣчали прежняго сочувствія. Въ народѣ бродила мысль о невозможности прежними средствами бороться съ орденомъ. Древнее повѣрье предсказывало гибель Литвы, какъ только погаснетъ зничъ. Патріоты, измученные неравной борьбой, высказывали отчаянное намѣреніе выжечь свои родныя села, разорить страну и искать новаго отечества въ запустѣлыхъ равнинахъ южной Россіи. Кейстутъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости. Новыя козни довели Войдылла до петли. Только что расправившись съ приверженцемъ нѣмцевъ, Кейстутъ долженъ былъ усмирять брата Ягайлова — Дмитрія Корибута кн. Сѣверскаго, передавагося московскому великому князю. Самъ Ягайло долженъ былъ принять участіе въ походѣ на Корибута, но Ягайло выступилъ противъ Кейстута, заручившись союзомъ съ орденомъ и заговоромъ среди виленскими жителями. Вильна открыла ворота Ягайлу. Витовтъ долженъ былъ удалиться въ Троки, а оттуда, отступая передъ рыцарями, въ Гродно. Застигнутый въ располхъ домашней измѣной, старый Кейстутъ не сдался. Отправивъ пословъ поднять жмудь, ненавидѣвшую орденъ, онъ явился въ Гродно, рассчитывая на помощь зятя, мазовецкаго князя Януша. Янушъ, извѣстный своимъ умомъ, однако, счелъ болѣе удобнымъ отхватить у Литвы земли дрогичинскую и мельницеую и опустошить Полѣсье. Потерявъ всякую надежду на помощь, Кейстутъ удалился въ послѣднюю твердыню язычества, на «святую» Жмудь. Съ послѣдними силами Кейстутъ и Витовтъ стали у Трокъ и были окружены многочисленнымъ войскомъ

ордена и Ягайла. Ягайло, вообще миролюбивый, отправилъ передъ битвой гонцовъ къ Витовту, прося склонить его къ перемирію. Состоялось свиданіе дяди съ племянникомъ. Кейстутъ и Витовтъ просили лишь о томъ, чтобы ихъ вѣрнымъ жмудинамъ оставили жизнь. Ягайло согласился и болѣе 5.000 воиновъ Кейстута пошли въ неволю въ Пруссію. Когда Кейстутъ и Витовтъ хотѣли удалиться, ихъ объявили плѣнниками. Витовтъ остался въ виленскомъ замкѣ. Кейстута, закованнаго въ тяжелыя цѣпи, отправили въ Кривъ и посадили въ подземелье. На пятны сутки распространилось извѣстіе, что старый герой удавился на золотомъ шнуркѣ своей фѣязи. Русскіе лѣтописцы говорятъ, что Кейстутъ убитъ былъ по приказанію Ягайла. Въ Польшѣ смерть Кейстута объясняли самоубійствомъ. Нѣмецкіе хроникеры, при всей своей ненависти къ Ягайлу, не обвиняютъ его въ этомъ преступленіи. Вообще, ни характеръ Ягайла, ни позднѣйшая дружба его съ Витовтомъ, ни разслѣдованіе этого темнаго дѣла, произведенное по требованію Ядвиги Польской предъ вступленіемъ ея въ бракъ съ Ягайломъ, не даютъ никакихъ уликъ противъ Ягайла. Тѣло Кейстута было привезено въ Вильну. Въ послѣдній разъ совершилось пышное погребеніе по стародавнему языческому обряду. Надъ глубокой могилой разложили огромный костеръ, на который возложили тѣло князя, убранное въ латы и княжескую мантию, съ мечомъ, копьемъ и стрѣлами, съ вѣрнымъ его слугою, съ конемъ въ полномъ всоруженіи, съ парой гончихъ и борзыхъ и охотничьимъ рогомъ. Среди погребальнаго пѣнія запылалъ смолистый костеръ и съ трескомъ рухнуло сгорѣвшее тѣло въ глубокую могилу, къ великому ужасу зрителей. Шестидесятилѣтняя Бирута была утоплена во время похоронъ. Сынъ Витовтъ томился въ башнѣ, но его скорѣй перевели въ роковой кривскій замокъ, откуда—совершенно романтическимъ образомъ—ему удалось бѣжать къ прежнимъ врагамъ своимъ—нѣмецкимъ рыцарямъ.

Въ томъ-же 1382 году умеръ Кънипроде, переживъ глав-

ныхъ и опаснѣйшихъ враговъ ордена и нѣмецкаго христіанства. Преемникомъ ему былъ избранъ Конрадъ Цельнеръ фонъ-Ротенштейнъ. Замѣчательно, что рыцари, собравшись въ избирательный капитулъ, не довольствовались уже скромнымъ наименованіемъ крестоносной братіи (*die Kreuzbrüder*), но приняли названіе крестовыхъ господъ, *die Kreuzherren*, что уже тогда подало поводъ обзывать ихъ въ Пруссіи «распинателями» *die Kreuziger*. Каламбуръ оказался на столько мѣткимъ, что приобрѣлъ популярность и нерѣдко серьезные историческіе документы, не шутя, такъ называютъ набожную орденскую братію. Преемникъ Книпроде съ радостью привѣтствовалъ Кейстутова сына, давно извѣстнаго ордену своей рыцарской отвагой и подававшаго надежду, что не уступитъ безъ боя отеческаго наслѣдства въ государствѣ Гедимина. Имѣть подъ рукою готовое орудіе противъ Литвы и Ягайла было очень важно для ордена, тѣмъ болѣе, что въ самой Литвѣ Витовтъ оставилъ многихъ приверженцевъ, готовыхъ на смуту по первому знаку. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ по освобожденіи Витовта Литва заволновалась. Русскія границы были небезопасны отъ татаръ, сосѣдній мазовецкій князь былъ зятемъ Витовта и орденъ принималъ угрожающее положеніе. Ягайло вынужденъ былъ для безопасности государства къ уступкамъ. Въ томъ-же году орденскій маршалъ Конрадъ Валленродъ сѣхался съ великимъ княземъ на Дубиссѣ и результатомъ шестидневныхъ совѣщаній, которыми руководила опытная въ политикѣ великая княгиня-мать, былъ договоръ, по которому Ягайло уступилъ ордену часть Жмуди, отъ моря по Дубиссу, обязался принять крещеніе вмѣстѣ со всѣмъ народомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и помогать ордену во всѣхъ войнахъ, обязуясь вмѣстѣ съ тѣмъ самъ не начинать войны ни съ кѣмъ, безъ вѣдома, согласія и совѣта ордена. Литва обращалась въ ленное, подручное ордену государство. Вынужденный обстоятельствами къ такому договору, Ягайло, однако-же, не подписалъ мирнаго трактата. Передавъ Жмудъ и не отри-

чая обязанности креститься, онъ тѣмъ не менѣе медлилъ исполненіемъ его, поощряемый къ тому орденомъ, у котораго добровольное крещеніе князя отнимало поводъ къ завоеванію Литвы. Ягайло выражалъ полную готовность креститься, но всякій разъ, какъ приходили къ окончательному соглашенію о времени и мѣстѣ крещенія, то орденъ, то литвины встрѣчали какое-нибудь неодолимое препятствіе, причемъ обѣ стороны слагали вину другъ на друга. Орденъ трубилъ по всему свѣту о коварствѣ языческаго князя и, помогая Витовту сѣсть на литовскій престолъ, вторгался въ Литву, гдѣ встрѣчалъ болѣе или менѣе удачный отпоръ. Такъ шло дѣло, когда событія въ Польшѣ измѣнили положеніе дѣла.

По смерти Лоиза Венгерскаго возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи и явились два претендента, Сигизмундъ и Ядвига, дочь Лоиза. Всего менѣе желали поляки водворенія нѣмецкой династіи, только что поднявъ національную славянскую стихію своего государства, только что сокрушивъ разбѣдающія нѣмецкія начала въ своей землѣ при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ. Выродившіеся мазовецкіе Пясты оказывались непригодными и неспособными стать во главѣ государства. Противъ-же Ядвиги, главнымъ образомъ, возставала мелкая и сильная велико-польская шляхта, сохранявшая суровый духъ Пястовъ-завоевателей, традицію о сильной королевской власти и потому не желавшая видѣть женщину на престолѣ Болеслава Храбраго. Велико-поляки предлагали повѣнчать Ядвигу съ Мазовецкимъ Пястомъ Земовитомъ. Болѣе опытные политики, малопольскіе магнаты находили такой бракъ невыгоднымъ для короны. Отвергая Сигизмунда, Земовита и Вильгельма, эрцгерцога австрійскаго, въ дѣтствѣ обрученнаго съ Ядвигой, они находили, что наимыгоднѣйшимъ союзомъ былъ-бы бракъ Ядвиги съ Ягайломъ, претворявшій сосѣда-врага въ друга, сливавшій и литовскія дебри, и обширныя княжества югозападной Руси съ Польшей и червонорусскими землями. Завязаны были переговоры какъ съ Ягайло, такъ и съ королевой венгерской

Елизаветой, матерью Ядвиги, боснячкой по бабѣ, вообще крайне нежелавшей выдавать своихъ дочерей за нѣмцевъ. Одинаковыя политическія выгоды сулилъ этотъ бракъ и Ягайлу. Немедленно отправилъ великій князь брата своего Скиргайла-Бориса въ Краковъ просить руки королевы, обѣщаясь креститься. Елизавета, зная сочувствіе польскихъ магнатовъ къ литовскому князю, не заявила возраженій и предоставила рѣшеніе дѣла Ядвигѣ и польскимъ сановникамъ. Когда вѣсть о бракѣ распространилась, нѣмецкія силы пришли въ движеніе. Орденъ напалъ на Литву, но неудачно. Вильгельмъ австрійскій прибылъ въ Краковъ, имѣлъ нѣсколько романическихъ встрѣчъ съ Ядвигой въ монастырѣ, но не могъ достигнуть консуммаціи брака, послѣ чего ихъ дѣтское обрученіе могло-бы получить значеніе неразрывнаго союза, и долженъ былъ бѣжать изъ польской столицы. Между тѣмъ польскіе сановники представляли юной и прекрасной королевѣ высоту ея равноапостольнаго подвига, если она, выйдя замужъ за Ягайлу, обратитъ этимъ самымъ въ христіанство сотни тысячъ язычниковъ и водворитъ миръ и тишину на всей восточной границѣ Польши. Постепенно сдавалась дѣвушка на доводы политиковъ и прелатовъ. Но ее все таки смущали обвиненія въ убійствѣ дяди, тяготѣвшія на Ягайлѣ, и тѣ фантастическія сказки, которыя ходили о звѣроподобномъ образѣ послѣдняго языческаго государя Европы. Особые довѣренныя послы ея разслѣдовали дѣло о смерти Кейстута и подробно осмотрѣли жениха. Рѣдко, вообще, встрѣтитъ человѣка, родившагося подъ болѣе счастливой звѣздой, какъ великій князь Ягайло. Отецъ назначилъ его государемъ Литвы. Мать безъ памяти любила его и не было болѣе вѣрнаго средства пріобрѣсти ея пріязнь, какъ похвала ея «преславному сыну Ягайлу». Кейстутъ охотно признаетъ его своимъ главою, и даже при явной измѣнѣ національному дѣлу не рѣшается поднять руку на любимца всѣхъ Гедиминовичей. До послѣдней минуты талантливый Витовтъ оспариваетъ подозрѣнія проникательнаго отца. На-

конецъ, гибель грозитъ Ягайлу, но и тутъ обстоятельства складываются такъ, что и Кейстутъ и Витовтъ попадаютъ въ его руки и онъ изъ подначальнаго князя становится самодержцемъ Литвы прочнѣе, чѣмъ когда либо. Смуты въ Польшѣ отдають въ его руки червоно-русскіе города, проданные венгерскими воеводами и въ то время, какъ орденъ расчитываетъ окончательно захватить Литву, Польша является къ нему на помощь и объединяетъ силы славянства и литвы для борьбы съ нѣмцами. Такое счастье и удача выпали на долю личности, въ сущности, очень скромной и обыкновенной. Въ наружности Ягайлы не было ничего необыкновеннаго. Это былъ человѣкъ хорошаго роста, крѣпко и стройно сложенный, съ небольшою головою, съ продолговатыми чертами длиннаго лица, безбородый, съ длинными и тонкими усами и острымъ подбородкомъ. Подъ высокими лбомъ бѣгали небольшіе черные, безпокойные глаза. Голосъ его былъ громозъ и грубъ. Говорилъ онъ только по русски. Не любилъ онъ пышныхъ нарядовъ и всегда ходилъ въ простой барашковой шубѣ, крытой бархатомъ, хотя гардеробъ его ломился отъ множества драгоценныхъ княжескихъ одеждъ. Природная впечатлительность и пылкость были смягчены воспитаніемъ среди комнатныхъ боярынь его матери. Онъ любилъ долгія трапезы и ненавидѣлъ поспѣшность. Онъ философски вѣрилъ, что все придетъ въ свое время и что все кончится для него хорошо. Поэтому онъ неодобрительно смотрѣлъ на молодечество въ битвѣ, хотя и не бѣгалъ отъ врага, и зналъ цѣну слова и молчанія. Баловство матери не благопріятствовало его умственному развитію. Хотя при дворѣ матери было много всякихъ учителей, Ягайло не умѣлъ ни читать, ни писать и говорилъ только по русски, на языкѣ своей матери. Его, вообще, считали человѣкомъ недалекимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрямымъ. Понимая недостатки воспитанія, Ягайло тѣмъ болѣе боялся уронить чѣмъ-нибудь свое достоинство, былъ крайне мнителенъ и раздражался при одномъ намекѣ на насмѣшку. Разъ великій магистръ помѣстилъ въ

письмѣ къ нему фразу: «ваше высочество, по своей врожденной мудрости, легко поймете» и т. д. Канцлеръ, читая нѣмецкое письмо, перевелъ это мѣсто совершенно наизворотъ. Цѣлая буря обрушилась на орденъ и только послѣ долгихъ извиненій и оправданій великій магистръ успѣлъ успокоить раздраженнаго князя. Эти опасенія за свое достоинство развили въ Ягайлѣ подозрительность. Онъ вездѣ видѣлъ опасности для себя, что, впрочемъ, отчасти оправдывалось общей деморализаціей того времени. Тайная отравы, какъ мы уже упоминали, была дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Отъ того Ягайло, какъ и прочіе Гедиминовичи, не пилъ ничего кромѣ воды, не ѣлъ никакихъ плодовъ, кромѣ тѣхъ, которые украдкой срывалъ самъ, не принималъ ни отъ кого блюдъ, ножей, платья, бѣлья, кромѣ тѣхъ лицъ, которымъ онъ довѣрялъ. Опасаясь тайныхъ убійцъ, онъ не охотно принималъ неизвѣстныхъ лицъ, окружалъ себя немногими любимцами и давалъ поводъ въ молвѣ, что любитъ наушниковъ и донощиковъ, но вредъ, который при такихъ данныхъ легко могъ-бы выродиться въ тираннію, уничтожался его добрымъ сердцемъ. Ни дурное воспитаніе, ни лѣнь, ни подозрительность, ни отсутствіе образованія не могли заглушить инстинктовъ доброй и великодушной натуры. Въ гнѣвѣ онъ былъ готовъ лично расправиться съ противникомъ. «Ты ко мнѣ съ пергаментомъ, а я тебя сулицей!» кричалъ онъ разъ на орденскаго посла. Отъ того приближенные старались устранять его отъ совѣщаній съ иноземными послами. Знаменитый по всей Европѣ ловецъ, онъ забывалъ все, преслѣдуя звѣря въ литовскихъ дебряхъ, изумляя своей неутомимостью самыхъ страстныхъ охотниковъ. Уже 75-лѣтнимъ старцемъ онъ сломалъ ногу, гонясь за медвѣдемъ въ бѣловѣжской пущѣ. Какъ охотникъ, онъ живо чувствовалъ и понималъ красоту природы. Прохлада непроглядныхъ литовскихъ лѣсовъ, пѣніе птички были ему милѣе прелестей утонченной цивилизаціи городского быта и онъ не разъ совершенно искренно предлагалъ отречься отъ короны и уѣхать

обратно въ Литву, когда встрѣчалъ противодѣйствіе себѣ въ средѣ польскихъ пановъ. Искренность и правдивость его не подлежали сомнѣнію. Ягайло не умѣлъ скрыть ничего. Вспыльчивый, онъ легко забывалъ обиды и, обидѣвъ кого-нибудь напрасно, не считалъ неприличнымъ откровенно сознать ошибку и просить прощенья. Непримирымъ врагъ зубровъ, кабановъ и медвѣдей, Ягайло ненавидѣлъ и всячески избѣгалъ пролитія крови. Щедрый на награду, онъ съ трудомъ рѣшался наказывать, хотя-бы и справедливо. Побѣжденные могли рассчитывать на милость. Заботливость о вдовахъ, сиротахъ и калѣкахъ составляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ сторонъ его личности. «Никто не долженъ уходить изъ нашего присутствія неутѣшеннымъ», говорилъ Ягайло. Онъ благодушно принималъ самые ничтожные дары и по княжески отдаривалъ. Многіе пользовались этимъ, онъ зналъ это и не измѣнялъ своей системы. Давъ слово, онъ считалъ священной обязанностью исполнить его. Непослѣднимъ мотивомъ брака съ Ядвигаю было обѣщаніе его креститься въ продолженіе 4 лѣтъ. Каждое доблестное дѣяніе находило отголосокъ въ его душѣ, вызывало щедрую награду. Отъ того храбрые становились храбрѣе, трусы мужественными и всѣ его войны были успѣшны.—Любовь къ природѣ, наклонность къ воспріятію непосредственныхъ впечатлѣній, наклонность слѣдовать первымъ внушеніямъ чувства, повидимому, вытѣсняли изъ его сердца любовь къ женщинамъ. Онъ, будущій мужъ первой красавицы Европы, оставался ей неизмѣнно вѣрнымъ, но не любилъ ни ее, ни свою вторую жену. Тоже непосредственное созерцаніе природы развило въ немъ глубокое религіозное чувство. Католическіе писатели свидѣлствуютъ о тѣхъ долгихъ часахъ, которыя онъ проводилъ въ молитвѣ при каждомъ важномъ случаѣ. Въ его христіанскомъ благочестіи осталось, однако, много языческаго. Добро и зло представлялись ему одинаково могущественными, демоническими силами. Послѣ крещенія онъ присутствовалъ въ Великой Польшѣ при богослуженіи въ день Воз-

несенія. Когда подъ своды поднялось изображеніе Спасителя, Ягайло, освѣдомившись о значеніи этого дѣйствія, приказалъ поставить предъ образомъ свѣчу, а когда, вслѣдъ за тѣмъ, сверху было низвергнуто изображеніе сатаны, онъ велѣлъ и ему поставить огарокъ. — По натурѣ религіозный, Ягайло вѣрилъ въ безчисленныя суевѣрныя примѣты и соблюдалъ всѣ тѣ обычаи, которые и нынѣ держатся отчасти въ глухихъ уголкахъ сельскаго славянства, тогда-же крѣпко держались во всѣхъ классахъ общества.

Сомнѣнія Ядвиги были разсѣяны и Ягайло въ пышной свитѣ своихъ родичей князей, и бояръ двинулся въ Краковъ, принялъ тамъ крещеніе и вступилъ въ бракъ съ Ядвигой (1386 г.). Едва-ли нужно упоминать, что орденъ скрежеталъ зубами видя, какъ ускользаетъ и литовская добыча, и слава обращенія въ христіанство послѣдняго языческаго народа Европы. Вслѣдъ за крещеніемъ великаго князя послѣдовало крещеніе Литвы, уничтоженіе змичей, священныхъ дубовъ, змѣй и прекращеніе идолослуженія. Конечно, долго еще подъ оффиціальной оболочкой христіанства держался старый культъ у этого упорнаго племени. Тщетно старался орденъ доказать недѣйствительность брака Ядвиги, обрученной Вильгельму: компетентная церковная власть признала необязательность перваго соглашенія. Гораздо болѣе успѣха имѣли завѣренія ордена въ неискренности крещенія Ягайла и Литвы. Несмотря на точное исполненіе дубисскаго соглашенія, западное рыцарство продолжало считать Литву языческой землей, нуждавшеюся въ просвѣщеніи огнемъ и мечемъ. Тѣмъ не менѣе Ягайло, или, какъ онъ былъ названъ при крещеніи и коронованіи, Владиславъ II сумѣлъ ограничить и почти совершенно прекратить эти крестовые походы. Съ одной стороны, папа оповѣстилъ о крещеніи Литвы и воспрепятствовалъ походы, съ другой стороны, Ягайло, или его союзники захватывали воинственныхъ пилигримовъ и тѣмъ прекращалъ приливъ даровыхъ силъ въ орденъ. Ордену оставалось довольствоваться наемниками и вести войну на наличныя

деньги. Но и тутъ христіанинъ Ягайло перекупалъ контрактванную военную помощь и уже гораздо строже караль плѣнныхъ, захваченныхъ въ предѣлахъ, Литвы. Кромѣ того примиреніе съ Витовтомъ, которому Ягайло возвратилъ наслѣдственный удѣлъ Кейстута и потомъ передалъ верховное управленіе Литовскимъ государствомъ, лишило орденъ главнаго пособника для вмѣшательства во внутреннія дѣла Литвы. Витовтъ оказался, какъ скоро прошла необходимость притворства, непримиримымъ врагомъ ордена и заплатился за это тѣмъ, что оба его сына, остававшіеся въ Пруссіи, были отравлены рыцарями. Воспользовавшись ссорой Витовта съ Ягайломъ, Конрадъ Валленродъ съ огромнымъ войскомъ проникъ до Вильны, но городъ отбился, а начавшаяся зима и бездорожье заставили войско вернуться ни съ чѣмъ во-свояси (1390), а вскорѣ затѣмъ Витовтъ примирился съ королемъ и съ тѣхъ поръ до смерти носилъ санъ великаго князя Литовскаго. Послѣднее примиреніе устроилось, благодаря такту и личному обаянію молодой королевы. Героемъ послѣдняго похода на Литву былъ упомянутый нами Конрадъ Валленродъ, избранный вскорѣ послѣ кампаніи великимъ магистромъ и получившій громкую извѣстность, благодаря поэтическому вымыслу великаго польскаго поэта. Въ личности великаго магистра, въ самомъ дѣлѣ, если взять ее отдѣльно отъ окружающей среды, отъ вѣковаго типа, слагавшагося въ орденѣ, есть что-то странное, дикое, фантастическое. Валленродъ или Вальдродъ еще ребенкомъ вступилъ въ орденъ и воспитался въ немъ. Послѣдовательно онъ былъ комтуромъ, маршаломъ, великимъ комтуромъ и великимъ магистромъ ордена. Во внѣшнихъ сношеніяхъ это былъ образецъ монашескаго смиренія и покорности, поклонникъ справедливости, находящій въ пергаментахъ ордена юридическое оправданіе всѣмъ притязаніямъ ордена, грабящій Литву для того, чтобъ мечемъ осуществить свое право на всю Литву, подаренную ордену императорами, сторонникъ мира, убѣждающій Владислава II жить въ согласіи съ орденомъ для

славы и пользы Польши и потому не мѣшались въ войны ордена съ Литвой, стыдливо сознающійся чешскому Вацлаву, что потому не отвѣчалъ на его запросы о дѣлахъ ордена съ рижскимъ архіепископомъ, что стыдно было отвѣчать. Онъ ведетъ дѣятельную чувствительную переписку со всѣми королевскими дамами, славить отца Ядвиги за любовь къ ордену и вѣрѣ, пишетъ ласковыя письма ко всѣмъ панамъ и не щадитъ ни подарковъ, ни ссудъ для нужныхъ людей. Но медоточивый аббатъ былъ совершенно инымъ человѣкомъ у себя дома. Безобразной, отталкивающей наружности, онъ вселялъ страхъ всѣмъ окружающимъ. Предъ нимъ дрожали орденскіе сановники, дворянство и духовенство. Въ то время, когда считали возможнымъ грабежъ церкви, насиліе надъ епископами, всевозможныя нравственныя преступленія—загладить десяткомъ заказныхъ обѣденъ, постройкой часовни, исповѣдью на колѣняхъ передъ духовникомъ; когда, почти не выходя изъ подъ анаемы, считали обязанностью строго исполнять уставныя благочестивыя упражненія и любое преступленіе смывали богомольемъ или битвой съ язычниками,—въ Валленродѣ замѣчается новый поворотъ духовной жизни рыцарства, отсутствіе этого раздвоенія въ религіозной сферѣ. Конрадъ съ презрѣніемъ относился къ религіознымъ формамъ и не могъ сносить вида монашеской рясы. «Если-бы я могъ, говаривалъ онъ,—я бы въ каждой странѣ оставилъ только одного попа, да и того заперъ-бы въ высокую башню, чтобы онъ никого не смущалъ и не мѣшался ни во что, кромѣ своихъ церковныхъ требъ». Эта нелюбовь къ духовенству совпадаетъ съ распространеніемъ въ сѣверной Европѣ ученій вальденсовъ и Виглефа, проникавшихъ туда изъ пражскаго университета, заражавшихъ новшествами главныхъ сановниковъ ордена въ Пруссіи и Ливоніи. Одинаково относился къ духовенству и тогдашній магистръ Ливонскій Веннемаръ Брюнненъ. Прусскіе хроники говорятъ, что на Валленрода имѣлъ неограниченное вліяніе нѣкій еретикъ Леандеръ, которому влагаютъ въ уста слѣдующія изреченія: «всѣ, да-

ющія милостыню попамъ и монахамъ,—отъ діавола, пѣо питають тунеядцевъ, тогда какъ Господь заклалъ въ раю чело-
вѣка на работу. Всѣ князья и вельможи, которые построили монастыри, пока эти стоятъ, не предстанутъ предъ
лицемъ Божиимъ. Всѣ попы и монахи — лживые еретики, ибо не соблюдаютъ того, что обѣщали, не исполняютъ того, чему учать и чего требуютъ. Всѣ проповѣдники — отъ
діавола, ибо возбраняють сношенія съ женщиною, которую, однако, создалъ для этого Богъ и т. п. — Эти идеи, отрицая аскетизмъ, въ своей отрицательной формѣ, льстили
грубымъ животнымъ инстинктамъ, какъ всякая реформаторская идея, односторонне усвояемая неразвитой средой, обильной
грубыми силами и побужденіями. Не терпя духовенства, Конрадъ любилъ парадную сторону рыцарства и, благодаря своимъ
фронтowymъ доблестямъ, пріобрѣлъ репутацію опытнаго вождя, какъ это нерѣдко бываетъ и въ наше время. Онъ дышалъ войной и битвами. Походы, столы
честь, за которыми его сажали рядомъ съ знаменитымъ Бусико и Генрихомъ Ланкастерскимъ (впослѣдствіи Генрихъ IV), какъ это было въ 1390 г., поглощали всѣ его помыслы и
огромныя суммы денегъ. Но результаты походовъ не соответствовали надеждамъ и лишь истощали казну ордена. Валленродъ умеръ въ 1393 году какой-то страшной смертью,
кусаясь въ бѣшеномъ припадкѣ горячки, среди громовыхъ раскатовъ лѣтней бури. Духовенство приписало его смерть Божьей карѣ за его пристрастіе къ пролитію крови, какъ
всегда бываетъ въ области религіозной жизни, не было недостатка и въ противоположныхъ крайностяхъ. Одновременно съ вольнодумцемъ Валленродомъ жили и умерли двѣ
святые: Бригитта (1391) и Доротея (1394), одна знатная шведская дворянка, другая—прусская крестьянка, подвергавшія себя жесточайшимъ истязаніямъ и заживо стяжавшія
громкую славу святости. Бригиттѣ приписывается книга откровеній, въ которой неизвѣстный авторъ темнымъ языкомъ средневѣковой мистики предсказываетъ конечную ги-

бель развращенному обществу и въ особенности обличает пороки ордена. Болѣзненно воспріимчивую натуру фантастовъ поражало отсутствіе нравственныхъ началъ въ орденѣ, когда онъ стоялъ на высшей степени славы и могущества. Премникъ Валленрода Юнгингенъ отличался противоположными качествами, онъ жилъ въ ладахъ съ духовенствомъ и избѣгалъ войны. 14-лѣтнее правленіе его было временемъ мира, удачныхъ финансовыхъ операцій и территоріальныхъ приобрѣтеній. Доходы ордена достигли небывалой цифры 800.000 гривенъ въ годъ. Рыцарство утопало въ обилии и роскоши. Города развивали свои муниципальныя силы и Юнгингенъ уже въ каждомъ важномъ случаѣ совѣтовался съ земскимъ рыцарствомъ, шляхтой и бургомистрами важнѣйшихъ городовъ. Орденъ гордо возвышалъ свою голову, но этотъ желѣзно-золотой колоссъ опирался на скудельныя ноги. Впрочемъ, раздоры сосѣдей выставляли въ выгодномъ свѣтѣ политическую стойкость и выдержку ордена. Пользуясь тѣмъ, что громадныя владѣнія Витовта, унаслѣдовавшаго доблести Кейстута и государственный умъ Ольгерда, владѣнія обнимавшія тогда большую часть русскихъ земель дѣлали зависимость Витовта отъ Ягайла тягостною и побуждали его къ частымъ несогласіямъ и враждѣ съ королемъ Польши,—орденъ успѣлъ заключить сдѣлку, по которой отдавалъ Ягайлу заложенную Добржинскую землю и получалъ въ замѣнъ всю Самогитію. Но жмудяки, вторично окрещенные орденомъ, протестовали противъ такого распоряженія рядомъ возстаній, продолжавшихся непрерывно до самой смерти Юнгингена (1407). Мирное правленіе его было ознаменовано интересными законодательными актами. Строгостью онъ хотѣлъ воздержать рыцарство отъ деморализаціи, дѣлавшей ужающею успѣхи въ средѣ орденской братіи, явно издѣвавшейся надъ «матерью игуменьей», надъ «монахомъ», надъ «монашкой», какъ прозывали Юнгингена. Дѣйствительно, съ монашеской суровостью относятся его уставы къ паденію женщины, уступившей порыву любви и страсти. Эстонскимъ вассаламъ онъ далъ

въ 1397 году важную привилегію, извѣстную подъ именемъ Гаррійскаго и Виронскаго права: ленныя помѣстья утверждались за мужскимъ и женскимъ потомствомъ вассаловъ на пять поколѣній, т. е. навсегда. Это важное право вскорѣ было даровано и остальному дворянству и стало общей привилегіей всѣхъ ливонскихъ рыцарскихъ корпорацій.

Юнгингенъ сознавалъ опасность, грозившую со стороны Польши, чувствовалъ, какъ много горючихъ матеріаловъ накопилось у Польши съ Литвой и въ орденскихъ земляхъ, какъ жаждала обновленная и объединившаяся Польша помѣяться силами съ орденскими рыцарями,—которые, въ свою очередь, видѣли, что разгромъ польско-литовскаго государства составляетъ вопросъ жизни и смерти,—и потому, умирая, просилъ не избирать великимъ магистромъ ни своего брата Ульриха, бывшаго компаномъ и задушевнымъ другомъ покойнаго Валленрода, ни заклятаго врага Польши Вернера Теттигена, стоявшихъ во главѣ партіи войны. Его совѣтовъ не послушали. Великимъ магистромъ сталъ Ульрихъ Юнгингенъ, рыцарь блестящей храбрости и врагъ клобуковъ. Война съ Польшей была неизбежна и обѣ стороны ждали только сколько нибудь уважительнаго повода, чтобы начать ее. Поводъ скоро нашелся, тѣмъ болѣе, что, главное препятствіе войны съ орденомъ, исчезло королева Ядвига умерла въ іюлѣ 1399 года, переживъ нѣсколькими днями давно желаннаго ребенка первенца.

Настоящіе, серьезные поводы къ войнѣ существовали давно. Не говоря уже о томъ вѣковомъ напорѣ нѣмцевъ на западныхъ славянъ, отъ котораго Польша успѣла отбиться только при послѣднихъ Пястахъ, ни Польша, ни Литва не могли забыть утраты Поморья, Данцига и Жмуди. Сигизмундъ уступилъ, кромѣ того, ордену Новую Мархію, бывшую леномъ Польской короны. Польскіе короли не признавали юридическихъ доводовъ ордена и продолжали титуловаться государями Поморья, не смотря на постоянные протесты ордена. Рыцарство Новой Мархіи, въ началѣ XV вѣка, до того

усвоило себѣ обычай разбойничать по дорогамъ, что даже орденъ наконецъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости, что весьма не понравилось дворянству, вслѣдствіе чего начался ропотъ и многіе дворянскіе роды возобновили въ тайнѣ союзъ съ королемъ польскимъ. Однимъ изъ такихъ недовольныхъ былъ рыцарь Ульрихъ фонъ-деръ Остенъ, владѣтель стариннаго польскаго замка Дрезденка (Driesen), стоявшаго на островѣ рѣки Нотеціи (Netze). Предки его попеременно присягали на феодальную вѣрность то королямъ польскимъ, то маркграфамъ бранденбургскимъ. Въ 1402 году Остенъ призналъ своимъ государемъ Ягайла, обязавшись, на случай безпотомной смерти, передать свою крѣпость польскому королю. Въ 1404 году Новая Мархія, на границѣ которой стоялъ Дрезденко, была куплена орденомъ. Въ 1401 году Ульрихъ Остенъ обязался уступить замокъ Польшѣ немедленно, получая взаменъ земли внутри королевства, но черезъ три мѣсяца, гостя въ Маріенбургѣ, продалъ эту важную твердыню рыцарямъ, которые, не теряя времени, заняли ее сильнымъ отрядомъ. «Не бывать мнѣ королемъ польскимъ, если крестоносцы не возвратятъ мнѣ Дрезденка!» воскликнулъ взбѣшенный Ягайло, узнавъ объ этой новой операціи ордена. Поляки дипломатическимъ путемъ заявили свои притязанія на пограничную землю по рѣкѣ Држенцѣ, орденъ отвѣтилъ такимъ надменнымъ письмомъ, «какого еще никогда не получали польскіе короли.» Пока живъ былъ магистръ Конрадъ, дѣло ограничивалось язвительной перепиской, подливавшей масло на огонь, но рѣшительнаго разрыва не было. Новый магистръ Ульрихъ, котораго предшественникъ называлъ явнымъ еретикомъ, былъ рыцарь великодушный и смѣлый, любившій войну, подвиги, дамъ, вино, танцы и музыку, ненавидѣвшій монаховъ, неменьше своего друга Валенрода, слѣпо вѣрившій въ силу множества мощей въ капеллахъ ордена и еще болѣе въ силу горъ золота, накопленнаго бережливымъ его предмѣстникомъ, съ помощью которыхъ онъ могъ завоевать десять такихъ королевствъ,

какъ Ягайлова Польша. Пока набожный Ягайло служилъ панихиды по умершемъ магистрѣ, пока Польша и Литва наивно вѣрили, что орденъ добровольно удовлетворитъ ея справедливыя притязанія, орденскіе рыцари захватили другую крѣпость по Нотеціи—старопольскій Сантокъ, лили пушки, ковали оружіе, дѣятельно переписывались съ иноземными государями и обходили Витовта, стараясь изолировать Польшу въ предстоящей войнѣ. Ульрихъ даже обратился къ посредничеству Витовта въ этомъ спорѣ, рассчитывая на его приверженность ордену. Но Витовтъ рѣшилъ дѣло въ пользу Польши (1408). Недовольный рѣшеніемъ, Ульрихъ прервалъ мирные переговоры. Между тѣмъ въ 1409 году Витовтъ поднималъ Жмудь и въ союзѣ съ ней началъ войну съ нѣмцами. Ульрихъ, готовясь къ рѣшительному удару на Литву, освѣдомился: будетъ-ли помогать Литвѣ Ягайло, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, объявилъ, что лучше бить врага по лбу, нежели по ногамъ и воевать въ богатой Польшѣ, нежели въ безлюдной Литвѣ. Черезъ нѣсколько дней герольдъ формально объявилъ Ягайлу войну и вслѣдъ за этимъ сильное нѣмецкое войско вторгнулось въ землю Добржинскую, заняло Добржинъ, Липно, Рыпинъ и осадило укрѣпленный городъ Бобровники. Нападеніе было такъ быстро, что Польша не могла дать отпора и попросила перемирія. Рыцари согласились подъ условіемъ временнаго обладанія Добржинской землей, которую дѣйствительно и покорили всю, пока тянулись мирные переговоры. Новымъ посредникомъ явился нѣмецкій король Чехіи, закупленный рыцарями за 60,000 гульденовъ. Перемиріе было продолжено до іюня 1410 года, въ февралѣ-же мѣсяцѣ король Вацлавъ изрекъ такое рѣшеніе: «Дрезденка, Сантокъ и Жмудь остаются за орденомъ, земля Добржинская поступаетъ въ вѣдѣніе чешскихъ комиссаровъ, пока Ягайло не обезпечитъ ордену спокойное владѣніе Жмудью; король польскій не будетъ болѣе именоваться государемъ и обладателемъ Поморья, по смерти же Ягайла поляки отказываются отъ права возводить на

свой престолъ великихъ князей литовскихъ и будутъ избирать себѣ королей единственно изъ западныхъ принцевъ. Всѣмъ въ Польшѣ очевидно стало, что нѣмецкій западъ дружно желаетъ покончить съ славянствомъ, и оставалось только съ пользой употребить пятимѣсячный остатокъ перемірія.

Душой военныхъ приготовленій и дѣйствій сдѣлался Витовтъ. Зимой Ягайло условился съ нимъ о планѣ военныхъ дѣйствій. Гостившій въ Литвѣ, ханъ золотой орды Саладинъ обѣщалъ привести 30,000 татарскихъ наѣздниковъ. Витовтъ затребовалъ дружины волоховъ, бессарабовъ и армянъ и двинулъ ополченіе изъ русскихъ княжествъ. Польша созвала всю шляхту, служившую у иностранныхъ государей, и наняла 10,000 наемниковъ изъ заграницы, преимущественно чеховъ. Земскій характеръ славянства сказался въ томъ, что общественное мнѣніе было противъ найма солдатъ на защиту народнаго дѣла, но коронный маршалъ защитилъ пользу найма политическимъ аргументомъ, что, по его мнѣнію, лучший воинъ—наемный: если онъ побѣждаетъ, ему платить побѣжденный; если его побѣдятъ—ему никто не платитъ. Всѣ эти приготовленія совершались въ величайшей тайнѣ. Съ умысломъ распускали ложныя извѣстія о бездѣятельности Ягайла и Витовта, и между тѣмъ Ягайло устраивалъ колоссальныя охоты, солили мясо и отсылали въ извѣстные пункты, готовили понтонныя мосты, разсылали шпионовъ, подъ видомъ нищихъ, по всей Пруссіи, которые, переходя отъ ксендза къ ксендзу, получали подробнѣйшія свѣдѣнія о силахъ ордена и затѣмъ сообщали ихъ черезъ епископа Куявскаго Ягайлу. «Жаль мнѣ,—предостерегалъ Ульриха одинъ изъ тайныхъ друзей ордена,—что въ вашей странѣ такъ много невѣрнаго народа, а вы не замѣчаете его неблагонадежности.» Но на предостереженія орденъ, увлеченный воинственнымъ духомъ, не обращалъ уже никакого вниманія. Всякій рыцарь ни во что ставилъ крестьянина, горожанина и турка. Нѣмецкій рыцарь съ презрѣніемъ смотрѣлъ на «кожуховаго» поляка и

литвина». Это не войско, это толпа сволочи, у которой больше лаптей нежели доспѣховъ» такъ отзывались нѣмцы о польско-литовскихъ дружинахъ. Давно готовые къ войнѣ, крестоносцы наняли множество солдатъ за границей и усилились значительными отрядами добровольныхъ охотниковъ изъ западно-европейскаго рыцарства. Если въ рядахъ Ягайла и Витовта можно было встрѣтить представителей всѣхъ народностей юго-восточной Европы, то въ войскѣ ордена видны были всѣ народности романо-германскаго запада. «Великая война», какъ называли это столкновеніе современники, дѣйствительно принимала характеръ грандіозной боевой встрѣчи между востокомъ и западомъ Европы, между славянствомъ и германствомъ. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ къ примиренію, изъ приличія сдѣланныхъ Ульрихомъ, въ іюнѣ 1410 года перемиріе окончилось, обѣ непріятельскія арміи жаждали встрѣчи и быстрыми переходами двигались къ деревнямъ Грюнвальду и Танненбергу, крестоносцы отъ Лобавы и Фрагенау, поляки отъ Домбровна.

Ночь съ 14 на 15 іюля была чрезвычайно бурная. Сильный вѣтеръ рвалъ палатки и не позволилъ даже раскинуть походной церкви, въ которой Ягайло хотѣлъ отслушать обѣдню. Витовтъ убѣдилъ короля отложить молитву и войско двинулось къ сѣверу. Путь проходилъ по мѣстности, густо заросшей лѣсами и рощами, которые невдалекѣ отъ деревушекъ Грюнвальда и Танненберга оканчивались широкой поляной, слегка покатой съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Поляки стали таборомъ внизу на краю лѣсистой низины, между озерами Домбровскимъ съ правой и Любенемъ съ лѣвой стороны. Подъ защитой лѣсовъ, соединенное войско, не боясь нечаяннаго нападенія, могло раскинуть станъ, отдохнуть и поправиться. Главное начальство надъ польскими хоругвями имѣлъ краковскій мечникъ Зындрамъ, «человѣкъ великаго духа, истинно гетманскаго, хотя съ виду приземистый и малорослый». Разноплеменнымъ ополченіемъ Литвы предводилъ Витовтъ, знаменитый воинъ, близко знакомый съ

тактикой западнаго рыцарства, съ свойствами русско-литовскихъ дружинъ и съ военными пріемами татаръ, валаховъ, армянъ и другихъ союзниковъ. Какъ только войско расположилось, гонецъ за гонцемъ стали прибывать съ извѣстіями о приближеніи нѣмцевъ. Собрался военный совѣтъ, а тѣмъ временемъ набожный король удалился въ походную церковь и погрузился въ продолжительную молитву. Пока Ягайло, неторопливый, какъ всегда, молился, Витовтъ, у котораго орденъ отравилъ дѣтей, погубилъ отца, отнялъ Жмудъ — разставлялъ войска въ боевой порядокъ. Поляки заняли правый «рогъ» или крыло; ближе къ Гринвальду, и вмѣстѣ съ ними стали наемныя войска и червонорусы; литвины заняли лѣвый рогъ, ближе къ Танненбергу. Каждый рогъ дѣлился на отдѣльныя хоругви, въ которыхъ числилось отъ ста до двухсотъ рыцарскихъ копій и до 1000 пѣхотинцевъ, вооруженныхъ луками или арбалетами. Нѣсколько хоругвей строились, «по стародавнему обычаю», въ клинъ. Въ остріѣ клина становились отборныя «предзнаменныя» рыцари. Малопольскія хоругви, выставленныя богатыми панами, блистали дорогимъ оружіемъ, всадники, покрытые латами (отъ сл. *platu*, *Platen* — кованые доспѣхи), пестрѣли перьями, носили за кирасами деревянныя, пышно оперенныя крылья; скромнѣе былъ видъ великопольскихъ хоругвей и еще проще и хуже были литовскія хоругви. Въ послѣднихъ доставало воиновъ въ полномъ вооруженіи только на прикрытіе вершинъ и боковъ клиновъ; середина же была наполнена людьми полувооруженными. Надъ польскими хоругвями вѣяли разноцвѣтныя знамена съ гербами королевства, отдѣльныхъ земель и могущественныхъ пановъ. На литовскихъ знаменахъ вездѣ виднѣлась «погоня», т. е. всадникъ на конѣ, гербъ Литвы. Хоругвей было въ польскомъ рогѣ 50, въ литовскомъ 40 и всѣ онѣ были расположены въ три ряда такъ, что между ними образовались двѣ широкія улицы, о которыхъ пѣлось въ нынѣ затерянной былинѣ, сложенной на Руси, какъ Витовтъ: «шелъ тогда по улицѣ, передъ нимъ

двѣ саблицы». Численность всего войска, съ обозомъ, не превышала 100,000 человекъ, такъ какъ хоругви были далеко не полны. По тогдашнему времени, однако, это было огромнымъ войскомъ. При войскѣ находилась и артиллерія, неимѣвшая, впрочемъ, никакого значенія въ исходѣ битвы. Прикрытое лѣсами, соединенное войско казалось значительно слабѣйшимъ, нежели было въ самомъ дѣлѣ, что еще болѣе ослѣпило нѣмцевъ, и помимо того имѣвшихъ очень неточныя свѣдѣнія о непріятельскихъ силахъ.

Узнавъ объ остановкѣ врага, великій магистръ безъ отдыха прошелъ двадцать одну версту до Гринвальда. Рыцари возликовали, увидавъ сверху немногочисленную армію, припертую къ лѣсу, открытую съ фронта для блестящей атаки тяжеловооруженныхъ всадниковъ. Ульрихъ поспѣшилъ стянуть къ Гринвальду идущія войска и, вполнѣ увѣренный въ побѣдѣ, расположилъ армію въ боевой порядокъ. Уже одна численность давала ей перевѣсъ. Никогда еще болѣе многочисленное войско не собиралось подъ знаменемъ чернаго креста и орла. Въ рядахъ крестоносцевъ числилось до 50 хоругвей, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ было по 600 копій и 2500 пѣхотинцевъ. Общая численность доходила до 83000 человекъ. Между ними виднѣлись тамъ и сямъ бѣлые орденскіе плащи. Всѣ наличные рыцари (до 700) начальствовали разными частями. Изъ Ливоніи пришло вспомогательное войско подъ сине-красно-бѣлымъ знаменемъ. Князь поморскій Казиміръ, чешскіе бароны Олесницкіе «охотно» привели съ собой многочисленные отряды. Орденская дисциплина сплотила всю армію однимъ нѣмецкимъ духомъ, одной ненавистью правовѣрныхъ ратниковъ къ литовскимъ «язычникамъ», русско-польскимъ еретикамъ и татарамъ. Передъ самымъ началомъ битвы, наемный чешскій отрядъ упалъ духомъ и предложилъ Ульриху свои 300 копій, но магистръ гордо отвѣтилъ, что онъ не Христосъ и не нуждается въ Іудахъ. Начальникомъ этого отряда называютъ рыцаря изъ Трочнова и есть мнѣніе, что этотъ рыцарь ни-

кто иной, какъ знаменитый впослѣдствіи Жижка, который несомнѣнно во время битвы былъ въ рядахъ польскаго войска. Рыцари были слишкомъ ослѣплены своимъ превосходствомъ и рвались на битву. Дальнѣйшее промедленіе становилось неудобнымъ. Іюльское солнце отвѣсными лучами обдавало желѣзныя брони, которыхъ рыцари не покидали съ разсвѣта, а между тѣмъ непріятель, стоя подъ тѣнью лѣса неподвижно въ боевомъ порядкѣ, не давалъ возможности отдохнуть. Магистръ созвалъ на совѣтъ главныхъ вождей. Положили отправить къ королю двухъ герольдовъ съ двумя обпаянными мечами, что означало вызовъ, пригласить его на битву и предложить для большаго простора отодвинуть нѣмецкое войско нѣсколько назадъ. Рамрикъ, герольдъ короля венгерскаго, въ одеждѣ съ чернымъ орломъ на золотомъ полѣ, и герольдъ поморскій съ графомъ на бѣломъ полѣ, гербомъ Поморья, отправились въ польскій станъ. Владиславъ-Ягайло до послѣдней минуты ожидалъ, что не дойдетъ до кровопролитія и, невооруженный, продолжалъ молитву. Когда извѣстили его о прибытіи герольдовъ, онъ принялъ ихъ и думалъ, что они прибыли съ предложеніемъ мира. Но герольды держали рѣчи иного свойства. «Мы приносимъ, говорили они по нѣмецки, отъ имени великаго магистра, великаго маршала и всей орденской братіи два меча тебѣ, король, и тебѣ, князь Витовтъ, въ помощь и вызовъ на бой, который предстоить вамъ сегодня. Вмѣстѣ съ тѣмъ орденская братія позволяетъ вамъ избрать мѣсто, которое признаете наиудобнѣйшимъ. Потому перестаньте медлить, не прячьтесь въ сумракъ лѣсномъ, не сторонитесь малодушно отъ битвы, избѣгнуть которой вы не въ силахъ». Обманутыя надежды вызвали слезы на глаза Ягайла. Онъ кротко отвѣтилъ герольдамъ, что-де мы не ждемъ помощи ни отъ кого, кромѣ Бога, во имя Его принимаемъ эти мечи и желаемъ немедленно вступить съ вами въ сраженіе. Эта сцена тоже была воспѣта въ народной былинѣ, которую слыхали въ Краковѣ еще въ концѣ XVI вѣка.—Войску было приказано быть готовымъ къ бою по пер-

вой трубѣ. Королевская армія должна была вступить въ дѣло не вся разомъ, но отдѣльными отрядами, или гуфами (Haufen): сначала Литва, Русь и татары, затѣмъ польскіе хоругви въ лѣвомъ рогѣ, а потомъ «гости» или наемныя дружины изъ центра. Король, окруженный отборнымъ отрядомъ изъ 60 рыцарей, объѣхалъ войска, сказалъ краткое, но сильное слово и остановился у лѣваго крыла. Витовтъ былъ повсюду. Войско, слышавъ трубу, громко запѣло древній польскій гимнъ «Богородица» и правое крыло ударило на встрѣчу нѣмцамъ, которые всей массой, при громѣ довольно безвредныхъ пушекъ, двинулись впередъ, подъ звуки своей боевой пѣсни «Christ ist erstanden!» и обрушились на правое крыло. Цѣлый часъ длилась рукопашная битва, ломали копья, рубились мечами и ножами, бились «мочугами» или дубинами, окованными желѣзомъ. Наконецъ Литва и татары дрогнули и побѣжали вправо къ Любенскому озеру, а три смоленскія дружины, стойко отстаивая шагъ за шагомъ, подались влѣво къ польскому крылу, выдерживая натискъ всей нѣмецкой арміи, часть которой бросилась преслѣдовать бѣгущихъ. Видя проломъ праваго крыла, Витовтъ потребовалъ польскія хоругви. Густые облака пыли неслись въ глаза нѣмцамъ съ поля битвы. Короткій дождь разсѣялъ пыль и открылъ наступленіе поляковъ. Первая стремительная атака нѣмцевъ привела сначала хоругви польскія въ разстройство. Пало государственное знамя и вокругъ него закипѣлъ ярый бой, но поляки оправились, отразили нападеніе и вновь подняли знамя. Въ это время возвратились изъ погони за татарами упоенные первой удачей нѣмцы, а съ другой стороны, подъ личнымъ предводительствомъ великаго магистра, заѣзжалъ въ бокъ полякамъ запасный нѣмецкій отрядъ изъ 16 хоругвей. Самъ Ягайло преломилъ копье во время этого фланговаго движенія и едва не попалъ въ плѣнъ. Неожиданное нападеніе съ двухъ сторонъ смутило поляковъ. Нѣмцы же радовались окончательному разгрому враговъ, вновь загремѣла ихъ побѣдная

пѣснь: «Христосъ воскресе! возрадуемся, братія о Богѣ, сокрушившемъ язычникамъ роги! Воскресе Христосъ!» Но радость была преждевременна, ибо на помощь полякамъ двинулась третья боевая линія, не принимавшая еще участія въ битвѣ, состоявшая изъ наемныхъ полковъ. Выигравъ двѣ битвы, изумленные нѣмцы неожиданно встрѣтили третьи, свѣжія силы, третью, новую битву. Своевременная подмога ободрила поляковъ. Съ новымъ жаромъ кинулись они на отрядъ великаго магистра, который бился въ самой серединѣ свалки. Битва принимала иной оборотъ и въ то время, когда нѣмцы бились съ поляками, частями и остатками русскихъ дружинъ, неожиданное появленіе Литвы и татаръ, отступившихъ, по своему обыкновенію, только для новаго нападенія, рѣшило участь битвы. Теперь всѣ части польско-литовскаго войска, оправившіяся отъ перваго толчка, уже одной своей численностью подавляли нѣмецкую армію. Густыми рядами падали нѣмецкіе воины, безпорядочно столпившись среди поля около хелминскихъ хоругвей великаго магистра. Татарскіе стрѣлки подстрѣливали коней, остальные безъ пощады били падающихъ враговъ. Оба крыла сошлись и окружили рыцарей. Надежда на побѣду колебалась и совсѣмъ исчезла, когда явился новый врагъ — домашняя измѣна. Прусское земское ополченіе выдало своихъ притѣснителей «распинателей» (Kreuziger) и частью сложило оружіе, частью обратилось въ бѣгство. Приближенные просили великаго магистра объ отступленіи, о послѣдней попыткѣ прорвать смертоносную петлю, стягивающуюся около нѣмцевъ, но магистръ, сначала упоенный побѣдой, потомъ взбѣшенный успѣхомъ презрѣнной польско-литовской сволочи и глубоко пораженный измѣной своихъ, уже потерялъ надежду спасти себя и орденъ. «Не дай Богъ, воскликнулъ онъ, чтобы я уходилъ съ поля, на которомъ пало столько храбрыхъ!» И съ этими словами онъ ринулся на враговъ и умеръ смертью храбрыхъ на грудѣ труповъ, одновременно

съ великимъ маршаломъ ордена Валленродомъ, братомъ знаменитаго Конрада.

Теперь все поле битвы уже представляло безобразную картину безпмятнаго бѣгства, безцѣльной защиты и рѣзни. Изъ 700 бѣлыхъ плащей, уцѣлѣло только пятнадцать. Остальные или грудами устелили равнину, или, склонивъ колѣна, отдавались въ плѣнъ. Ничтожная горсть всадниковъ успѣла прорваться сквозь непріятеля и дать знать своимъ въ лагерь объ участи великаго магистра. Слѣдомъ за ними погоня ворвалась въ станъ и захватила огромный обозъ побѣжденнаго войска. Между прочимъ нашли цѣлыя возы съ веревками и цѣпями для будущихъ плѣнниковъ, пригодившимися теперь для запасливыхъ нѣмцевъ. Нашли также полный запасъ для пира послѣ побѣды. Солнце склонялось и заволакивалось тучами, когда Ягайло поднялся на пригорокъ и обозрѣвалъ поле, залитое кровью, покрытое блестящими кирасами и шлемами убитыхъ. Тамъ встрѣтился онъ съ главнымъ героемъ дня, Витовтомъ. Подъ Витовтомъ было убито нѣсколько коней, самъ Ягайло охрипъ отъ приказаній. Шестъ королевскихъ нотаріусовъ записывали имена плѣнниковъ, которыхъ пригоняли толпами. Около двадцати различныхъ народностей стояли въ этотъ день подъ знаменами ордена. Большую часть плѣнныхъ, а ихъ взято всего болѣе 40,000 чел., Ягайло отпустилъ на слово домой. Въ числѣ плѣнныхъ Витовтъ встрѣтилъ и убійцу своихъ дѣтей, рыцаря Шомберга и Маркварда Зальбаха, который надругался надъ матерью Витовта. «Bist du hi, Markward!» воскликнулъ обрадованный побѣдитель. «Сегодня здѣсь я, а завтра тебя ждетъ та-же судьба гдѣ-нибудь», отвѣчалъ рыцарь и заплатился жизнью за эту встрѣчу. По самому умѣренному счету болѣе 18,000 человекъ изъ нѣмецкаго войска осталось на полѣ битвы. Множество было убито во время бѣгства. Вся орденская сила растаяла подъ Танненбергомъ. «Одинъ Грюнвальдскій день—говорить орденскій лѣтописецъ, уничтожилъ всю славу и гордость ордена.» «Этотъ день былъ днемъ его величайшей славы и

геройства и послѣднимъ днемъ его могущества и счастья. Съ слѣдующаго утра начались дни его несчастія, посрамленія и конечнаго упадка.»

Главный уронъ съ другой стороны понесли литовцы, русь и татары. Польское крыло пострадало мало и не потеряло ни одного военачальника. Пользуясь плодами побѣды, черезъ три-четыре дня можно было стоять уже подъ стѣнами Маріенбурга, по этикетъ среднихъ вѣковъ требовалъ, чтобы чѣмъ значительнѣе была побѣда, тѣмъ долѣе побѣдитель оставался на полѣ битвы, тѣмъ самымъ выражая готовность вновь биться съ врагомъ, если тотъ осмѣливается на это. Военный совѣтъ постановилъ оставаться при Танненбергѣ трое сутокъ. Нашли тѣло великаго магистра, всѣхъ сановниковъ ордена и отправили ихъ на богатой колесницѣ въ Маріенбургъ. Остальныхъ убитыхъ похоронили на танненбергскомъ кладбищѣ. На третій день отправили въ присутствіи всей арміи великую заукокойную службу и послѣ обѣдни король праздновалъ побѣду блестящимъ пиромъ, на которомъ были и знатные плѣнники. Многочисленная канцелярія въ это время спѣшно работала, разсылая по всей Европѣ безчисленныя реляціи о побѣдѣ. Исполнивъ эту обязанность, король двинулся къ Маріенбургу, пославъ по всей Пруссіи летучіе отряды легкой полудикой кавалеріи. По дорогѣ короля осаждали безчисленныя депутаціи дворянства, духовенства и горожанъ съ изъявленіями покорности. Въ теченіе нѣсколькихъ дней вся Пруссія лежала у ногъ Ягайла. Всѣ возстали на орденъ, врывались въ замки и передавали ихъ во власть короля. «Развращенная орда крестоносцевъ—говоритъ Фойгтъ—оказывалась недостойною существованія и прусскій народъ почиталъ за счастье освободиться отъ ея ига.» «Наступила, по словамъ современника, такая измѣна въ орденскомъ государствѣ, такой переворотъ умовъ во всей Пруссіи, какихъ невидано отъ вѣка.» Подъ Маріенбургомъ явились къ королю всѣ четыре епископа, прося принять ихъ подъ свою руку. Окрестные жители добровольно снабжали войско всѣмъ не-

обходимымъ. Вся издавна накипавшая ненависть земли къ ордену проявлялась теперь свободно, ярко и непринужденно. Даже нѣмецкіе костюмы, установленные магистрами для каждаго сословія, теперь сбрасывались. Всѣ, пославянски, брили себѣ бороды, надѣвали польскіе кунтуши и шапки.

Но ордену не суждено было гибнуть отъ одного удара. Его ожидала долгая, безславная агонія, теперь-же нашелся человекъ, остановившій распаденіе государства. Это былъ свенцскій комтуръ Генрихъ Рейсъ фонъ Плауенъ. Получивъ первыя извѣстія о танненбергской катастрофѣ, онъ бросился въ опустѣлый, разоруженный Маріенбургъ, стянулъ наскоро горсть защитниковъ, собралъ запасы, сжегъ посады и привелъ Маріенбургъ въ оборонительное положеніе. Отрядъ рыцарей изъ Германіи усилилъ гарнизонъ. Къ приходу Ягайла Плауенъ располагалъ уже пятитысячнымъ отрядомъ. Началась осада, которой конца не предвидѣлось, такъ какъ осаждающіе были неискусны въ этомъ дѣлѣ, въ войскѣ-же начались заразные болѣзни. Не дремала и политическая интрига. Витовту сообщили, что, разрушая орденъ, онъ готовитъ дѣли себѣ, что побѣдоносный король не долго дастъ ему величаться титуломъ великаго князя. Навѣты подѣйствовали на танненбергскаго героя и онъ ушелъ изъ подъ Маріенбурга съ своими полками. На десятой недѣлѣ осады, король рѣшился возвратиться домой. Къ осени орденъ уже успѣлъ нѣсколько оправиться и нанять войско. Великимъ магистромъ былъ избранъ Генрихъ фонъ-Плауенъ. Въ декабрѣ 1410 года открылись мирные переговоры въ Торунѣ и наконецъ 1 февраля 1411 года былъ заключенъ миръ на выгодныхъ для ордена условіяхъ. Орденъ возвращалъ королю Добржинскую землю и Жмудь, послѣднюю—по смерти Витовта и Владислава, послѣ чего она возвращалась въ орденъ. Король отдавалъ всѣ замки и города, взятые во время войны. Великій магистръ возвращалъ всѣхъ военнопленныхъ и уплачивалъ всѣ военныя издержки: 100.000 копъ грошей. Послѣднее условіе было всего тяжелѣе для ордена,

расточившаго свою казну на приготовленія къ послѣдней войнѣ.

Орденское государство было спасено, но находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Внутренняя организація ордена была сломлена, цвѣтущіе финансы разорены, границы открыты со всѣхъ сторонъ для любого сосѣда. Требовались чрезвычайныя, крутыя мѣры, чтобы залечить эти смертельныя раны. Плауенъ прибѣгнулъ къ нимъ, но тѣмъ самымъ навлекъ на себя ненависть какъ жителей, такъ и братіи. Онъ установилъ тяжкій подоходный налогъ на всѣхъ жителей страны, уменьшилъ пробу монеты, выпустилъ бумажныя деньги, подѣ видомъ долговыхъ росписокъ. Съ рыцарями Плауенъ расправлялся съ беспощадной строгостью, нерѣдко совершенно самовластно, что очень возмущало сановниковъ ордена. Магистру представлялось очевиднымъ, что орденъ не можетъ существовать безъ крѣпкой связи съ остальными земскими чинами, потому онъ, съ совѣта и согласія орденскихъ сановниковъ и ливонскаго магистра, на Эльбингскомъ сеймѣ, постановилъ, что на будущее время въ совѣтѣ великаго магистра будутъ засѣдать двадцать членовъ отъ прусскаго дворянства и двадцать семь гражданъ важнѣйшихъ городовъ, принимая участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ (1412).

Эти реформы, строгія финансовыя мѣры, самодержавныя приемы и склонность великаго магистра къ гусову ученію озлобляли орденскихъ сановниковъ. Ему приписывали намѣреніе упразднить орденъ совсѣмъ и провозгласить себя свѣтскимъ государемъ. Въ 1413 году онъ уже окружалъ себя вооруженной стражей, управлялъ изъ кабинета страной и не совѣтовался ни съ кѣмъ, кромѣ своего брата, данцигскаго комтура, и нѣсколькихъ друзей, игнорируя своихъ совѣтниковъ. Недовольство перешло въ заговоръ и въ 1413 году заговорщики принудили его отказаться отъ званія великаго магистра и сослали комтуромъ въ Энгельбургъ. Оттуда онъ, вмѣстѣ съ братомъ, завелъ сношенія съ поль-

скимъ королемъ, обѣщая передать нѣсколько замковъ, если король поможетъ ему опять сдѣлаться великимъ магистромъ. Заговоръ былъ открытъ и Генрихъ умеръ въ бранденбургской тюрьмѣ; братъ-же его успѣлъ бѣжать въ Польшу, былъ ласково принятъ Ягайломъ и дѣятельно служилъ королю противъ ордена. Репутація ордена быстро упала и на западѣ Европы. Не только перестали являться въ Пруссію вооруженные пилигримы, но сдѣлалось затруднительнымъ залучать къ себѣ даже и кондоттьеровъ, сколько нибудь извѣстныхъ: они охотнѣе шли въ Польшу, гдѣ Ягайло платилъ и уратнѣе, и щедрѣе.

М. П. Соловьевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

	СТР.
Ночь въ дорогѣ, стих. А. Михайлова	1
Евгѣне, повѣсть Л. Симоновой	2
Жена Потифара, поэма В. Юрьева	61
Очерки исторіи Прибалтійскаго края, М. Соловьева	66, 191, 245
Пастухъ, стих. П. Григорьева	136
Изъ записокъ самоубійцы, повѣсть Н. Северина	140, 223
Тихой ночью, стих. Дм. Кирѣевскаго	186
Моя примѣта, стих. Оммулевскаго	221
Проклятый даръ, повѣсть А. Михайлова	297
Совѣтъ, стих. Б. Левина	295

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

За другаго, романъ Пэна, съ иллюстраціями (закончено).
 Трясина, романъ Золя (закончено).
 Мальтійскій жидъ, драма Марло (закончено).